

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2007

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: msps@msps.su

http://www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:

A.H. Архангельский

E.B. Барабанов

P. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

M. Мертес (ФРГ)

Б.Н. Миронов

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

Л.П. Скопцов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: Ю.П. Сенокосов

Заместитель главного редактора Ю.А. Гиренко

Ответственный секретарь А.А. Захаров

Художественный редактор: Людмила Иванова

Редактор: Людмила Бусуек

Верстка: Ольга Козак

Фото: Евгений Греков, Олег Начинкин, Владимир Иванов, Александр Копелев

Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке

Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Института "Открытое общество".

Ответственность за позиции и точки зрения, высказанные в материалах, лежит полностью на авторах.

Содержание

№ 2 (41) 2007

В защиту современности

Куда движется российский капитализм? Юрий Сенокосов 5

Семинар

Конец империи и распределение власти в XXI веке Родерик Лайн 12
Дискуссия 22
Заметки с семинара Юрий Гиренко 28

Тема номера

Фонд будущих поколений и пенсионная реформа Сергей Васильев 30

XXI век: вызовы и угрозы

Как стать великой державой Федор Лукьянов 38

Концепция

О скоростях самоорганизации в гражданском обществе Игорь Кокаев 46

Дискуссия

Слово было. Будет ли дело? Александр Волков 53

Интеллектуальная политическая карта России Игорь Минтусов 58

Политика и культура: национализм в русском хип-хопе Лика Рыгина 65

Свобода и культура

Финское информационное общество Харри Хелениус 71

Человек в профессии

Мораль в конкурентном бизнесе Сергей Петров 77

Новые практики и институты

*Государственные корпорации:
экономическая и geopolитическая эффективность*
Сергей Бурков 84

Горизонты понимания

*Возможности гражданского общества
в контексте административной реформы*
Михаил Савва 91

Наш анонс

На путях к свободе
Ариадна Тыркова-Вильямс 99

Книги

«Философский пароход»
Андрей Захаров 104

Региональное книжное обозрение
Сергей Пономарев
Александр Волков
Владимир Мужаровский 107

Контрапункт
Александр Архангельский 112

Nota bene

Демократия в начале XXI века
Катрин Лялюмъер 117

Человек всегда жил в «современную» эпоху, но не удивлялся этому факту. А гуманисты, открыв для себя античное наследие и Библию, удивились и изобрели новое понятие, в свете которого история предстала как вечное настоящее или постоянно новое. Слово «современный», *modern*, появилось в европейских языках накануне Реформации на фоне кризиса средневековых представлений о человеке и восходит к латыни, в которой наречие *modo* означало «как раз теперь». Это понятие общей новизны и образа жизни, отличного от образа жизни предков, в том смысле, что европейцы уже тогда, переживая прошлое в настоящем, стали осознавать прошлое и будущее как современное. В предлагаемой читателю новой рубрике мы будем отстаивать наш взгляд на естественно сложившиеся ценности современного капитализма и буржуазного общества. Хотя, разумеется, это не просто – защищать в стране то, что дискредитирует себя.

Куда движется российский капитализм?

После распада Советского Союза Россия вступила на путь капиталистического развития и вхождения в мировую экономику. Но, хотя эпоха глобального противостояния социализма и капитализма кончилась, вопрос об устойчивости российского капитализма остается открытым, учитывая природу происхождения нашей буржуазии.

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

Смысл капитализма

Западная цивилизация не только фактом своего возникновения, но своим последующим самосохранением обязана некоему феномену, который точнее всего может быть определен как расширенный порядок человеческого сотрудничества.

Фридрих фон Хайек

Известно, что у первых капиталистов, в отличие от авторов знаменитого «Манифеста коммунистической партии», не было заранее составленного плана преобразования общества, как и далеко идущих целей, кроме получения прибыли. Капитализм возник и утвердился в Европе с XVI века в процессе первоначального накопления капитала, использования наемного труда, развития промышленности и торговли, освоения механизмов рыночной конкуренции, чьему способствовали научные открытия и технические изобретения. Затем в конце XVIII века в результате промышленного переворота появилось крупное ма-

шинное производство, а в конце XIX — начале XX века возникают крупная промышленность и банковские корпорации, складывается устойчивая социальная структура, в которой наряду с крупными собственниками значительное место начинает занимать средний класс, состав которого определялся по таким признакам, как доход, образование, образ жизни т. д. То есть люди, выделявшиеся сравнительной независимостью и престижностью общественного положения.

Другая составляющая капиталистического развития — появление свободной прессы, различного рода ассоциаций и союзов, института выборов, отложенного механизма разделения властей и с середины XIX века — оппозиционных партий.

Так, вступив на путь промышленного и социального развития, в условиях непрекращавшихся войн, насилия и глубоких противоречий Европа стала двигаться к раскрепощению общественных сил и талантов, обозначая контуры новой цивилизации, в которой утверждался и постепенно вызревал новый тип общества, основанного на частной собственности, рыночной экономике, верховенстве права и демократии. Создавая гражданские организации, партии и реформируя политические институты, просвещенные европейцы стремились таким образом организовать пространство своей общественной жизни, когда человек уже не был обязан принадлежать к определенному сословию, повиноваться господину, установленным кем-то нормам.

Рождавшийся «расширенный порядок человеческого сотрудничества», как называл его в свое время лауреат Нобелевской премии Фридрих Хайек, часто обвиняли в бесчеловечности, анархии и непризнании общих целей. Однако истинная история капитализма и его огромная заслуга заключается в том, подчеркивал австрийский экономист, что он делает людей по-настоящему свободными, когда каждый выбирает свою цель, и такие люди заведомо хотят жить лучше и способны договариваться.

О коммунизме и «христианском социализме»

Последователи Маркса в России свято верили в научный коммунизм и критиковали социалистов-утопистов за то, что, не понимая «исторической роли классовой борьбы», они стремились построить гуманное общество исходя якобы из отвлеченных принципов разума, справедливости и свободы. Но если внимательнее посмотреть на историю социалистического движения и на европейскую интеллектуальную традицию в целом, то можно убедиться, что эти «отвлеченные принципы», провозглашавшиеся Анри Сен-Симоном, Робертом Оуэном, Шарлем Фурье, как раз и придали капитализму моральное измерение.

Свобода — продукт цивилизации и растет вместе со степенью моральности, говорил Кант.

Именно моральная составляющая, включая идею *справедливости*, определяла в странах капитализма утверждение и расширение порядка человеческого сотрудничества. Или, другими словами, становление современной социально-ориентированной рыночной экономики и парламентской демократии.

Справедливость имеет смысл только в качестве *нормы человеческого поведения*, а не распределительной функции и достижения экономического равенства, заявили в 40-е годы XIX века практически одновременно в Англии и Франции сторонники «христианского социализма», осуждая социальные последствия безжалостной конкуренции в бизнесе и неограниченный индивидуализм.

Сошлись в этой связи на сочинения французского философа Пьера Леру, последователя Сен-Симона, который настаивал на религиозных истоках социализма (одна из его книг, изданная во время французской революции 1848 года, называлась «Христианство и его демократическая природа»).

Резко критикуя католическую церковь, Леру полагал, что старое христианство должно быть отвергнуто, и свою основную задачу вслед за Сен-Симоном видел в разработке науки о «порядке и организации» общества, цель которого — моральное изменение.

Надо сказать, что после отмены крепостного права сходная тенденция в развитии общественной мысли наблюдалась и в России, в частности в исканиях Достоевского. А в начале XX века идеи «христианского социализма» нашли отклик у С.Н. Булгакова, впоследствии известного русского богослова, порвавшего в то время с марксизмом. Он пытался даже создать в 1905 году христианско-социалистическую партию «Союз христианской политики», сплотившую на некоторое время небольшой круг единомышленников, в число которых входил Н.А. Бердяев. Однако действительного «союза» не получилось. Спустя двенадцать лет в 1917 году Булгаков опубликовал брошюру «Социализм и христианство», а в конце жизни, находясь в эмиграции, размышляя над проблемой отношения православия к социализму, писал: «Это вопрос не догматики, а социальной этики... Реформа социального строя, как и мера осуществимости социального идеала, есть вопрос не только принципа, но и практической целесообразности... Русский коммунизм показал с достаточной очевидностью, каким безмерным бедствием он является, будучи осуществляем как жесточайшее насилие с попранием всех личных прав. Однако возможен иной, так сказать, свободный или демократический социализм, и, думается нам, его не миновать истории».

При этом Булгаков имел в виду, конечно, не только историю России. После Второй мировой войны наряду с социал-демократами именно христианские демократы стали альтернативой военным режимам предшествующих десятилетий, и их идеи легли в основу возрождения Европы. Достаточно упомянуть таких известных политических деятелей, как Аденауэр, Бидо, де Гаспери и Шуман — первых архитекторов будущего Европейского союза.

Российский капитализм

Западной цивилизации угрожали в XX веке две основные опасности — фашизм и советский коммунизм, и обе они были преодолены благодаря сохранявшимся и работавшим институтам демократии.

Отто Херберт Хайек. Знаки города. 1972/80

Именно рынок и качественные общественные институты, их сочетание обеспечили в странах Запада повышение уровня жизни сотен миллионов людей, смягчение социальных противоречий и выработку правового механизма их разрешения на основе следования «отвлеченному принципу» справедливости.

Куда же движется наш отечественный капитализм?

Французы говорят, что есть три рода ума: животный, человеческий и военный. Какой ум определяет в настоящее время вектор российского общественно-политического развития? Обратимся к недавно проведенному исследованию «Самые влиятельные политики России», в ходе которого было опрошено семьсот экспертов в 32 российских регионах.

Его авторы пришли к таким выводам. В стране сформировалась вертикаль власти; при этом силовики пользуются явно большим влиянием, чем принято в традиционных демократиях, но наряду с ними есть и другие серьезные центры влияния: умеренные либералы и крепнущие структуры «Единой России», что тоже указывает на вполне определенный тренд; тогда как СМИ, судебная система и бизнес практически не пользуются влиянием.

Разумеется, пишет Александр Привалов, комментируя эти выводы в еженедельнике «Эксперт» (в котором были опубликованы результаты исследования), большие денежные потоки не могут не влиять на власть. И если опрошенные эксперты такого влияния у бизнеса не отмечают, значит, как и в случае с судом, его влияние принадлежит другим субъектам. Каким? «Очевидно, тем, — подчеркивает он, — кто на деле, а не по хлипкому праву титульного собственника распоряжается финансовыми активами. Таким образом, влияние малого бизнеса эксперты справедливо отписывают местным властям и МВД, влияние среднего и крупного — немного губернатору, а большей частью — опять-таки чекистам».

Другими словами, «строителями» российского капитализма являются «люди в погонах», в основном выходцы из спецслужб, для которых Россия — это страна крупных корпораций, а государственная служба стала одним из самых доходных бизнесов. И именно они определяют стратегию общественно-политического развития страны, поскольку уверены, очевидно из накопленного «опыта» прошлой работы за рубежом в эпоху глобального противостояния капитализма и социализма, что лучше знают, что такое капитализм. И инерцию этого агрессивного опыта и родовой памяти института привносят в область публичной политики.

«Санитары» капитализма

Человеческие достоинства и пороки присущи любому обществу, людям любой национальности и любой страны. Но их соотношение в какой-то момент становится решающим с точки зрения эффективности развития государственных и общественных институтов.

Способен ли наш сегодняшний капитализм обрести иную, нежели агрессивно-бюрократическая, устойчивость, необходимую для вхождения России в мировую экономику?

В эпоху глобализации у каждого из трех субъектов общественно-политического процесса — политического сообщества, бизнес-сообщества и гражданского общества — своя траектория движения и своя цель. Целью политики является, как известно, поддержание общественного блага, целью бизнеса — достижение прибыли, цель гражданского общества — защита прав и свобод человека. В России, вступившей на путь буржуазного развития лишь в последнее десятилетие, сросшиеся еще до момента своего рождения наши «близнецы-братья» — власть и бизнес — фактически парализовали нормальное участие населения в общественных делах. И «рассечь», разделить этих «близнецов» задача не из легких, учитывая, что традиционные общественные институты, профсоюзы и церковь утратили свой авторитет еще при советской власти, а правозащитное движение продолжает восприниматься и политическим, и бизнес-сообществом как чуть ли не главный враг современного развития. Между тем гражданское общество может стать не менее влиятельной силой с точки зрения модернизации страны, если видеть в нем не средоточие неразрешимых проблем, а ресурс для мобилизации сил, способных эти проблемы решать.

Идея гражданского общества, хотя и медленно, но проникает в массовое сознание россиян, являясь своеобразным ответом на этатизм тех, кто отдает приоритет государству, и экономический радикализм тех, кто считает, что решить наши сегодняшние проблемы можно лишь с помощью рынка. То есть, другими словами, это и есть инструмент баланса между государством, бизнесом и обществом в условиях, когда доминируют государственные и экономические принципы управления общественными процессами. Следовательно, у гражданских и общественных организаций, наряду с мелким и средним бизнесом берущих на себя в условиях капитализма роль «санитаров», тоже должна быть своя политика.

Обычно под политикой в России понимают борьбу за политическую власть и ее удержание. Однако может существовать (и в демократических странах существует) публичная, *общественная* политика, то есть заинтересованное взаимодействие и сотрудничество власти и общества для решения конкретных проблем, связанных прежде всего с реализацией прав и свобод граждан. Так что нашим властным структурам и бюрократии придется начать диалог с «санитарами», даже если их (то есть власти) единственной мотивацией является удержание своего статуса.

Свобода и независимость

Капитализм как система ясно показывает, что существует определенная корреляция между понятиями свободы и гражданского общества, с одной стороны, и между понятиями независимости и государства — с другой. С осознания этой связи, собственно, и началось в XVII веке движение европейских интеллектуалов за свободу прессы, независимый суд, разделение властей и т. д., поскольку был поставлен вопрос: как должна быть организована и выстроена власть, чтобы гарантировать сохранение свободы?

И тогда же Джоном Локком был дан ответ на него. В своем втором трактате «О правлении» (1690 г.) он впервые сформулировал принципы социально-политического устройства нового буржуазного общества, открыв тем самым для европейцев горизонт понимания не только возможного, но и *реального* взаимодействия государства и гражданского общества. Реального в том смысле, что субъекты такого взаимодействия действительно понимают: оно возможно лишь на основе признания прав и свобод, реализуемых с помощью *независимых* институтов. А сама свобода при этом, как уже было сказано, растет вместе со степенью моральности наших общественных дел. И, следовательно, приближение к идеалу свободы как моральному принципу зависит не от государства, а от общества.

А независимость?

По этому поводу можно сказать так: независимость нуждается не в морали, а в Законе, на страже которого должно стоять государство, поскольку свобода по формальным основаниям не нужна государству. Свобода, а точнее, право на свободу необходимо гражданам, обществу. И именно поэтому государство (в силу самосохранения) обязано брать на себя функцию обеспечения работы независимых гражданских институтов, определенных сфер экономики и т. д.

Известно, что все в нашей жизни взаимосвязано. Но эта взаимосвязь, в том числе и между свободой и независимостью, не всегда различима, так как чаще всего мы просто об этом не думаем. А если начинаем думать, то склоняемся скорее к тому, что готовы поверить в силу сложившейся традиции только в независимость государства.

Следовательно, повторю еще раз. Поскольку политика основана на силе, а этика на свободе, важно не забывать, что, хотя общество стремится к свободе, а государство в международных делах к независимости, это не значит, что оно может быть успешным, лишая независимости существующие институты. И чтобы этого не случилось, мы должны думать о свободе в терминах морали, а о государстве и его институтах в терминах соблюдения закона.

Буржуазная революция в России продолжается, и российскому капитализму еще предстоит доказать свою эффективность и устойчивость, чтобы стать равноправным партнером других стран в *современном* глобализирующемся мире. А для этого важно, чтобы все институты нашего преобразованного общества — государства, бизнес-сообщества, гражданских структур — понимали необходимость взаимодействия и ответственно исполняли каждый свою роль. Буржуазное общество развивается оптимально, когда между его главными компонентами есть согласованность, а значит, возможность получать максимальные выгоды. Тогда и мораль становится на свое место в качестве их объективного посредника.

Родерик Лайн,
посол Великобритании в РФ
(2000–2004)

Конец империй и распределение власти в XXI веке*

Почему я выбрал темой своего выступления конец империй и распределение власти в XXI веке? Причина, в частности, в том, что сегодня Россия столкнулась с теми же проблемами, что и Великобритания после распада империи. Поэтому полезно, на мой взгляд, посмотреть на эти проблемы в более широком контексте, нежели российский.

Вопрос, как вновь выстроить отношения между бывшей метрополией и бывшими подчиненными нациями, является крайне сложным. Это не просто юридическое оформление их отделения, фиксация новых границ, проблемы собственности, валюты, экономических связей, международного представительства, обороны, безопасности и т. д. Все это очень важно и сложно, но это конкретные задачи. Самая же сложная проблема — на психологическом уровне: как справиться с потерей власти. Если помните, президент Путин однажды сказал: «Любой человек, кто не сожалеет о развале Советского Союза, не имеет сердца. Любой человек, который желает восстановления СССР, не имеет мозгов». Британцы после распада своей империи думали также.

Дальше я буду говорить прежде всего о том опыте, который мы пережили в моей стране, пытаясь почти в течение полувека адаптироваться к новой ситуации. Постимперский синдром, повторю еще раз, испытывала всякая страна, потерявшая былое могущество. Итак, как шел распад Британской империи и каковы были его последствия для самой Британии и для ее бывших колоний?

В 1913 г. 82 процента населения мира проживало в 14 тогдашних империях. В 1946 существовало уже 74 суверенных государства, а к 1995 г. их было 192. Вероятно, в ближайшие годы их число перевалит за 200. По

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в г. Зеленогорске (Ленинградская область) 14 февраля 2007 года.

территории и численности населения Британская империя была самой крупной из всех существовавших в XIX столетии. Она росла даже несмотря на то, что в 1776 году, как-то не заметив этого, мы утратили небольшую страну, называвшуюся Соединенные Штаты Америки. Однако это способствовало тому, что мы смогли нанести поражение несколько меньшей Французской империи, в частности благодаря содействию тогдашних россиян в 1812 году. Сложись все иначе, Британская империя могла бы стать частью Французской империи. Пика же своего могущества Британская империя достигла в последней четверти XIX столетия, то есть 120–130 лет назад. Америка тогда была только на подъеме, Германия только что объединила раздробленные княжества в крупное государство, которое еще не достигло своего пика, Франция достигла вершины и оставалась на ней какое-то время, прежде чем начать сдавать позиции, а Россия быстро стала проводить индустриализацию, но не реализовала свой потенциал. Итак, у нас была своя империя, о которой мы говорили с гордостью: «Солнце никогда не заходит в Британской империи», поскольку на всем земном шаре были территории, окрашенные светом восхода солнца. Это и целый континент Австралия, Индийский субконтинент, огромные территории в Африке.

Основа этого могущества сводилась к 5 факторам. Первый из них — это промышленная революция, которая началась именно в Великобритании. У Британии была в то время самая крупная экономика в мире: из не такой уж большой страны шло 40 процентов всего мирового экспорта; более 50 процентов всех перевозимых морским транспортом грузов были британские.

Второй фактор связан с образованием и развитием науки и техники. Техника и технология, безусловно, были в основе промышленной революции.

Третий фактор — дух предпринимательства людей, которые не удовольствовались только тем, чтобы делать деньги дома. Им нужно было путешествовать по всему миру, вести торговлю, делать инвестиции и таким образом завоевывать многие страны. По сути, Южная Африка изначально управлялась не британским правительством, а корпорацией. Так же было и в Индии после того, как была создана Ост-Индская компания.

Четвертой причиной была стабильная и достаточно сложная система государственной власти и политики. В XIX веке власть переходит от короны к демократическим учреждениям и институтам с их старейшими в Европе правовыми традициями.

Наконец, пятый фактор — конечно же, военный. У Британии была не столько большая, сколько эффективная армия. В первую очередь королевский флот, который действовал по всему свету, защищая торговые связи британцев и военно-политические интересы короны. Так обстояло дело к концу XIX века. Отчего же империя пришла в упадок? В первой половине XX века Великобритания была ослаблена тремя войнами. Первой были восстания в самой империи, например, в Южной Африке в 1899–1902 годы, где голландские колонисты при поддержке африканцев восстали против британского правления. Британской армии потребовалось 3 года, чтобы подавить это небольшое восстание, прибегнув к весьма жестким методам. Кстати, концентрационные лагеря были выдуманы и впервые опробованы именно в Южной Африке, а не в Германии. У нас не было термина «концлагерь», это явление возникло во время англо-бурской войны. Мы выиграли ее, но это было первое предупреждение, что империя, возможно, не столь мощна.

Вторая война — Первая мировая, которая несмотря на помощь Британской империи со стороны других государств

Джим Дайн. Венера с инструментами. 1983

и империя ослабила метрополию и всю империю. Еще более ослабила ее Вторая мировая война. Итак, к 1945 году Британия все еще оставалась империей, владея территорией в 125 раз превышавшей площадь метрополии, но это было также государство, в экономическом отношении оказавшееся банкротом. Страна входила все еще в «Большую тройку» вместе с Советским Союзом и США, участвовала в подготовке проекта Устава ОНН, основала Международный валютный фонд, Международный банк, но тем не менее была банкротом. Еще во время войны американцы ссудили Британии огромные суммы денег, чтобы позволить вести войну, но сразу после нее сказали: «Просим деньги назад». Британское правительство ответило: «Мы можем вам заплатить, только если вновь введем карточки для своего населения». И тогда американцы дали нам еще один заем на очень сложных условиях, что только усугубило состояние банкротства. Но это бизнес, а американцы, как вы знаете, жестко ведут переговоры. Собственно с этого момента Великобритания в течение 35 лет переживала упадок.

Мы еще задолго до войны знали, что не сможем удерживать империю бесконечно. Империи ведь не в один день и не за один год разваливаются. Это был постепенный, растянувшийся на 35 лет процесс, который начался фактически с независимости, предоставленной Индии в 1947 году. Я имею в виду при этом весь Индийский субконтинент, то есть все, что стало Индией, Бирмой, Шри-Ланкой, Пакистаном и Бангладеш, когда он отделился от Пакистана. Но первые шаги по деколонизации были предприняты намного раньше, когда в 1922 году южная часть Ирландии обрела независимость, а до этого стали доминионами Канада, Австралия, Южная Африка и Новая Зеландия. Сегодня они по-

прежнему признают британскую королеву главой государства, но во всех остальных отношениях являются независимыми. Процесс деколонизации, начавшийся в 1947 году, продолжался до 1970-х и включал в себя ряд очень сложных конфликтов. Нам пришлось с 1948 по 1957 год вести войну в Малайзии против партизан, которых поддерживали китайские коммунисты. После этого почти 10 лет длилась вооруженная борьба на Кипре. У нас был целый ряд весьма кровопролитных восстаний в Кении, потом пришлось распрошаться с Южной Родезией, теперь это Зимбабве. К 1980 году мы предоставили независимость по сути всем нашим бывшим колониям, которые пожелали обрести независимость. Хотя все еще есть ряд зависимых территорий, которые слишком малы для того, чтобы быть экономически самостоятельными государствами.

Таким образом, процесс деколонизации растянулся на много лет и в психологическом отношении британцы очень тяжело переживали этот период, так как считали страну великой державой. Поэтому, в частности, мы долго не вступали в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), которое стало впоследствии Евросоюзом. Мы не участвовали в переговорах, считая, что у нас и так много всего разбросано по всему миру. Это была большая историческая ошибка. Потом мы осознали, что больше не являемся великой державой и в 1972 году стали стучаться в двери ЕЭС.

К этому времени по многим экономическим показателям нас стали обгонять Франция, Германия, даже Италия. Наша экономика слишком зависела от тяжелой промышленности — от угля, стали, производства машинного оборудования, от текстиля, в ней доминировали крупные корпорации, многие из которых принадлежали государству, как в литейной, угольной, автомобильной отраслях. К тому же у нас были

мощные профсоюзы, которые часто препятствовали модернизации различных отраслей промышленности. В 1966 году мы оказались в низшей точке кризиса за последние 50 лет и осознали, что гордая страна, которая когда-то была великой державой, оказалась в положении банкрота. Какое-то время мы еще продержались за счет кредитов ВМФ, что было для нас, разумеется, унижительно.

Когда в 1979 году премьер-министром страны стала Маргарет Тэтчер, правительство прекратило государственные субсидии, перестало поддерживать отрасли индустрий, которые были неконкурентоспособными, стало закрывать судостроительные, угледобывающие, сталелитейные предприятия, и мы начали привлекать иностранные инвестиции. Японцы, например, спасли нашу автомобильную промышленность и до сих пор помогают нам очень активно. Изменилась ситуация на рынке труда. Маргарет Тэтчер пошла на конфликт с профсоюзами, поскольку трудящиеся были под очень сильным их давлением. Людям стало легче перемещаться по стране, находить новую работу. Убирались различные протекционистские барьеры, появились конкурентоспособные товары. Финансовый рынок начал очень быстро развиваться. Мы полностью deregулировали деятельность Сити Лондона, и он превратился в крупнейший финансовый мировой и экспортный центр. В настоящее время мы получаем большую прибыль за счет того, что регулируем мировые финансовые потоки. Благодаря решениям, которые приняла Маргарет Тэтчер в 1980–1990-е годы, экономика Великобритании начала подниматься и превратилась в одну из наиболее успешных систем Западной Европы. Мы по-новому посмотрели на реальность, в конце концов осознав, что страна больше не сверхдержава, что если мы хотим действитель-

но чего-то достичь в этом мире, то просто обязаны действовать совместно с европейскими партнерами, с США и другими.

Итак, Британская империя прекратила существование и ее распад был в конце концов осознан британцами как неизбежное следствие глобальных мировых процессов. Однако и сегодня многие независимые государства испытывают проблемы, связанные с колониальным прошлым, в том числе в форме территориальных аномалий, так как в различных частях мира остались бессмысленные границы, нарисованные когда-то по линейке карандашом. Они разделяют этнические группы, народы в странах Азии и Африки. В Нигерии, например, очень трудно достичь стабильности именно по этой причине. Ирак тоже был создан без учета конфликтов между шиитами, суннитами и курдами. С 1947 года до сих пор остается колоссальное количество неразрешенных проблем в Кашмире. Источниками проблем и даже конфликтов являются и принадлежащие Британии небольшие территории. Взять хотя бы известные события на Фолклендских островах в 1982 году. Тогда в ходе военного противостояния с Аргентиной Британия сохранила контроль над этой территорией, хотя никаких особых преимуществ не получает от того, что имеет там свой форпост. С другой стороны, живущие там 3 тысячи человек не хотят, чтобы ими правила Аргентина, они хотят, чтобы их демократические права соблюдались, и мы пытаемся обеспечить это. Другая точка — Гибралтар. По договору, который был подписан 200 лет назад, к нам отошла эта территория в самом «подбрюшье» Испании. Она не имеет серьезного экономического значения, использовалась главным образом как военная база в прошлом, но сегодня утратила даже эту роль. Теперь Гибралтар приносит нам больше проблем, чем каких-то преиму-

ществ, хотя бы из-за контрабанды. Кроме того, у нас есть ряд островов, где размещено большое количество непрозрачных офшорных банков, в том числе русских.

Чрезвычайно важный постимперский аспект связан с проблемами гуманитарного характера. Во-первых, в Британии значительное количество иммигрантов из стран, входивших в империю, — из Индии, Африки, Кипра и других. Многие из них сумели интегрироваться в британскую жизнь, преуспели. На протяжении многих лет мы позволяли людям свободно въезжать в страну, потому что это было свободное содружество наций. Сейчас стало немножко построже, но иммиграция продолжается, по-прежнему разрешается воссоединение семей. Хотя возникает немало различных проблем в связи с известными террористическими инцидентами. Некоторые из причастных к терактам были британцами, их родители давно иммигрировали в Британию, они родились здесь и выросли, получили образование и жили достаточно прилично. Но, может быть, под влиянием фундаменталистской пропаганды или по каким-то иным причинам произошел психологический надлом...

Во-вторых, мы до сих пор ведем дискуссию по поводу идентичности Британии, что неизбежно в стране с большой долей в населении иностранцев, иммигрантов. В Бирмингеме, например, иммигранты составляют на протяжении 10 лет большинство жителей. Такая ситуация вызывает дискуссии, связанные с проблемами мультинациональности общества. Этот аспект рассматривается, как правило, в контексте наследия Британской империи и отношений со странами, которые когда-то были нашими колониями. До сих пор люди там сохранили какие-то обиды на нас, да и

мы многое не забыли. Потребуется немало времени, чтобы люди, которые пострадали от неправильного обращения с ними, преодолели неприязнь. Следует признать, что мы не были свя-

Постимперский синдром испытывала всякая страна, потерявшая былое могущество

тыми: ограничивали людей в гражданских правах, свободах, даже творили какие-то злодеяния. Пожилое поколение Индии, например, до сих пор помнит обиды, которые были нанесены населению страны в 1920–1930-е годы британскими колонизаторами. То же самое в Малайзии, теперь Зимбабве. Кстати, эта когда-то очень успешная сельскохозяйственная страна, которая раньше была крупным экспортером пшеницы и прочих зерновых культур, сегодня страдает от голода, потому что там просто ничего не производится. Роберт Мугабе превратил ее в руины, там культивируется ненависть к англичанам.

Еще один пример того, с каким трудом преодолеваются отдаленные последствия колониального прошлого, — это Ирландия — единственная страна, с которой мы имеем сухопутную границу и очень долго жили бок о бок. Однако события в Северной Ирландии, которая является частью Великобритании, препятствовали нормальному отношениям между британским правительством и правительством Ирландии. Особенно с 1969 года, когда ситуация в Северной Ирландии резко обострилась. Визит в Ольстер королевы в 1972 году был символом нашего примирения, однако потребовалось много лет, чтобы нормализовать отношения.

Британский опыт отнюдь не уникален, несмотря на то, что Британская империя была когда-то самой крупной.

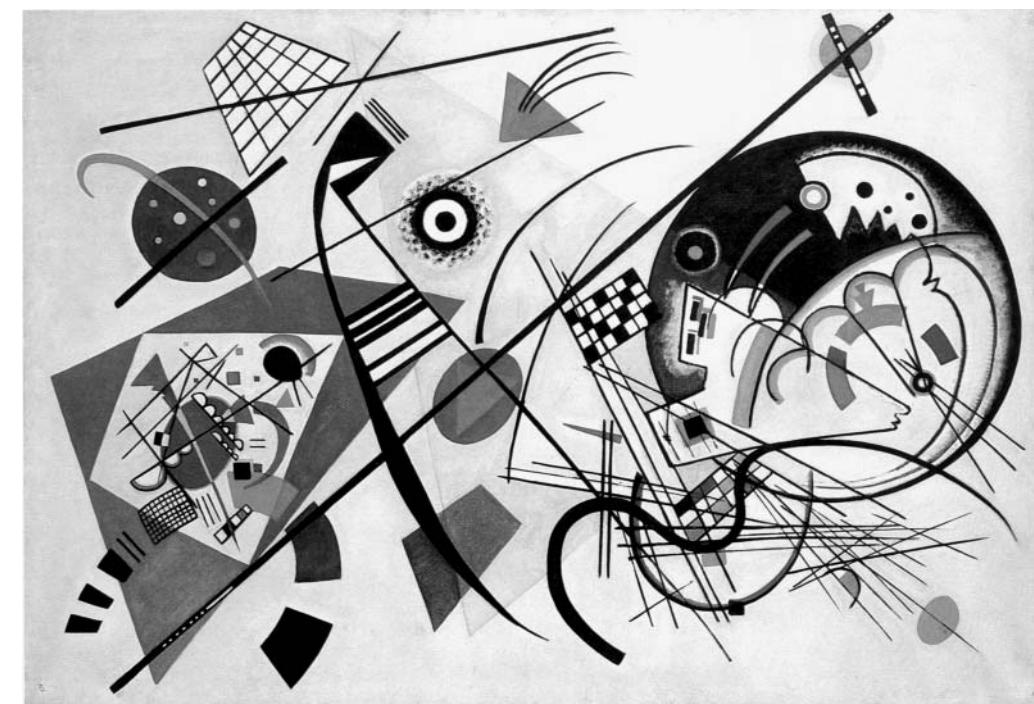
Точно так же распалась португальская колониальная система. Ужасные войны в Анголе привели к падению в Португалии диктаторского режима Салазара и установлению в 1974 году демократии. Распад Португальской империи привел к конфликту в Тиморе, и много лет спустя Восточный Тимор все еще пытается отойти от Индонезии — бывшей голландской колонии. Голландия сегодня также испытывает очень серьезные проблемы в связи с определенным накалом в отношениях с иммигрантами из своих бывших колоний. Главным образом в результате войн в Руанде и в Конго распалась Бельгийская империя с колониями в Центральной Африке. Падение Австро-Венгерской и Османской империй привело к проблемам во всем Балканском регионе, которые тоже не решены, в частности проблемы мусульманского населения Косово.

После окончания Второй мировой войны Франции, подобно Великобритании, также потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что мир изменился. Сначала было поражение Франции во Вьетнаме в 1954 году, потом на протяжении 8 лет — с 1954 по 1962 год — военный конфликт в Алжире. И хотя французы не потерпели поражение, где Голль принял решение отказаться от вооруженной борьбы и уйти из этой страны. Многие французы, которые до сих пор живы, и сегодня считают позорными эти страницы французской истории. Сейчас во Франции очень много иммигрантов из Алжира, Марокко, других стран Африки. И в начале иммиграции, и сейчас этот процесс сопровождается серьезными социальными проблемами, связанными с интеграцией переселенцев в общество.

В оставшейся после распада Османской империи Турции было создано светское государство. Вместе с тем Турция по-

прежнему пытается найти свою идентичность: до сих пор здесь нет четкого представления, является ли это страна европейской. Это мешает Евросоюзу принять окончательное решение о принятии Турции в сообщество. Геноцид армян в Османской империи в 1915 году остается по-прежнему в высшей степени острым: это фактически запретная тема. Не так давно в Стамбуле был убит молодой армянский журналист, который писал на тему резни армян в империи. Это вопрос, который омрачает армяно-турецкие отношения во всем мире. Так же остается неразрешенным территориальный вопрос на Кипре, где Турция незаконно оккупирует северную часть острова, вопреки усилиям ООН и Евросоюза.

Таким образом, историческая судьба России не уникальна. В Великобритании, в Западной Европе нам пришлось пережить этот синдром. России также предстоит пройти путь адекватного осознания психологических, экономических, территориальных последствий распада СССР. Разумеется, история России иная, так же как иной была география и сама природа Российской и советской империи. Тем не менее существует некий общий опыт обретения новой идентичности в постимперский период, адаптирования к новому статусу, создания на равноправной основе отношений с прежними территориями. Достижение мирного сосуществования с теми же Грузией, Латвией, Эстонией или в масштабе какого-нибудь рынка в Москве или Петербурге — это непростой вопрос, но то же самое мы проходили в Лондоне или в Марселе. Западной Европе потребовалось почти 100 лет, чтобы если не разрешить, то смягчить эти противоречия. Можно ли было надеяться, что в России они могли быть разрешены за 15 лет? Хотя во многом путь России гораздо более позитивный, чем опыт европейских держав,

Василий Кандинский. Сквозная линия. 1923

ибо ей не пришлось пройти через вооруженные конфликты таких масштабов, как европейским империям. СССР ушел без кровопролития из Восточной Европы, из Прибалтики, если не считать Вильнюсский эпизод, который, безусловно, значим, из республик Кавказа. Не знаю, в какой мере можно называть противостояние в Чечне имперским конфликтом, потому что Чечня входит в границы Российской Федерации.

В России не так часто хорошо говорят о Горбачеве и Ельцине. Но мне кажется, что то, как им удалось справиться с процессом деколонизации, было в высшей степени успешным. Если мы вспомним развал Британской империи, то только в одной Индии погибло более 20 миллионов человек в результате этнических конфликтов.

Вместе с тем очевидно, что проблемы, которые стояли перед Россией и иными государствами на постсоветском прост-

ранстве были гораздо тяжелее, чем те, которые пришлось решать нам. Мы все-таки поэтапно расформировали свою империю в течение 20–30 лет, у нас не было общих границ по суше. СССР был единственным географическим пространством с единой системой безопасности, в высшей степени интегрированной экономикой, в гораздо большей степени, чем, например, британская колониальная экономика. Люди на советском пространстве испытали шок от внезапности раз渲ла страны и постигших ее перемен. Поэтому неудивительно, что для многих россиян потеря 1/5 территории страны, которая называлась Советским Союзом, очень болезненный процесс. Многие на Западе просто не принимают это во внимание и достаточно резко реагируют на то, что в России ностальгируют по советскому прошлому. Но это проблема не только России, но и всех ее соседей. Им также необходимо научиться вести

себя иначе. Обиды, которые накопились в этих странах против так называемой метрополии, или, если хотите, советской колониальной системы, это то, что мы проходили со своими колониями. Поэтому лучшее, что можно сделать, исходя из мирового опыта последних 200 лет, это приучить себя к мысли о том, что процесс адаптации будет длительным и болезненным. Разумные правители и политики должны осознавать масштаб этой проблемы и ни в коем случае не разжигать конфликты, проявлять сдержанность вместо разжигания или использования национальных противоречий.

Попытаюсь теперь заглянуть в будущее. Куда мы движемся в XXI веке? Возможно, одна из хороших новостей заключается в том, что Россия сбросила бремя имперского прошлого и получила возможность развиваться как современное и эффективное государство. Соединенные Штаты сегодня самая могущественная страна в мире. Но каждому, кто хоть немного разбирается в современной ситуации, совершенно ясно, что мы не живем в однополярном мире: 50 или 60 лет назад экономика США составляла примерно 50–60 процентов мировой экономики, сегодня — четверть. Америка проигрывает войну в Ираке, ведет не очень успешную кампанию в Афганистане. В настоящее время, чуть ли не сегодня, Конгресс рассматривает вопрос будущего военной кампании в Ираке: демократыстаивают на возвращении военных. Это уже не риторика экспансионистского государства. Еще одна интересная особенность Америки — она достаточно изоляционистская. В Америке всегда существовали тенденции и к изоляционизму, и к экспансии. Половина американцев, если не больше, не имеют заграничного паспорта и просто не выезжают за пределы Соединенных Штатов. Почему же США столь могущественны? Их мощь зиждется в пер-

вую очередь на экономических факто-рах, притом что это не самая богатая природными ресурсами страна. В Соединенных Штатах больше 300 миллионов жителей, но есть более населенные страны. Причина экономической успешности США в динамичности и гибкости во всех сферах. США удалось привлечь наиболее квалифицированные кадры, таланты со всего света, дать людям возможность работать, обеспечивая замечательную способность американцев к инновациям и статус сверхдержавы страны. Будущее США как сверхдержавы будет во многом зависеть в XXI веке от того, в какой мере стране удастся продолжить этот инновационный путь.

По какому пути пойдет развитие национальных государств? Они не исчезнут с лица земли, однако роль наиболее крупных из них не будет столь велика, как прежде, в силу процессов, которые невозможно повернуть вспять. Среди самых мощных факторов универсализма — движение капитала. Триллионы долларов каждый день перетекают из одной биржи в другую благодаря электронным коммуникациям. Во всем мире электронные рынки работают 24 часа в сутки. Ни одно национальное правительство и ни одна международная организация не в состоянии контролировать этот поток капиталов. Во-вторых, это, конечно, информационные технологии и темпы их развития. Раньше можно было достаточно эффективно контролировать потоки информации, например, в любой тоталитарной стране. Сегодня информация политическая, экономическая, культурная, социальная, развлекательная перетекает из страны в страну в гигантских объемах каждую секунду. Вы можете в любом городе мира смотреть новости в реальном временном режиме с другого континента. Третья область универсализации — это обмен научно-техническими новациями. Четвертый фактор —

миграционные процессы. Сегодня Лондон, или Сингапур, или Нью-Йорк, или Торонто, Сидней, Лос-Анджелес — это многонациональные города, которые привлекают людей со всего мира. Хотя есть, безусловно, и негативный аспект миграции, связанный, например, с террористической деятельностью, которую трудно пресекать, так как приходится иметь дело не с государственными агентами, а с сетевыми организациями, которые по сути своей транснациональны.

И, наконец, последний, возможно, самый важный фактор — это изменение климата. Если большинство ученых правы и если не начать действовать, то в ближайшие полвека температура на земле повысится на 2, а может быть, на 5 градусов. Тогда Шанхай, Лондон, Нью-Йорк, и не только они, окажутся под водой, изменится климат на всей планете, пустынными станут целые регионы мира, другие покроются водой, люди начнут мигрировать в невиданных масштабах, их надо будет чем-то кормить как минимум. Это лишь некоторые факторы, которые будут играть значительную роль в развитии человечества в течение следующих 200 лет. К ним можно добавить проблему энергоресурсов: насколько эффективно мы их используем? По какой цене продаем? Вполне возможно, что вопрос водных ресурсов станет со всей остротой уже в этом веке.

Иными словами, масштаб проблем, которые я перечислил, таков, что решить их в рамках национальных границ невозможно. Достаточно распространено мнение о том, что такие крупные национальные государства, как Индия и Китай, станут самыми могущественными странами, учитывая очень высокие темпы их развития и растущее население. Однако ни Индия, ни Китай не обладают достаточ-

ными естественными ресурсами. Иными словами, реализация их потенциала зависит только от способности открыться миру и выдержать условия конкуренции.

России предстоит пройти путь осознания последствий распада СССР

Конечно, роль национального фактора не исчезнет: пока люди привержены национальным традициям, обычаям, национальные государства будут существовать. Однако распределение власти в мире сегодня становится все менее зависимым от национальных государств, по причине того, в первую очередь, что экономический национализм оказался неработающей моделью в глубоко интегрированном мире. По мере того как снижается могущество Западной Европы и Соединенных Штатов, растет вес России, Бразилии, Китая, Индии. В наиболее экономически стабильных странах осознают, что выстоять в конкуренции они могут, только если будут продолжать инвестиции в образование, науку.

Наконец, мне представляется, что мы увидим новые форматы международных организаций наряду с такими традиционными институтами, как Мировой банк или ООН и другими.

Каково место России в этой мозаике? Несмотря на то, что население России уменьшается, она остается одной из важнейших в мире стран. Традиционно сильные образование, наука и культура и, конечно, природные ресурсы являются тем потенциалом, благодаря которому Россия может быть чрезвычайно важным игроком в новом транснациональном мире. Вопрос, с которым Россия сталкивалась и в прошлом, — удастся ли ей в этот раз высвободить свой потенциал?

Дискуссия: вопросы и ответы

Андрей Захаров, заместитель директора Московской школы политических исследований:

— Спасибо, г-н Лайн. Это была блестящая презентация. В силу ряда обстоятельств я слежу за тем, что пишут сегодня об империях, и хочу сказать, что в последнее десятилетие наблюдается устойчивый рост интереса к этой проблематике. Большое количество литературы на эту тему выходит не только в США и Великобритании, но и в России. «Империй призрачных орлы», цитируя известное выражение нашего поэта, мучают сегодня весьма многих, так что тема востребована, ее надо обсуждать. Первое слово нашему коллеге из Германии.

Мартин Хоффманн, исполнительный директор — член правления Германо-российского форума:

— Вы очень хорошо показали, что в XXI веке, и я с этим согласен, речь уже не идет о великих державах. Каким образом вы решили эту проблему на уровне бюрократии? Неужели она перестала думать в имперских стереотипах и не мечтает о том, чтобы Британия снова стала великой державой? Как складывается в таком случае карьера британского чиновника?

Александр Сунгурев, президент Санкт-Петербургского гуманитарного и политологического центра «Стратегия»:

— У меня короткий комментарий. Вами была затронута тема Прибалтики. И я хочу обратить внимание на то, что кроме имперского синдрома есть еще одна вещь. Я имею в виду, что часть русской эмиграции во время войны тоже считала, что немцы — меньшее зло, чем коммунисты. Так что в этом плане ситуация, скажем, в Эстонии, для большинства населения которой одни оккупанты были не лучше других, хотя для нас это кажется сегодня странным, понятна. Повторяю, русские патриоты в самом начале войны тоже использовали немецкую крышу, чтобы бороться с коммунистами. На мой взгляд, это важно понять. И тогда, я думаю, мы лучше поймем эстонцев или, во всяком случае, начнем воспринимать их адекватнее.

Андрей Карпов, заместитель председателя региональной общественной организации «Красный мост» (г. Орел):

— Благодаря колониализму страны «золотого миллиарда» имеют сегодня тот уровень жизни, который имеют. На протяжении нескольких столетий они, что называется, снимали прибавочный продукт. Поэтому с трудом верится, что они легко с этим расстанутся. Может быть, в силу ряда причин, таких как глобализация и научно-технический прогресс, мы пока не осознаем, что механизмы эксплуатации бывших колоний усложнились, приняли другие, более скрытые формы?

Родерик Лайн:

— Вопрос о британской бюрократии: как она относится к переменам в мире? Ответ: любая бюрократия очень медленно, как известно, адаптируется к чему-либо. Бюрократия вообще очень жесткая структура. И британское чиновничество не исключение. Прежде чем оно пережило процесс достаточно радикальных перемен в своем мировоззрении, оно тоже, конечно, оказывало сопротивление. И не только чиновники, но и политики. Но политики быстрее меняют свои взгляды, чем профессиональные бюрократы, и понятно почему. Поэтому что во время выборов они гораздо более ориентированы на общественное мнение. Даже лейбористское правительство в 1950-е годы хотя и чувствовало, что наступила пора освободить колонии, тем не менее оказывало сопротивление. Лейбористы говорили: мы не можем позволить себе потерять Индию. Однако их мировоззрение тоже изменилось.

За последние два десятилетия британская бюрократия стала более открытой к внешним влияниям. Отмечу в этой связи лишь две вещи. Раньше у нас было так: после университета вы решали стать государственным служащим и поступали на государственную службу. Бюрократия в итоге была укомплектована профессиональными государственными служащими. Теперь наблюдается иная тенденция. На какое-то время, скажем, на два или три года, чиновники оставляют государственную службу и работают в той области, в которой считают себя экспертами. Например, одна дама была послом в Южной Африке в то время, когда я работал послом в России, а до этого занимала должность в неправительственной организации. И, кстати, ей это пригодилось, когда она вновь вернулась на дипломатическую службу.

Другая перемена произошла из-за информационных технологий. А точнее, в результате инициативы Маргарет Тэтчер, решившей радикально сократить государственный аппарат. Сегодня все хотят, чтобы он был более эффективным и сосредоточивался на достижении конкретных результатов, в связи с чем стали присматриваться к тому, как работает бизнес. Внедрение в нашу государственную службу бизнес-моделей также способствовало изменению ментальности. Именно современная культура бизнеса помогает нам адаптироваться к новым условиям, так как есть осознание, что если мы не будем постоянно заниматься модернизацией, то отстанем.

По поводу Эстонии. Каково быть эстонцем? Должен сказать, что мы тоже совершили ужасные вещи; это происходило во всех странах, переживших крушение империи. Сохранять объективность в то время, когда доминируют эмоции, нелегко. И тем не менее к этому надо стремиться. Пока мне трудно представить возможность открытого диалога между Россией и Эстонией, Россией и Латвией, Россией и Грузией. Эмоции еще слишком сильны. Это очень сложная проблема. Но, я думаю, если бы политики решились на подобный диалог, это было бы полезно.

Сошлюсь в качестве примера на Южную Африку, где после падения апартеида прежде враждующими сторонами была учреждена комиссия

по выяснению истины и достижению примирения. Благодаря этой комиссии обе стороны публично покаялись, и начавшийся процесс взаимного признания позволил им выйти из прежней системы. Но это редкий пример.

Михаил Елисеев, ведущий обозреватель газеты «Вперед» (г. Сергиев Посад):

— Вы интересно говорили о том, как государства обретают самостоятельность. Но вот недавно по всем новостным лентам прошла информация о том, что некие люди объявили старые оборонительные сооружения, которые находятся в британских территориальных водах, независимым государством и закрепились там. В чем причина такого расширения суверенности?

Ильшат Султанов, специальный представитель исполнкома Всемирного курултая (собрания) башкир в странах ЕС (Уфа):

— США являются, по-моему мнению, все же империей, но, конечно, не в классическом смысле. Если раньше империи сохраняли господство под предлогом цивилизаторской миссии, то США теперь завоевывают мир под знаменами демократии и борьбы с терроризмом. Империя США зиждется на двух столпах: на транснациональных компаниях и военной силе. Можно ли говорить о том, что понятие империи обретает теперь новое качество?

Анастасия Степанова, корреспондент службы информации телеканала «Россия — Владимир» (Владимирская область):

— Я смотрю новости по Би-би-си, читаю британскую прессу, в которой часто рассказывается о деятельности британских миссионеров по всему миру. У меня такой вопрос: как лично вы относитесь к этому и как британское общество в целом воспринимает миссионерскую деятельность?

Родерик Лайн:

— Как мы можем воспрепятствовать государству в одностороннем провозглашении независимости? Тут можно только не признавать его. Поэтому, кстати, такие государства не принимают в международное сообщество. Например, на Кипре турецкая часть уже давно объявила себя республикой Северный Кипр, но никто, кроме Турции, ее не признал. Или, скажем, Южная Родезия, теперь Зимбабве, которая в 1965 году тоже объявила в одностороннем порядке о своей независимости, и британскому правительству пришлось принимать решение — использовать или не использовать военную силу. Решили не использовать, а обратиться в ООН, и ООН ввела санкции против Южной Родезии. Это значит, что она не могла вступать в юридические отношения ни с одной страной. То же самое относится, в частности, к Абхазии. Международное право в таком случае является сдерживающим фактором.

Второй вопрос: можно ли называть США империей из-за того, что американцы стремятся навязать свое понимание демократии по всему миру, включая такие территории, как Ирак, Афганистан, Грузия, Украина?

Прежде всего, я полагаю, что эти последние четыре примера очень разные. Те действия, которые были предприняты в Афганистане, если помните, поддержали практически все страны, включая Россию, поскольку Афганистан предоставил убежище Бен Ладену и его пособникам. Что касается Ирака, то здесь обоснование предпринятых действий было несколько иным. А именно — были выдвинуты якобы неопровергимые аргументы о наличии в Ираке оружия массового поражения. Но был и второй довод. Говорили, что Саддам Хусейн проигнорировал ряд резолюций Совбеза ООН и жестоко обращается со своим собственным народом, подобно диктаторам XX века. Исходя из этого полагали, что у Запада есть полное моральное право отстранить от власти этого человека. Администрация Буша, поддержанная правительством Блэра, решила принести демократию в Ирак. Неплохая идея, если бы ее можно было осуществить на практике.

Теперь об «оранжевой революции» в Украине и «революции роз» в Грузии. По сути то, что произошло в этих странах, было обусловлено их внутренним развитием. Революции были запущены изнутри, у США не было намерений колонизировать территорию Грузии или Украины. Так же как у них не было подобных намерений в отношении Ирака и Афганистана.

Что касается меня, то я не согласен с многим из того, что из благих побуждений делает администрация Буша. Разве это не наивно — навязывать демократию другим странам?! Ведь ясно, что демократия не может работать таким образом. Да, США хотят, чтобы люди жили лучше, но станет ли мир лучше благодаря их усилиям? Администрация Буша сделала большое количество ошибок, но она учится, и это хорошо. Та-

кова одна из черт демократии. Соединенные Штаты Америки являются сверхдержавой, но не империей, они никогда не управляли другими государствами напрямую из Вашингтона.

О британских миссионерах. Начиная с XVI века эти храбрые люди рисковали жизнью и многие из них погибли, распространяя свои убеждения в разных концах света. Фактически они и заложили основу колониализма, его идеологическое оправдание. Хотя колониализм утверждался, конечно, не только миссионерами, были и другие соображения. Но все это позволило британцам во времена королевы Виктории почувствовать, что они делают мир более цивилизованным. Однако с тех пор многое, естественно, очень сильно изменилось.

Анастасия Гонтарева, внештатный корреспондент газеты «Университетская жизнь» (Республика Кабардино-Балкарская Республика):

— Вы говорили об идентичности британцев. Мне интересно, как меняется самочувствие современных жителей консервативной, чопорной Англии под давлением выходцев из бывших колоний. Например, в Бредфорде 15 процентов жителей — выходцы из Пакистана, 3 процента — из Индии, Бангладеш, из других стран. Что чувствуют не профессиональные политики, а обычные англичане, насколько лояльны британцы к выходцам из бывших колоний и из новых стран — членов ЕС?

Галина Клейменова, председатель Кореновского отделения партии «Яблоко» (Краснодарский край):

— В интервью газете «Аргументы и факты» вы как-то сказали, что членство России в ЕС может состояться не раньше, чем через 20 лет. Почему так долго и в чем заключается основная причина неготовности России стать членом Евросоюза?

Родерик Лайн:

— Россия и Европейский союз. Мы можем говорить на эту тему долго. В настоящее время Россия не собирается присоединяться к Евросоюзу и ЕС не собирается принимать новых членов. Сейчас разобраться бы с Турцией. Украинцы тоже поднимают шум о присоединении, хотя мы не особенно стремимся к этому. И не собираемся колонизировать, как я уже говорил, Украину, когда она просит — помогите нам и т.д. Даже если она обратится, и мы будем помогать, это не значит, что ее примут автоматически. Когда встает вопрос о членстве в ЕС, это подразумевает, что вы должны поступиться частью своего суверенитета и считаться с мнением и решениями Брюсселя. Спросите себя: готовы сегодня российские руководители поехать в Брюссель и обсуждать подобные вопросы? Ведь они могут оказаться непопулярными. На мой взгляд, России сейчас не следует особенно заботиться о членстве. И со стороны ЕС тоже глупо говорить, что Россия никогда не должна быть членом Союза. Широк как-то сказал об этом, и, кстати, не только он так говорил. А какова будет ситуация через 20 или 30 лет, каким будет Евросоюз в это время и как изменится положение дел в

России? Конечно же, любой стране, которая хочет стать членом ЕС, надо быть демократическим государством, основанным на уважении к праву и рыночной экономике. Россия пока не отвечает этим требованиям. Но не будем ничего исключать.

На протяжении целого ряда лет мы сближались, и это сближение происходило не по прямой. Мы много говорили о партнерстве, разрабатывали совместные проекты, а в последние три года начали отдаляться друг от друга. Но, мне кажется, в интересах России и в интересах Европы продолжать сближение. Это относится к торговле, к сфере культуры, туризму и т.д. Есть масса способов, чтобы снизить барьеры недоверия во имя сближения. Будущие поколения сильно выиграют от этого.

И последний вопрос. О британской идентичности. Боимся ли мы ее потерять? Я скажу так: боимся, этого не должно случиться. В настоящее время у нас идет большая дискуссия по этому поводу. Это спровоцировано проблемой, которая возникла при ассимилировании, интегрировании больших общин иммигрантов второго поколения, которые родились в Британии. Их дети в целом ряде случаев настроены оппозиционно к традиционному британскому укладу жизни. Как показывают опросы, в основном это мусульманская молодежь, которая хотела бы ввести законы шариата, во всяком случае в тех местах, где проживает. В таком случае у нас будут две системы права — одна, связанная с нашими историческими традициями, а в ряде мест, скажем, в северном Бредфорде, будут законы шариата. Имеются случаи, когда коренные жители начинают покидать свои места проживания, потому что все больше людей в местных школах не хотят говорить по-английски. Английский теряет силу первого языка. У нас тоже появились свои жириновские. Национальная партия, которая защищает традиции, христианские ценности и все остальное, противопоставляя это исламу. Эти тенденции, видимо, будут обостряться в ближайшие годы. Но следует осознать, что национальная культура и идентичность — не есть нечто статичное. Мы постоянно меняемся. За последние сорок лет мы наблюдаем большие культурные изменения, и люди это принимают как данность. Есть пример, который часто приводится. Сорок лет назад на вопрос о любимых блюдах британец ответил бы: ростбиф и пудинг. А сегодня? Главное любимое блюдо — это по-индийски приготовленный цыпленок. А смешанные браки? Пройдитесь по улицам, и вы увидите много пар различных рас. Мир меняется, культуры адаптируются друг к другу. Многое из того, что казалось неприемлемым еще лет двадцать назад, стало нормой.

Юрий Гиренко,
заместитель
главного редактора
журнала
«Общая тетрадь»

Заметки с семинара

По традиции, начавшейся в 2001 году, академический год Школы открывается семинаром в Ленинградской области. И по традиции, существующей с момента создания Школы, этот семинар, как и все остальные, посвящен гражданским ценностям. «О чём бы мы ни говорили, — отметила Лена Немировская, — мы говорим о ценностях. Главное для нас — ценностная ориентация публичных политиков и гражданских лидеров».

Солидарность с таким подходом проявили и представители Ленинградской области: вице-губернатор Василий Иванов и генеральный директор ОАО «Леноблгаз» Юрий Страхов. Их не пугает критика. «Нормальная власть нуждается в обратной связи», — заявил В. Иванов. А Ю. Страхов сказал о том, что жизнь у нас непростая, зато время интересное. И пошел участникам «интеллектуального пиршества». Первым «блюдом» на этом пиру стала сессия экономиста и сенатора Сергея Васильева, посвященная пенсионной проблеме. Пенсионные системы XX века были основаны на принципе солидарности поколений: работающие обеспечивают пенсиями неработающих. Однако в последние десятилетия выросла продолжительность жизни, сократилась рождаемость, неработающих стало больше и скоро средств будет не хватать. Что делать? С. Васильев отвечает: переходить от распределительной системы к накопительной.

Однако существует проблема переходного периода, когда работники продолжают платить сегодняшним пенсионерам и копят деньги для себя. Именно она создает главное препятствие на пути пенсионной реформы в России. Выход дает хорошая нефтегазовая конъюнктура. Сверхдоходы от продажи энергоносителей, вложенные в Фонд будущих поколений, могут помочь решить проблему содержания пенсионеров.

О нефтяных доходах говорил и профессор Высшей школы экономики, главный экономист компании «Тройка-Диалог» Евгений Гавриленков. Он смотрит на состояние и перспективы нашей страны без лишнего пессимизма. По его словам, «на поверхности все неплохо», но опасно то, что бюджет попадает в зависимость от цен на нефть. Пока спрос на энергоносители высок, это вроде бы хорошо, но такое состояние

не может длиться бесконечно. Кризиса Е. Гавриленков не предрекает, но предупреждает: период дешевого роста завершается.

Чем дороже нефть, тем более закрыто общество и тем больше бюрократов — таков парадоксальный вывод следующего выступавшего — экономиста и журналиста Константина Сонина. Экономическое развитие нормального общества не может реализоваться вне свободы информации, которая обеспечивает обмен идеями, в том числе и в сфере экономики. Богатые природные ресурсы и сверхдоходы от их продажи создают иллюзию благополучия, усыпляют общество, лишают стимулов к использованию внутренних ресурсов экономического роста. Информационный обмен ослабляется, завоевывают позиции авторитарные методы управления. Важно ли это для людей? Нужна ли им вообще демократия? Для Катрин Лялюмьер, ветерана французской и европейской политики, Генерального секретаря Совета Европы начала 90-х, демократия не абстракция, а образ жизни. К. Лялюмьер отметила, что люди нуждаются не только в богатстве, но также в свободе, культурном развитии, диалоге, а это дает именно демократия. Сегодня кризис переживают и молодые, и старые демократические страны. У первых нет традиций свободы, они сталкиваются с социально-экономическими трудностями и кризисом идентичности. В странах старой демократии растет недоверие к политикам и выборным органам. Демократия становится хрупкой также из-за внешних угроз: войн, терроризма, религиозного экстремизма. Что делать? Есть соблазн заниматься только экономикой. Он объясним, но в длительной перспективе, уверена К. Лялюмьер, опасен. Надо, по ее словам, осознать преимущества демократии. Экономическая свобода делает рост устойчивым; личная свобода создает условия для самореализации людей. Об этом же говорили в

своих выступлениях посол Европейской комиссии в РФ Марк Франко и исполнительный директор Германо-российского форума Мартин Хоффманн.

Демократическое развитие нашей страны затруднено имперским наследием, считает сэр Родерик Лайн, бывший британский посол в России. Век империй завершился. Может ли Россия стать современной державой? Какие стереотипы и комплексы ей для этого предстоит преодолеть?

Об этом же говорил главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов. По его мнению, главный вопрос внешнеполитического позиционирования России — это понимание ее роли в мире. Это «обычная» страна или великая держава с глобальной вовлеченностью и всеми вытекающими отсюда возможностями и ответственностью? За 15 лет выяснилось, что быть «обычной» у нас не выходит. В 90-е годы Россия сыграла позитивную роль на постсоветском пространстве, минимизировав трагизм последствий распада СССР. Но мир после холодной войны не стал стабильнее. Вернулись силовые методы решения geopolитических проблем. Конкуренция за ресурсы стала основой geopolитики.

Россия восстановила позиции важной в мировых делах державы, и, чтобы их удержать, она должна стать современной. Для нас актуален давний спор де Голя и Жана Монне о том, что важнее: суверенитет как самоценность или как инструмент? Ф. Лукьянову ближе pragmatичная позиция Монне. Мы испытываем эйфорию от ощущения величия, отметил он, но из элементов великой державы помимо ядерного оружия у нас есть только сырье, что важно, но мало. Суверенитет не гарантирует реальную самостоятельность. Величие державы не самоцель, а ясное понимание национальных интересов, достоинство и суверенитет как инструмент обеспечения возможностей.

Сергей Васильев,
член Совета Федерации ФС РФ

Фонд будущих поколений и пенсионная реформа

Проблема пенсионной системы России, к сожалению, сейчас мало обсуждается в массмедиа и в политических кругах, а если обсуждается, то в основном с точки зрения краткосрочных перспектив. Ее долгосрочные аспекты игнорируются. А именно — не обсуждается предстоящий долгосрочный кризис российской пенсионной системы.

Надо сказать, что кризис пенсионной системы — явление общее для большинства стран и связано это с кризисом традиционных распределительных пенсионных систем, которые начали формироваться примерно лет сто назад. Распределительные пенсионные системы основаны на принципе солидарности поколений. Система эта очень проста: работающие вносят деньги в пенсионный фонд, а пенсионный фонд платит их пенсионерам. И, что очень важно, эти деньги нигде не задерживаются: собрали их и выплатили пенсии. Резервов в такой системе нет, сколько собрали, столько и выплатили. Эта система формировалась в Европе начала XX века в условиях благоприятной демографической ситуации, когда средняя продолжительность жизни была невелика, был довольно высокий уровень рождаемости, происходила индустриализация, население интенсивно вовлекалось в производство. Демографическая пирамида выглядела таким образом: в молодых возрастах много населения, в старших мало.

Первый фактор, который вызвал кризис распределительной системы, — старение населения, увеличение продолжительности жизни. И второй фактор — снижение рождаемости в развитых странах. В результате традиционная демографическая пирамида превратилась в странную конструкцию, больше напоминающую колонну, когда численность младших возрастов иногда была даже меньше численности средних возрастов. И эта ситуация привела к тому, что соотношение населения резко увеличилось в пользу пенсионеров. Есть оценки специалистов, что распределительная система работает хорошо при соотношении работающего населения и пенсионеров десять к одному. Это соотношение называется коэффициентом под-

держки. Максимальный коэффициент в Японии составляет 5,2 при пенсионном возрасте 65 лет для мужчин и женщин. А минимальный в Италии — 2,2. Россия находится близко к этому значению. У нас коэффициент поддержки составляет 2,7 и его прогнозная динамика неблагоприятна. К 2020 году он упадет до 2,16. Это означает, что в пенсионном фонде будет все меньше и меньше денег.

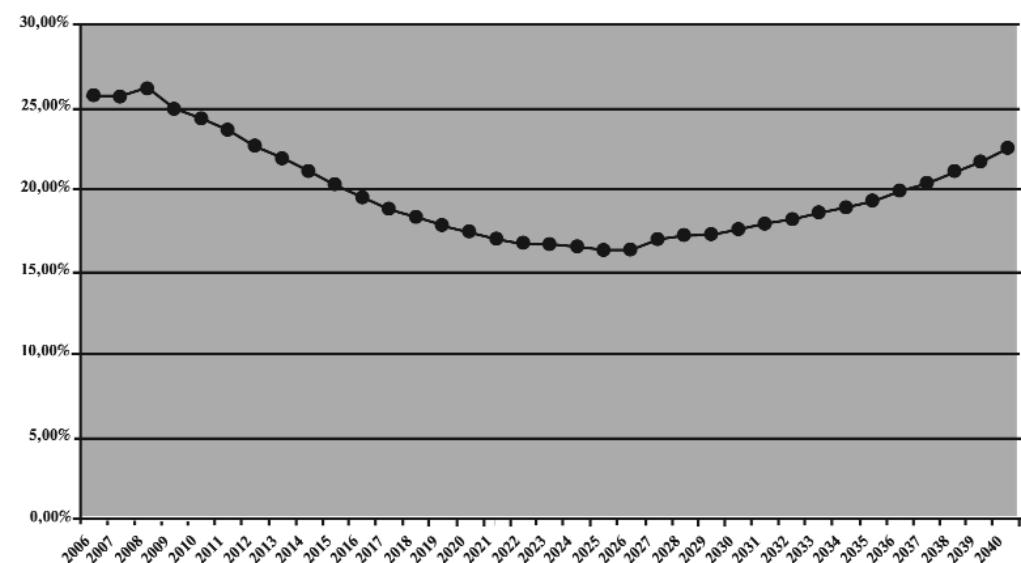
Для России особенно характерно то, что у нас в результате людских потерь Второй мировой войны сформировалась крайне искаженная демографическая структура, к тому же был большой спад рождаемости в начале 90-х, поэтому динамика коэффициента поддержки весьма неравномерна.

Период с 2000 до 2007 года был крайне благоприятным для российской пенсионной системы, потому что соотношение работающего и пенсионного населения менялось очень интенсивно в пользу работающего. Меры 80-х годов по повышению рождаемости привели к тому, что с 2000 года в трудоспособный возраст вошло многочисленное поколение 80-х, а с другой стороны, этот период совпал с выходом на пенсию людей военного поколения, которых было очень мало. То есть на пенсию в последние 7 лет выходило мало людей, а приходило на рынок труда очень много. Пенсионный фонд все это время был профицитным.

В период же с 2008 до 2020 года это соотношение будет радикально меняться, потому что в начале 90-х рождаемость резко снизилась. Сейчас в трудоспособный возраст будет входить и входить уже малочисленное поколение 90-х годов. С другой стороны, у нас было многочисленное поколение родившихся после войны, в 1945—1949 годах, и это поколение как раз выходит и будет выходить на пенсию.

Эти особенности демографической структуры России приведут к тому, что кризис распределительной системы будет необычайно острым именно в ближайшие десять лет.

Коэффициент замещения средней трудовой пенсии без средств Стабфонда

Кривая на графике — коэффициент замещения средней трудовой пенсии, который представляет собой отношение средней пенсии к средней зарплате. Сейчас он составляет 27 процентов, показатель уже сейчас весьма небольшой. Однако при сохранении нынешних тенденций, если пенсионный фонд предоставить самому себе, этот коэффициент к 2026 году снизится до 16 процентов, затем начнет расти, но к 2040 году не достигнет даже уровня 2008 года.

Существует некоторый общий принцип решения такого рода проблем. Когда у вас мало работающих и много пенсионеров, надо перейти от распределительной системы к накопительной, при которой каждый человек должен сам за свою трудовую жизнь накопить средства на пенсию.

Такая система имеет ряд достоинств. Во-первых, человек сам зарабатывает себе пенсию, ему выгодно производить отчисления в пенсионный фонд, поскольку это его будущая пенсия. Во-вторых, эта система создает значительные инвестиционные ресурсы для развития экономики. Те средства, которые человек накапливает, не просто лежат мертвым грузом в пенсионном фонде, а могут инвестироваться в национальную экономику через фондовый рынок.

Первая успешная реформа такого рода была проведена в Чили в 1980-е годы. Там люди могли выбирать: остаться в старой государственной системе или перейти в новую накопительную через частные пенсионные фонды. Неожиданно даже для авторов реформы 90 процентов населения страны в течение нескольких лет перешло в частные пенсионные фонды. Эта система до сих пор работает, она стала одним из факторов высоких темпов экономического роста в Чили, потому что были сформированы пенсионные накопления, которые были инвестированы в чилийскую экономику*.

В то же время надо сказать, что при переходе от распределительной системы к накопительной возникает одна фундаментальная проблема. Она состоит в том, что в период перехода каждый работающий должен содержать уже вышедших на пенсию людей и одновременно накапливать пенсию для себя, то есть нагрузка на работающее население становится очень большой.

Проблема эта может быть решена по-разному. В Чили, например, были выпущены государственные облигации на всю сумму пенсионных выплат. Частные пенсионные фонды получили ценные бумаги чилийского правительства, по которым выплачивался процент. И тем самым из занятой суммы финансировался переход к накопительной системе. Надо сказать, что, когда в России в 2001 году была начата пенсионная реформа и в пенсионную систему был введен накопительный компонент, вариант выпуска ценных бумаг не рассматривался, так как государственный долг России в тот момент был очень большим. В результате переход к новой системе оказался очень растянутым. Но даже эта система не выдержала испытание временем, и буквально через два года накопительный элемент для средних возрастов был отменен. На самом

деле вся система находится в глубоком кризисе. Об этом свидетельствует, в частности, предложение М. Зурабова демонтировать в течение нескольких лет даже ту часть накопительной системы, которая функционирует сейчас. Люди, которые в течение пяти лет не выберут частный пенсионный фонд или частную управляющую компанию, потеряют свои пенсионные накопления — их используют для затыкания дыры в пенсионном фонде.

Хотя сам по себе этот вариант весьма циничен, понятно, в принципе, откуда берутся такие предложения. Эффективность инвестирования средств «молчунов» в накопительной системе очень низка. Этим занимается Внешэкономбанк. Он может вкладывать эти средства только в госбумаги, а там доходность 5 процентов, которые не компенсируют даже инфляцию. Поэтому понятно, откуда

появилась идея, по крайней мере, максимально перевести эти средства в частные управляющие компании.

По счастью, в России есть способ ускорить пенсионную реформу и покрыть предстоящий дефицит при переходе к накопительной системе — доходы от нефти и газа. Средства, которые сейчас накоплены в Стабилизационном фонде, с точки зрения международных стандартов вполне достаточны для обеспечения среднесрочной устойчивости бюджета, а дополнительные доходы от нефти и газа могут быть направлены на другие нужды. Согласно новой версии Бюджетного кодекса дополнительные доходы будут направляться в так называемый Фонд будущих поколений.

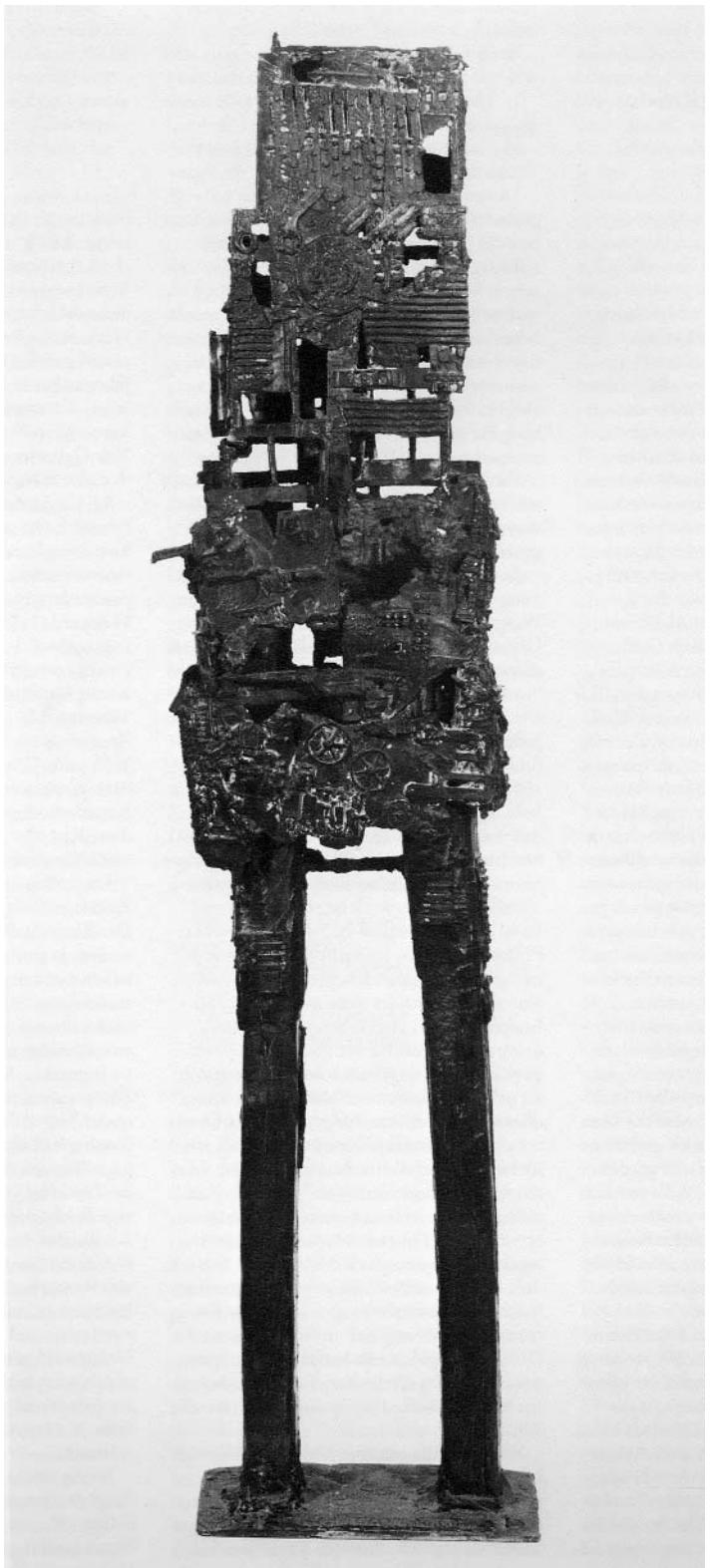
Повторю, если бы все деньги, которые приходят в страну от продажи нефти и газа, тратились на текущее потребление, то курс доллара был бы сегодня не 25 рублей, а 15. И при таком курсе отечественная промышленность прекратила бы существование, потому что выгоднее было бы все ввозить из-за рубежа. Это огрубленная картинка, но тенденцию передает верно. Поэтому было принято решение о создании Фонда будущих поколений, куда будет поступать часть выручки от экспорта нефти и газа.

При нынешних высоких ценах на них в Фонде будущих поколений будут накапливаться большие суммы. Минфин предлагает эти средства инвестировать на фондовом рынке в зарубежные активы, как это делает Стабфонд. При этом средства Фонда будущих поколений можно инвестировать менее консервативно, чем средства Стабилизационного фонда, который помещает их только в госбумаги ограниченного числа государств: США, Японии и Европы. Минфин же предлагает инвестировать средства Фонда будущих поколений также в корпоративные ценные бумаги, чтобы не только компенсировать инфляцию, но и обеспечить высокую доходность.

Еще одно важное соображение относительно Фонда будущих поколений. С точки зрения перспективной макроэкономической ситуации

Распределительная пенсионная система работает хорошо при соотношении работающего населения и пенсионеров десять к одному

* См.: Хосе Пиньера. Чилийская модель для России. // Общая тетрадь, №1 (16) 2001. — С. 91–93.

Эдуардо Паолоцци. Философ. 1957

нет жесткой необходимости вкладывать деньги только за границей. Проблема стерилизации притока в страну иностранной валюты, то есть сдерживания ее предложения, становится все менее актуальной из-за того, что у нас выравнивается сальдо торгового баланса, импорт растет существенно быстрее, чем экспорт, то есть все меньше нефть-долларов остается в стране и тем самым давление на рубль ослабляется. Через 3–4 года проблем со стерилизацией денежной массы не будет, и в принципе средства Фонда могут быть вложены и в российскую экономику. Это первый очень важный момент. Второе: Минфин подготовил расчеты, сколько денег реально даст этот Фонд для бюджета через 20–30 лет. Суммы будут небольшие — 1–2 процента ВВП. Они позволят поддерживать существующий уровень доходов бюджета на уровне 15–16 процентов от ВВП. Однако возникает вопрос: а нужно ли поддерживать такой высокий уровень доходов бюджета, и соответственно расходов к ВВП в условиях высокоразвитой экономики.

Дело в том, что через 30 лет Россия достигнет среднеевропейского уровня по доходу на душу населения и доля нефтегазовых доходов будет незначительной. Не потому, что мы станем меньше добывать, а потому что экономика будет расти гораздо быстрее, чем нефтегазовый сектор. Чисто политически такая позиция накопления больших сумм в Фонде будущих поколений и начала их расходования через 30–40 лет крайне уязвима. В России сейчас масса острых нерешенных проблем: плохие дороги, недостаточное финансирование образования, науки, и мне трудно представить, что политики и народ одобрят идею заморозить огромные средства Фонда будущих поколений на 20–30 лет.

Почему же я считаю, что не нужно вкладывать эти деньги в дороги, образование и науку? Года полтора назад руководство Совета Федерации было у президента, и мы спросили, почему среди национальных проектов нет проекта «Дороги»? Президент задумался и говорит: есть проекты «Образование» и «Здравоохранение», и я знаю, что каждые 100 рублей, отданных в эти проекты, дойдут до врача или учителя. А если мы 100 рублей отдадим на дороги, думаю, что не меньше половины украдут. А если милиционера к каждому столбу приставить, то украдут еще больше.

Здравый смысл политиков подсказывает им, что вкладывать деньги в крупные проекты можно только тогда, когда есть механизм, обеспечивающий их рациональное использование. Я, например, в существующую систему высшего образования не стал бы вкладывать деньги, потому что они будут использоваться с эффективностью процентов 10–20. С наукой то же самое. Я знаю систему Академии наук и систему стимулов в академических институтах. В принципе об этом надо говорить, но вряд ли сейчас целесообразно тратить средства Фонда на науку.

Есть гораздо более актуальная проблема, на мой взгляд: это пенсии. И политически и содержательно это более важная и более масштабная проблема, чем образование и наука. Центр стратегических разработок рассчитал сценарии использования доходов от нефти и газа на

покрытие дефицита притока пенсионных средств исходя из трех сценариев сохранения высоких цен на нефть — на протяжении двух, пяти и десяти лет. Я оптимист и думаю, что у нас впереди не меньше десяти лет высоких цен. Ресурсы Фонда будущих поколений в этой схеме направляются на увеличение накопительного компонента пенсий, то есть деньги не тратятся на выплату текущих пенсий, а перечисляются на накопительные счета застрахованных, инвестируются в управляющие компании и негосударственные пенсионные фонды и выплачиваются после выхода на пенсию. При этом сценарии не происходит снижения коэффициента замещения: в период самых низких значений от 2020 до 2030 годов он будет составлять те же 25 процентов, что и сейчас.

Более того, есть мнение, что Фонд должен быть не только Фондом будущих поколений, но и поколений нынешних. То есть значительная часть средств должна поступать не только на счета молодого поколения, которое еще успеет накопить собственные средства для пенсии, но также на счета старших возрастов и даже нынешних пенсионеров с тем, чтобы эти деньги шли на увеличение текущих пенсий.

Таким образом, наряду с участием в увеличении текущих пенсий, накопленные деньги поступают в частную пенсионную систему и могут быть сразу использованы для инвестирования в народное хозяйство посредством приобретения облигаций российских предприятий.

Тут есть интересная развилка. Дело в том, что все деньги Стабфонда инвестируются сейчас за рубежом, а почти все деньги частной пенсионной системы — внутри страны. И то и другое неправильно. Я уже объяснял, что не обязательно инвестировать за рубежом, что проблемы валютной стерилизации через три года не будет. Но считаю, что также неправильно деньги пенсионных фондов инвестировать исключительно внутри страны, потому что основная задача пенсионной системы — сохранить деньги пенсионеров в долгосрочной перспективе.

Если инвестировать их только в России, то на пенсионную систему вешается страновой риск. Скажем, упадут существенно цены на нефть, в России снизятся фондовые индексы. Значит, пенсионеры потеряют деньги. На мой взгляд, в нынешней ситуации на ближайшие 10-15 лет деньги должны примерно поровну инвестироваться между российским и западным рынком. Это достаточно большие суммы, и даже половина пенсионных накоплений окажет существенное влияние на российский фондовый рынок, будучи инвестированной в крупные российские проекты.

Если говорить о том, как эти деньги довести, например, до дорожной инфраструктуры, то это можно сделать через реальный механизм. Частные операторы могут выпускать ценные бумаги на строительство платных дорог, их покупают частные пенсионные фонды, которым выплачиваются средства от эксплуатации дорог.

Очень интересный вопрос, как делить деньги? Допустим, есть некий ежегодный трансферт в пенсионную систему — 5 или 10 млрд долларов. Как поделить эти деньги между пенсионерами? Мне кажется, что, чем проще будет система, тем легче ее обосновать. Общий принцип таков: нефть и газ представляют собой общегородное достояние, по-

этому рентные доходы от нефти и газа должны делиться между всеми гражданами поровну.

Это, кстати, создает очень интересный эффект для пенсионеров. При такой системе чем старше пенсионер, тем большую пенсию он будет получать. Потому что по системе прогнозных расчетов в накопительной системе пенсии пересчитываются раз в три года с учетом статистических коэффициентов дождия. Чем старше пенсионер, тем больше в его пенсии фиксированная сумма накоплений. Думаю, это правильно, потому что у старших пенсионных возрастов больше расходов на лекарства, здесь больше одиноких пенсионеров. К тому же «молодые» пенсионеры часто продолжают работать. И для выравнивания благостояния людей старших пенсионных возрастов это система справедлива. Еще один вопрос — наивный. Зачем накапливать Фонд будущих поколений, зачем сложные системы, фондовый рынок? Не лучше ли просто взять нефтегазовые доходы и повысить пенсии до нормального уровня. Ведь сейчас денег достаточно, чтобы коэффициент замещения довести до нормальных 40 процентов. Но дело в том, что ни в коем случае нельзя увязывать текущие пенсии с текущими доходами от нефти и газа. Представим себе, что вдруг цены на нефть упадут до 20 долларов за баррель. Социальная и политическая катастрофа обеспечена, потому что население привыкает к определенному уровню пенсионного обеспечения, а средств взять будет просто неоткуда.

Единственный механизм, который позволяет разумно использовать доходы от нефти и газа, — накопительный. Мы накопили деньги в период высокой конъюнктуры, вложили их в диверсифицированный портфель и в России, и за рубежом, в сырьевые отрасли, в несырьевые, в финансы, в торговлю. Даже если цены на нефть упадут, сбережения не только сохранятся, но и принесут доход.

И второе. Нефтегазовые доходы надо накапливать частным образом. Потому что если делать это централизованно в федеральном бюджете, то возникает очень большое политическое давление: у нас масса общественных нужд, а следовательно, искушение «распилить» накопления. Чтобы защитить эту казну, ее надо приватизировать. В принципе наше руководство это понимает, потому что модель этой схемы использована при создании системы материнского капитала. Очень правильная, конструктивная идея. Если мы хотим стимулировать рождаемость, поддерживать семьи, раздайте им ресурсы. Пускай они сами решат, как их использовать, как лучше планировать семейный бюджет.

Именно приватизация Фонда будущих поколений, его децентрализация придаст пенсионной системе необходимую стабильность, а также создаст политическую и финансовую базу для проведения в долгосрочной перспективе ответственной макроэкономической политики.

*Доходы от нефти и газа
должны делиться между всеми
гражданами поровну*

Федор Лукьянин,
главный редактор
журнала «Россия
в глобальной политике»

Как стать великой державой

Речь Президента России Владимира Путина в Мюнхене 10 февраля 2007 года вызывала, как известно, бурное обсуждение как на Западе, так и внутри страны. Одни называли ее «историческим разворотом российской внешней политики», другие увидели в ней объявление новой холодной войны, третьи связали ее тон и стиль с российским избирательным сезоном... К этому выступлению можно относиться по-разному, но, безусловно, оно стало важным событием. Произнесена речь была явно не случайно и не являлась экспромтом.

Весной 2004 года в нью-йоркском журнале *Foreign Affairs*, который является «установочным» по американской внешней политике, появилась статья, вызвавшая бурные дискуссии и в мировом политологическом сообществе, и у нас. Называлась она «Россия — обычная страна». Два ее автора — экономист Андрей Шляйфер, который работал в России консультантом в начале 1990-х годов, и профессор политологии Дэниэл Трейзман на основе анализа трансформации экономики и общественно-политических институтов доказывали, что Россия, несмотря на убеждение в собственной уникальности, мало отличается от стран, находящихся на той же ступени перехода от нерыночной авторитарной системы к рыночной и демократической.

Реакции на статью были диаметрально противоположные. Те на Западе, кто активно критикует российское руководство, оскорбились, потому что Шляйфер и Трейзман Россию вроде бы оправдывали — мол, ничем она не хуже других. У нас оскорбились еще больше, потому что нас, великих, авторы поставили в один ряд с множеством стран от Мексики и Польши до Чада и Киргизии. Получилось, что мы в этом ряду занимаем какое-то свое место.

Я не компетентен оценивать качество экономического анализа, единого мнения не было и у экономистов, которые обсуждали публикацию. За прошедшие три года Россия вроде бы двинулась уже совершенно не в том направлении, что другие переходные страны, и на Западе все больше говорят о неудаче российского транзита и о повороте назад.

В то же время надо признать, что и те страны, которые считались и продолжают считаться авангардом перемен, тоже переживают нелегкий период. Достаточно посмотреть, что сейчас творится в Центральной и Восточной Европе, которая, казалось бы, свой переход уже завершила, бросив якорь в цивилизованной гавани Европейского союза. Антиевропейски настроенное правительство Польши, очень консервативное в своих как экономических, так и политических проявлениях, нестабильность в Венгрии, политические проблемы в Словакии... Оказалось, что масштаб сложностей, с которыми сталкиваются даже такие успешные страны, как Польша, был явно недооценен. Положение России совершенно иное, но мы опять оказываемся в рамках общего «откатного» тренда.

Как бы то ни было, статья «Россия — обычная страна» навела меня на мысль о том, что же составляло основное содержание нашей внешней политики за 15 лет. Главный вопрос, на который Россия искала и продолжает искать ответ: является ли она действительно обычной страной, которая может позволить себе спокойно заниматься сама собой, или она все-таки является великой державой с глобальным горизонтом.

Когда во второй половине 1980-х годов у нас начинались перемены, и руководство страны, и общество довольно туманно представляли себе, куда, собственно, мы будем меняться и чего хотим добиться. Относительно социально-политического устройства выдвигались какие-то идеи и шли дискуссии, обсуждалась, хотя и гораздо меньше, экономика, но вот относительно внешней политики, места новой России (или обновленного Советского Союза) в мире речи почти не было. Само собой раз-

зумелось, что мы движемся в том же направлении, что и страны Центральной и Восточной Европы, которые параллельно с нами освобождались от коммунизма.

После распада СССР оказалось, что на России лежит огромное геополитическое, имперское бремя

Горбачева сейчас принято за все подряд критиковать, но на самом деле он, возможно, сам того не понимая, обогнал свое время. Когда он во второй половине 80-х заговорил об общечеловеческих ценностях, о новом мышлении, Запад это воспринял на ура, но как индикатор окончания конфронтации, а не как некую серьезную политическую идею.

Один из самых заслуженных ветеранов отечественной дипломатии, в свое время замминистра иностранных дел СССР Анатолий Адамишин как-то рассказывал мне о своих ощущениях от переговоров Горбачева с американцами, в которых он участвовал, в частности между Горбачевым и Рейганом. Тогда Рейган — по мнению Адамишина, настоящий ястреб по убеждениям, поставивший целью сокрушить «империю зла» и при этом веривший в идеалы, — поверил в искренность Горбачева. И пока Рейган был президентом, до января 1989 года был достигнут прогресс в гуманитарном сближении СССР и США. Конечно, темы, обсуждавшиеся тогда, сегодня нам покажутся совершенно архаическими, например проблема «отказников», то есть людей, желавших эмигрировать из Советского Союза, но не имевших такой возможности. Но атмосфера взаимного понимания и доверия формировалась. На смену Рейгану пришел Буш, классический реалист-геополитик, который в разглашении Горбачева

особенно не верил. Он считал: раз Советский Союз по каким-то непонятным для Запада причинам так себя ведет, этим надо пользоваться, чтобы обеспечить себе максимально благоприятные позиции на будущее. И атмосфера доверия, едва только зародившись, стала исчезать. А потом в СССР начались процессы уже совершенно хаотические, как лавина, и уже было, конечно, не до того.

Демократическое движение в России выдвигало те же лозунги, что и национально-демократические движения в Восточной Европе и бывших советских республиках — освобождение от коммунистического прошлого. Но разница проявилась довольно быстро. Для всех бывших «окраин» освобождение от коммунизма означало прежде всего избавление от российской зависимости, а следовательно, движение на Запад.

России бежать было некуда, потому что она боролась сама с собой. Период, когда казалось, что мы будем «обычной» страной, как Польша или Эстония, довольно быстро прошел. После распада Советского Союза оказалось, что на России, может быть, вопреки ее желанию, лежит огромное геополитическое, имперское бремя. Не в том смысле, что россияне не могут избавиться от имперского комплекса, это отдельная тема, а потому что страна, которая была несущей конструкцией огромной державы, не может взять и сказать: «Меня это больше не касается, я теперь занимаюсь собой и строю демократию».

90-е годы прошлого века были периодом, когда Россия, сама находясь в состоянии разрухи после обрушения гигантского государства, была вынуждена решать проблемы, связанные с советским наследием. Начиная от вооруженных конфликтов, которые полыхали по периметру, и заканчивая проблемой соотечественников за границей. Как Россия решала эти задачи —

отдельный вопрос: когда-то более, когда-то менее успешно. В западной позиции меня всегда смущает эскалация стереотипа, связанного с ролью России как якобы ностальгирующей реваншистской империи, которая пытается всем мешать строить счастливое будущее.

Это неправда. Россия в 90-е годы сыграла выдающуюся позитивную роль, минимизировав масштаб трагедий, которые случились на этом пространстве. Скажем, сейчас очень модно говорить о национальном строительстве в связи с Афганистаном, Ираком, еще какими-то странами, но нигде, по сути, ничего не получается ни у американцев, ни у европейцев. И никто не вспоминает, что один из немногих примеров успешного национального строительства, — это российское участие в прекращении таджикской гражданской войны, «собирание» Таджикистана из обломков и превращение его в страну пусть недемократическую и весьма слабую, но функционирующую.

Легко критиковать сейчас позицию Москвы в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье, но в свое время междуусобицы там были остановлены благодаря России, и это бессмысленно оспаривать. Обидно, когда за Россией не хотят признавать никаких заслуг.

Как бы то ни было, в результате стало понятно, что обычной страной быть не получается. Период рывка на Запад был коротким — при раннем Ельцине и Козыреве. Дальше Россия практически занималась тем, что пыталась вернуть себе позицию влиятельного участника международных отношений, которую утратила с распадом Советского Союза. Если не удавалось вернуть влияние, его пытались хотя бы имитировать. Так, внешняя политика России в те годы, когда министром иностранных дел был Евгений Примаков, по сути заключалась в том, чтобы сделать вид: Россия, как ранее Советский Союз, про-

должает быть глобальной страной с глобальными интересами, то есть везде присутствовать, везде участвовать и так далее.

Между тем разочарование от партнерства нарастало с обеих сторон. Оказалось, что переходный период гораздо сложнее, а проблемы решаются не так, как хотелось бы. Ну и, конечно, Запад использовал ослабление России, падение ее влияния до уровня региональной державы: геополитические трофеи не могут оставаться бесхозными, их надо оприходовать. К концу ельцинского президентства раздражение дошло до апогея.

С одной стороны, случился дефолт 1998 года, который окончательно дискредитировал в глазах Запада всех российских реформаторов. С другой — Москва посчитала, что Запад ее предал, воспользовавшись слабостью России.

Можно напомнить два события последнего года ельцинского правления. В июне 1999 г., когда закончилась югославская война, был осуществлен знаменитый бросок батальона российских десантников в Приштину без согласования с натовским командованием. За все 15 лет постсоветских отношений с Западом это был самый опасный момент, и символично, что произошло это именно при Ельцине, который начинал как очень прозападный политик. Но к этому моменту ему, вероятно, надоело, что Россию все время учат и указывают, как жить, ему хотелось показать: зря вы нас списали!

Второе событие произошло в ноябре 1999 года на саммите ОБСЕ в Стамбуле, где Ельцин, стуча кулаком по трибуне, заявил: «Вы не имеете права критиковать нас за Чечню!». Тогда это произвело на всех ужасное впечатление: вот, мол, Россия продемонстрировала свою имперскую сущность. Но у рос-

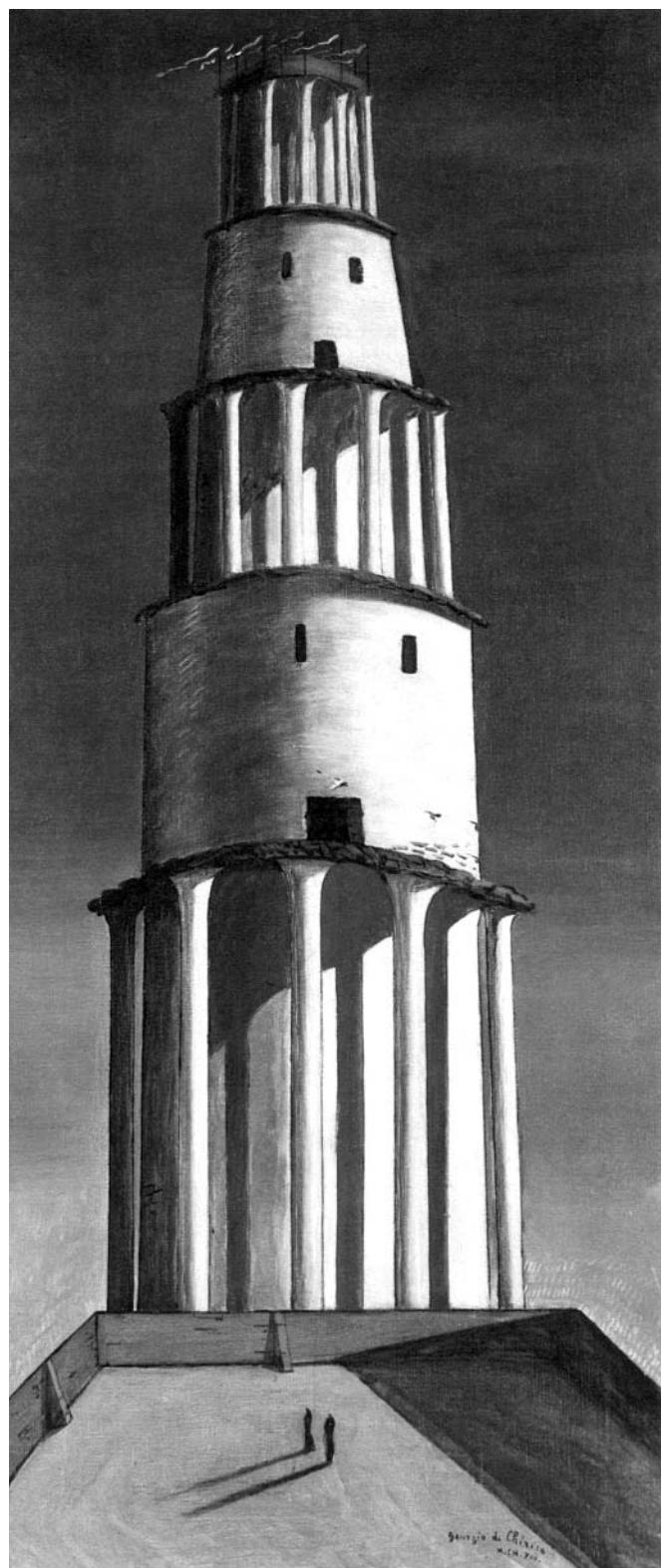
сийского президента, что называется, «накипело», потому что Ельцин считал, что он много сделал для Запада, а тот даже не желает вникать в тяжелые проблемы России.

Национальные интересы стран переживают ренессанс

Тогдашняя эскапада Ельцина в Стамбуле и нынешнее раздражение Путина в Мюнхене — проявление примерно того же политического настроя. Значительно изменились обстоятельства, а мотивы — те же самые. Если не вдаваться в подробности, то можно сказать, что при Путине отношения с Западом развивались примерно по тем же траекториям — от похолодания до потепления и обратно. В Мюнхене Путин фактически объявил: Россия вернулась на мировую арену в качестве глобальной державы с интересами по всему миру.

Пару лет назад, как раз в начале президентства Путина, было модно обсуждать теорию догоняющего развития. Даже цель обозначили: догнать по ВНП на душу населения Португалию, самую бедную на тот момент страну Евросоюза. Впоследствии об этом перестали говорить, а теорию признали неправильной: пока догоняешь отставшего, авангард уходит далеко вперед. Но, по сути, 15 лет — с распада СССР до Мюнхенской речи Путина — Россия догоняла Советский Союз, то есть догоняла саму себя в ипостаси великой державы. И то, что Путин сказал в Мюнхене, это первый кирпичик в здании его исторического наследия: он принял Россию в качестве ослабленной региональной державы, а передает ее преемнику как великую страну, одного из главных мировых игроков.

За это время, кстати, выяснилось, что быть региональной державой Россия

Джорджо де Крику. Большая башня. 1913

просто не умеет. Москва владеет искусством политической игры на самом высоком уровне, когда козырями служат такие аргументы, как, например, крупнейший ядерный арсенал. Но в отношениях с соседями ядерный потенциал не имеет смысла, а оперировать иными инструментами, подходящими для регионального масштаба, Россия не умеет. В результате среди соседей у нас вообще не осталось союзников, даже с Белоруссией не заладилось. Получается, что свои региональные цели Россия способна преследовать и достигать, только когда играет в глобальную политику, то есть вступает во взаимодействие с «патронами» соседей.

Вообще, постсоветского пространства, о котором мы любим говорить, больше не существует, оно исчезает как геополитическое единство, и это неизбежный исторический процесс. Советский Союз объединял столь разные территории, что было бы странно, если бы спустя 15–20 лет после его распада они остались бы примерно в одной сфере. Все переориентируются на разные центры — от Соединенных Штатов и НАТО до Ирана и Турции.

Итак, Россия объявила о своем возвращении. Вернулись мы, надо сказать, не в добрый час, потому что вопреки всем надеждам мир после окончания холодной войны не стал более стабильным, безопасным и понятным. Соперничество никуда не делось, но из bipolarного оно перешло в другую форму, распылилось. Теперь все соперничают со всеми. Важнейший элемент, который повлиял на тональность речи Путина, это возвращение военно-силового фактора в мировую политику. Цифры военного бюджета США на следующий год, порядка 700 млрд долларов, производят сильное впечатление. Поскольку атмосфера задается именно этим, гонка вооружений ожидает мир по всем направлени-

ям. Речь, конечно, не о гонке между Россией и США — Соединенные Штаты вообще никто и никогда уже, похоже, не догонит. Но вот гонка вооружений Индия — Пакистан — это реальность, как и, например, гонка вооружений Иран — Саудовская Аравия. Россия ни за кем не гонится, но вооружается.

Можно сказать, что возвращается тот тип международных отношений, который, как все очень надеялись, ушел с окончанием холодной войны. Национальные интересы стран переживают ренессанс даже там, где, казалось бы, они стерты, точнее, интегрированы в некие общности, например в объединенную Европу. Геополитика никуда не делась, но сейчас она приобрела еще более «звериное лицо»: конкуренция за ресурсы становится, как и военно-силовая компонента, главным содержанием политики XXI века. Вместе с возвращением этого типа соперничества возвращается и история.

Вообще, в современной Европе стало многовато истории. Успехи, достигнутые за последние 60 лет, стали возможны потому, что историю немножко отодвинули. Ее уроки подучили — не выучили, а подучили — и частично преодолели, то есть сделали выводы. Однако в последние месяцы мы наблюдаем одновременно острый исторический конфликт между Россией и Эстонией, напряженные отношения между Польшей и Германией, в Венгрии события 1956 года, давно, казалось, преодоленные, всколыхнулись вновь, и даже президенты Италии и Хорватии вступают в перепалку из-за событий Второй мировой войны.

Вместе с возвращением этого типа международной психологии на международную арену вернулась и Россия. И теперь возникает вопрос: а что дальше? Что теперь делать с этим богатством?

Россия должна стать современной великой державой, поскольку, как отме-

чено, быть «обычной» страной в силу истории, географии, психологии не получается. Современное величие не может быть устремлено в прошлое, не может базироваться на исторических обидах, оно должно быть направлено в будущее.

Я всем рекомендую прочитать две книги, изданные Московской школой политических исследований. Одна из них — это воспоминания Жана Монне*, человека, который стоял у истоков Единой Европы, а вторая — записки секретаря и соратника Шарля де Голля Алена Пейрефита**.

Исторический спор де Голля и Монне — это то, с чем скоро столкнется наша страна. Что такое суверенитет? Это некая священная корова, самоценность, которую надо хранить, просто чтобы она была? Или это инструмент, которым надо оперировать, чтобы добиваться чего-то другого. Для де Голля, который вывел Францию из уничижительного состояния после войны, не было ничего выше суверенитета, а тех, кто призывал создавать некие наднациональные органы и туда делегировать часть национального кровного французского суверенитета, он воспринимал просто как предателей. Эта позиция понятна, потому что Франция просто чудом, усилиями лично де Голля оказалась в числе победителей во Второй мировой войне. И с его точки зрения было невозможно пожертвовать суверенитетом, который отстояли с таким трудом.

Монне говорил о том, что суверенитет — это очень важно, но реалии окружающего мира заставляют относиться к нему творчески. Конец 40-х — 50-е годы прошлого века — эпоха, схожая с нынешней. Тогда тоже рушилась прежняя система, рушились колониальные им-

перии — Франция, Великобритания, Бельгия, Португалия... Это было неообходимо, и страны, прежде всего Англия и Франция, которые привыкли быть мировыми игроками, вдруг поняли, что глобальная политика вершится помимо них. Появились новые силы — Соединенные Штаты и Советский Союз, а прежние гранды со своими амбициями, колониями, за которые они сражались, и суверенитетами, которые они так ценили, утрачивали позиции. И Монне считал, что, только объединя эти суверенитеты, не жертвуя ими, а объединя во имя достижения нового качества, европейские страны могут вернуть себе лидирующую роль. И он убедил в этом европейцев. На его счастье, в тот момент, когда запускался процесс европейской интеграции, де Голль не был у власти.

За полвека интеграции Европа не решила всех своих проблем. Она и теперь отстает по некоторым экономическим показателям от глобальных лидеров, к числу которых вот-вот добавятся Китай и Индия. Так что нынешние проблемы Евросоюза — это продолжение той же дискуссии, но на новом историческом этапе.

Россия испытывает сейчас очень приятные чувства. Нам нравится, как президент Путин смело бросает в лицо сидящим перед ним сенаторам и американским деятелям то, что им неприятно слушать. Кстати, впервые за долгое время Россия от них не зависит, еще пару лет назад все было иначе. Сначала страна была получателем помощи, потом крупнейшим должником. Но эйфория, связанная, конечно, прежде всего с сырьевой конъюнктурой, быстро пропадет, если конъюнктура изменится. Наступит отрезвление и понимание того, что из всех параметров ве-

личия в современном мире Россия обладает в полной мере, пожалуй, только сырьевой составляющей. По количеству и качеству человеческого капитала мы отстаем от очень многих. То же самое по состоянию инфраструктуры.

Получается, что бремя по обретению и поддержанию российского лидерства полностью ложится на сырьевое могущество, и даже этот самый мощный рычаг

может не выдержать. Тем более что в условиях мировой конкуренции между всеми за все Россия, конечно, становится объектом внимания растущих центров, поскольку это резервуар ресурсов, которые всем нужны.

Бывшие империи, которые распадались в 50-е годы, находили разные способы сохранить величие или хотя бы ощущение его. Де Голль сумел внушить французам, что они остались великой нацией, даже после позора в Алжире. Атомное оружие, которое завела себе Франция, независимость с точки зрения безопасности, мир франкофонии, патронат над бывшими колониями, успешно продвигаемая идея преимущества французской культуры и, наконец, европейская интеграция, потому что, несмотря ни на что и де Голль, и все другие понимали, что она дает французам другой горизонт, это все-таки уже не отдельная страна, это страна — лидер сообщества. Примерно то же самое было с Великобританией. Там все гораздо сложнее, потому что существует островная психология, но тем не менее это союзы (у Англии прежде всего с США), это европейское пространство, это Содружество наций, где Великобритания остается непрекаемым авторитетом и лидером, — вот пути, на которых Россия должна, очевидно, искать свои способы сохране-

ния этого влияния. Потому что Монне неоднократно говорил: это иллюзия, что, сохранив свой суверенитет, мы сохраним независимость. Мир развивается так, что чем меньшеучаствуешь в

Величие — это способность четко понимать приоритеты, формулировать интересы, вести себя достойно великой державы

процессах вокруг и демонстрируешь свою полную независимость, тем больше в итоге оказываешься зависимым от решений, которые принимают помимо тебя.

Кстати, отказываясь категорически от сближения с Евросоюзом на уровне механизмов и институтов, мы можем попасть в ситуацию, когда Россия останется совершенно суверенной и независимой, но ей придется играть по правилам, которые определяют там. В этой ситуации, кстати, находится Норвегия, которая дважды на референдумах отклонила членство в Евросоюзе, но в итоге вынуждена соблюдать все нормы и правила этой организации.

Погоня за величием — не самоцель. Величие — это способность четко понимать приоритеты, реальные, а не вымысленные, формулировать интересы, опять же реальные, а не эфемерные, умение вести себя достойно великой державы, поскольку не может быть у великой державы реального конфликта со страной калибра Грузии.

То, что суверенитет — это инструмент расширения возможностей, а не какая-то волшебная палочка, при помощи которой решаются проблемы, нам предстоит понять, как в свое время это поняли Франция, Великобритания, многие другие страны. И то, что они это поняли, внушил оптимизм нам.

* См.: Жан Монне. Реальность и политика. Мемуары. — М., 2001.

** См.: Аллан Пейрефит. Таким был де Голль. — М., 2002.

О скоростях самоорганизации в гражданском обществе

Игорь Кокарев,
доцент кафедры публичной политики Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ)

России был дан краткий исторический миг для самоорганизации, когда в одночасье с падением СССР были отменены все правила, и советский народ получил возможность жить по-новому, как-то иначе. Поскольку никаких проектов переустройства заранее подготовлено не было, со страной и с самими собой можно было делать все, что хочется.

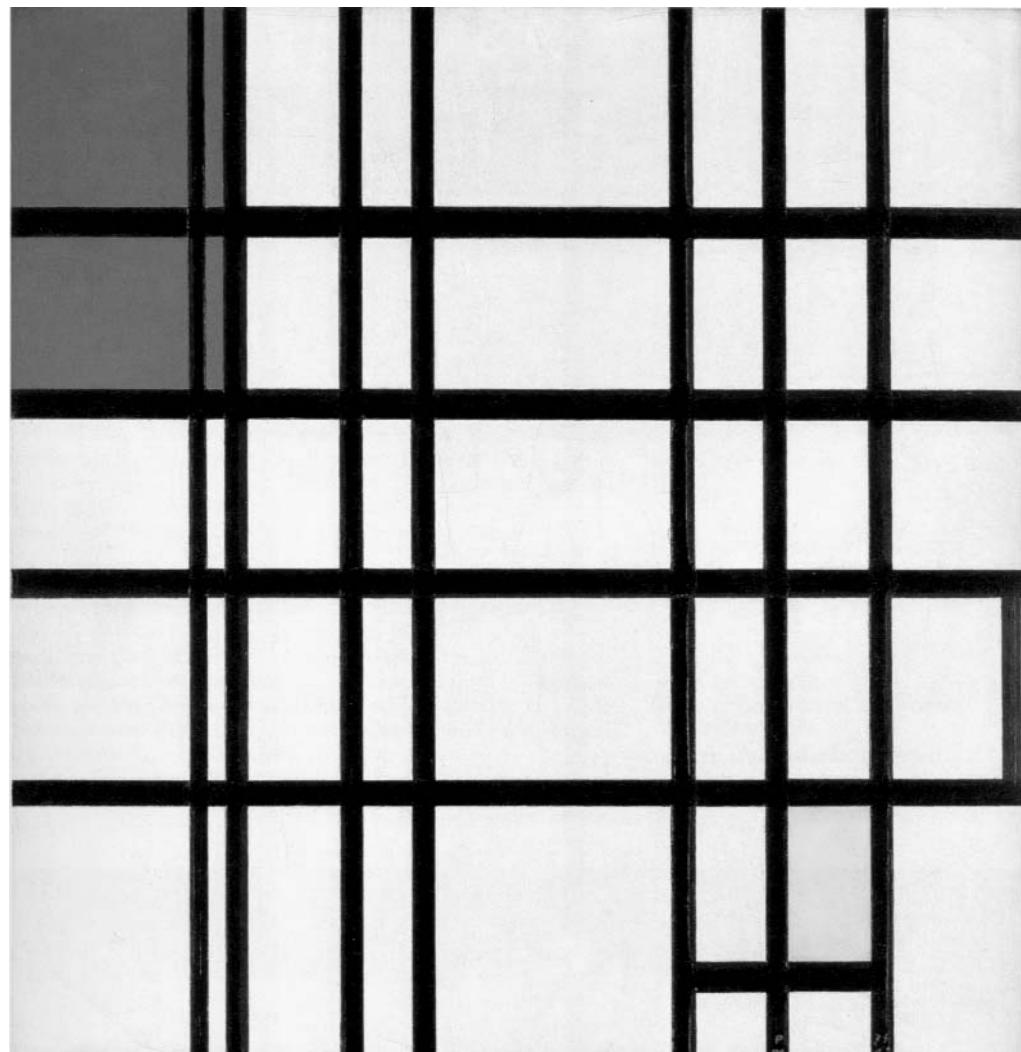
И захотели, и нашлись, и самоорганизовались. Захотелось, правда, не всем сразу, а прежде тем, кто был и раньше у рычагов власти, то есть партийно-государственной номенклатуре. И ни пресловутые русская лень, ни наша безалаберность не помешали, чтобы эта часть общества быстро сориентировалась и, сохранив за собой власть, прихватила еще и собственность, очень крупную собственность, основные богатства страны.

В политическом секторе не было задержек с формированием многочисленных партий и партийных блоков, президентских команд и парламентских структур. Уровень активности здесь был самым высоким. В экономическом после некоторой задержки пошли в рост разнообразные деловые структуры: картели и холдинги, объединения, ассоциации, торгово-промышленные союзы и палаты. Денег здесь на все хватало, и на самоорганизацию, и на организацию выборов, и на взращивание новой бюрократии.

Провозглашая демократию и социальное государство, быстро формирующаяся новая/старая элита меньше всего думала об остальных гражданах, о тех, кто не имел ни власти, ни собственности. На поддержку низовых гражданских инициатив и создание инфраструктур гражданского общества снизу в это время не было истрачено ни копейки. О третьем секторе просто забыли.

Более того, основные производители смыслов и ценностей — творческая интеллигенция — сами находились в прострации и в условиях обрушившейся на них свободы не дали обществу никаких ориентиров. Наиболее ярко проявилась эта нищета духа в самом массовом искусстве — искусстве кино. Если не считать неигровое кино, документалистику, где в канун реформ прозвучали пронзительные откровения о БЕДЕ, постигшей страну.

«Чернушное» кино начала 90-х годов, снимавшееся всеми, кому достались криминальные деньги, пролетело над общественным сознанием как фанера над Парижем. Даже гораздо более серьезное автор-

Пит Мондриан. Ритм из черных линий. 1935

ское кино Кайдановского, Дыховичного, Огородникова, Хвана, Пьянковой, пытавшихся нашупать содержание времени, осталось неведомым основной массе зрителей (по причинам разваленного кинопроката в том числе). Более того, в формировании нравственных и политических ориентиров и массовых установок на будущее явно негативную роль сыграло и продолжает играть российское телевидение. Его цинично подмывла под себя реклама, сделавшая критерием качества популярность, то есть рейтинг любых передач и программ, а уж дальше его общественную роль стала полновластно определять власть, успешно соперничающая с рекламой за массовую аудиторию.

Впрочем, и та и другая сила влияния формировали на телевидении господство бездумного развлечения, одинаково благосклонно отно-

сясь к «опетросяниванию» и «осердючиванию» экрана. Целенаправленное нравственное воспитание, распространение образцов гражданского поведения и культуры прямой демократии на местах и в среде обитания постсоветского человека, передача российского положительного опыта кристаллизации гражданского общества снизу — такой задачи телевидение, да и другие институты культуры и образования, к сожалению, не ставили. Так и продолжали жить дальше, руководствуясь примитивными инстинктами либо обогащения, либо выживания. Проект под названием «перестройка и гласность» несся в пропасть.

Что же касается интенсивности процессов формирования новой элиты и самоорганизации в политическом и экономическом секторах, то она объяснялась следующими факторами:

- отсутствием разработанного профессиональным парламентом и проверенного практикой законодательства, господством правового беспредела и всевозможных непроверенных проектов реформ;
- личными интересами рвавшихся к богатству нуворишей, для удовлетворения аппетитов которых были и даже искусственно создавались кратковременные (как все участники понимали) небывалые возможности;
- спущенной сверху команды приватизации огромных национальных ресурсов, приводящих отдельных особо активных личностей к невероятному личному обогащению без всяких затрат с их стороны;
- участием в этих процессах приватизации старой номенклатуры, то есть профессиональных кадров, управленцев по образованию и опыту, психологически склонных к саботажу реформ и демократических преобразований.

В некоммерческом, третьем секторе собирались остальные — те, кто остался на обочине, прежде всего научно-техническая интеллигенция, врачи, педагоги, кадровые военные, которым пришлось искать другие возможности выживания, прежде всего своим трудом, но уже в частном секторе. Там не было таких соблазнов, как в секторе природных ресурсов и крупной промышленности, значит, и стимулы были другие, не скорого обогащения, а выживания.

Таким образом, процессы самоорганизации в трех секторах — политическом, коммерческом и общественном с начала перестройки и реформ шли не только в разных условиях, но и с разными целями. Отсюда отставание третьего сектора. В одном случае — политическом — это была борьба за власть, в другом — экономическом — целью была борьба за личное обогащение, в третьем — некоммерческом — это было стремление к социальному результату, улучшение качества жизни для всех. Мотивация третьего сектора конечно, более сложна, но ее ценностный ряд в целом более высокого порядка, чем эгоистические устремления первых двух. Но энергии самоорганизации для агрегирования интересов инвалидов, безработных, пенсионеров, многодетных, прочих малообеспеченных здесь явно было мало, да и носила она поначалу, как правило, протестный, негативный характер борьбы «против» скорее, чем действий «за»... Да

и навыков социального менеджмента, межсекторного диалога ни у власти, ни у НКО недовольных, протестующих граждан не было. Кроме того, законодательство сделало все, чтобы задушить краткий миг необложения налогами некоммерческой благотворительной деятельности. Чего же было ждать в такой ситуации?

Конечно, эффективности и профессионализма организаций третьего сектора можно было бы добиться значительно раньше, если бы здесь появилось такое же количество инкубаторов и

школ менеджмента, как в бизнесе. Мне уже приходилось писать о том удивлении, которое вызвало у нас, первых российских лидеров НКО, приехавших учиться непосредственной демократии в США, сколько там инфраструктурных институтов поддержки низовых НКО — начиная от факультетов человеческих ресурсов в университетах и кончая муниципальными ресурсно-методическими центрами, издающими огромными тиражами сотни простейших рекомендаций, методик, технологий самоорганизации, пропагандирующих культуру grassroots democracy — низовой демократии прямого действия*. Без этой системы поддержки даже в странах с давними традициями демократии процессы самоорганизации гражданского общества угасли бы сами собой.

Вот этого как раз и не достает государственной программе «Гражданское образование населения Российской Федерации», которую активно поддержал президент на встрече с членами Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 11 января 2007 года. И начинать такое образование, точнее гражданское воспитание надо со школы, создавая специальные внешкольные программы совместно с досуговыми детскими центрами и клубами по месту жительства, прививая школьникам навыки непосредственной демократии в сфере территориального общественного самоуправления и социальной работы по месту жительства.

Таковы основные причины того, что не стимулируемые непосредственным экономическим интересом, не подпитываемые культурой и образованием, не поддерживаемые властью, процессы самоорганизации в третьем секторе шли гораздо медленнее, чем в политике и бизнесе.

Тем не менее около полумиллиона общественных организаций возникло в стране менее чем за полтора десятилетия. Это только зарегистрированных! Конечно, активно и грамотно действующих НКО среди них гораздо меньше. Но статистика не учитывает тысячи общественных организаций так называемого территориального общественного самоуправления — ТОС. Причина? Они проходят по дру-

Ценностный ряд третьего сектора более высокого порядка, чем эгоистические устремления политического и коммерческого

* И. Кокарев. На пути к гражданскому обществу. М.: Мир, 2005.

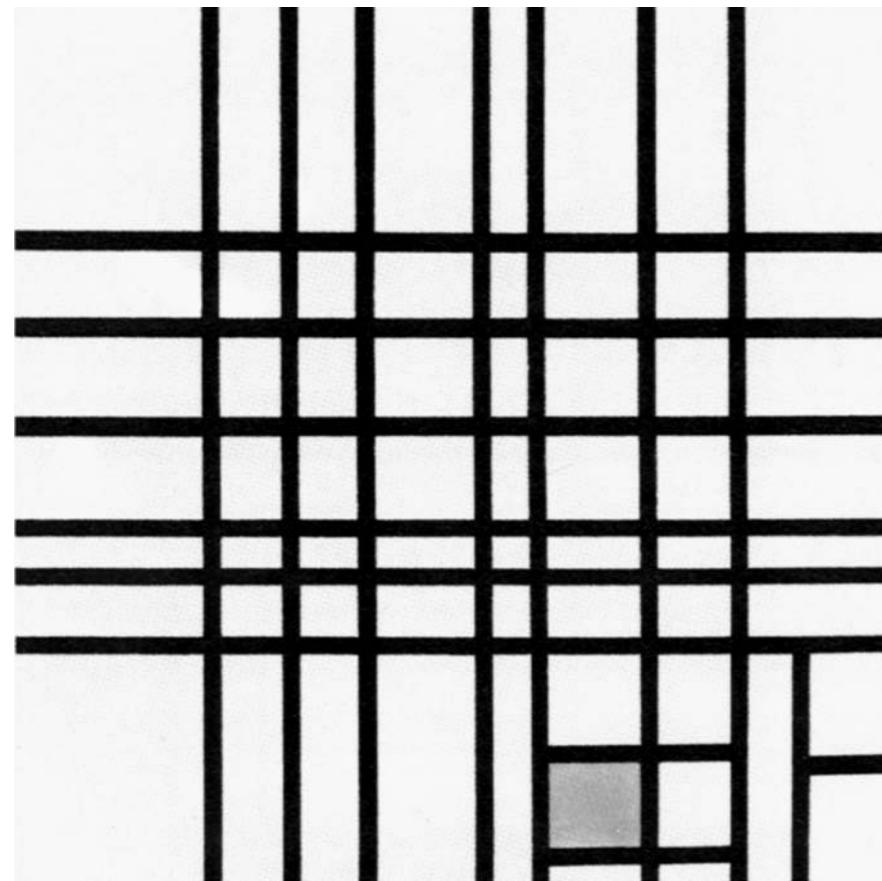
гому ведомству! Их и регистрируют по другому федеральному закону — ФЗ № 131, и работают с ними в муниципалитетах как с органами ТОС, а не как с общественными организациями. Вот и получается, что природа тех и других одинакова, в странах Запада они даже называются *community based neighborhood groups*, то есть соседские группы местных сообществ, а в России их из гражданского общества формально вычеркнули. Как, впрочем, и жилищные объединения разных типов от домкомов до товариществ собственников жилья. «Разделяй и властвуй»? Или обычная советская канитель с ведомственными барьерами?

Для развития третьего сектора важно то, что и жилищные, и тосовские, и общественные организации как таковые применяют те же самые социальные технологии прямой демократии, самоорганизации и социального партнерства. И все эти объединения граждан характеризует еще одна общая черта: они функционируют на муниципальном и субмуниципальном уровнях, создаваясь на основе территориального принципа.

А это значит, что решающее значение для развития снизу гражданского общества обретает местная власть и местное бизнес-сообщество. Вполне понятно, пока реформа местного самоуправления не реализуется, пока местная власть не определится со своими полномочиями и бюджетом, ни ее структуры, ни местное бизнес-сообщество на неизвестно откуда взявшегося младшего партнера внимания обращать не будут. Чтобы муниципальная власть осознала, что без поддержки этого партнера, без вовлечения граждан в самоуправление ей не поднять социальную сферу, ей самой надо самоопределиться.

Казалось бы, уже пришло время поддержать становление институтов социального партнерства, развитие гражданской инфраструктуры на муниципальном уровне. Но федеральную власть сильно испугали цветные революции на окраинах бывшей державы. Еще бы, в Украине «оранжевая революция» на майдане Незалежности за несколько дней сменила власть. Такая перспектива заставила напрячься Кремль, и он тут же принял участие в «регулировании» третьего сектора. Сколько НКО погибло в результате нового закона о контроле над общественными организациями, официальная статистика не говорит. Тем не менее развитие гражданской активности продолжалось, проявляя себя как историческую необходимость в сфере территориального общественного самоуправления, где вовлечение граждан становится решающим фактором развития территорий. На местах модным становится понятие социального капитала организованных жителей, введенного в политический оборот американским социологом Робертом Патнэмом.

Этот капитал существенно укрепляет довольно скучные финансовые возможности муниципалитетов, если власть не боится организованного населения и готова идти на партнерские отношения. Тогда соседские НКО от субботников по благоустройству и озеленению своих дворов и улиц при понимании и оргподдержке властей поднимаются до работы с подростками, многодетными, инвалидами и

Пит Мондриан. Композиция № 12. 1936

пенсионерами, организуют досуг молодежи, управляют жильем и ведут собственную хозяйственную деятельность. Они хотят и могут идти дальше — к общественной экспертизе законодательных актов и распоряжений власти, к публичному обсуждению местных бюджетов, участвуют в разработке стратегий развития территорий.

Со временем становилось все очевидней одно интересное обстоятельство. Первые два сектора в условиях не тоталитарного, демократического режима не могли дальше развиваться без налаживания партнерских отношений с собственным способным к самоорганизации народом. В протестной среде, которая легко угадывалась в зарождавшемся третьем секторе, была скрыта возможность взрыва. Чтобы его избежать, лучше все же поддерживать и направлять его развитие, создавая условия самоорганизации миллионов людей вокруг тех тем, проблем и задач, которые они сами выдвигают и артикулируют.

Кажется, страна наконец подошла к осознанию той вполне объяснимой закономерности, что для успешной и конструктивной самоорганизации третьего сектора в него необходимо инвестировать, чтобы получить гораздо большую отдачу. Нужны инкубаторы социального менеджмента, в каждом городе необходим свой центр под-

держки НКО, чтобы питать массовую культуру непосредственной демократии.

У малообеспеченных граждан никогда не хватит собственных ресурсов для агрегации своих интересов до уровня социальных проектов и их самостоятельной реализации. Механизмы перераспределения средств в третий сектор уже проверены в демократических странах на практике. И в России уже реализуются конкурсы социальных проектов, тендеры на социальный заказ для общественных организаций. Почти в 20 городах страны созданы фонды местного развития. Подошло время и капитальной благотворительности.

Медлительность самоорганизации граждан в третьем секторе связана и с тем, что вовлеченных в самоорганизацию граждан гораздо больше, чем в бизнесе и во власти. За счет массовости снижается качество социального менеджмента, а школ НКО в стране по-прежнему практически нет. Нет здесь и представителей номенклатуры, которые бы стали капитанами гражданского общества. Сектору приходится черпать кадры из пенсионеров или из тех, кто сознательно не погнался за богатством и властью и нашел смысл жизни в служении общественным интересам. Разные ценностные ориентации и жизненные планы долго разводили третий сектор с двумя другими. Но есть и положительные новости. Скорость самоорганизации в третьем, то есть некоммерческом секторе выравнивается с первыми двумя и в ближайшем будущем станет их опережать по следующим причинам:

- во-первых, профессионализм организаций этого сектора заметно возрастает: выше стал уровень решаемых ими задач; появляются их союзы и ассоциации, способные на стратегическое партнерство, на местах укрепляется инфраструктура гражданского общества, вовлекающая организованное население в местное самоуправление (общественные палаты, фонды местного развития, экспертные сообщества и т.п.);

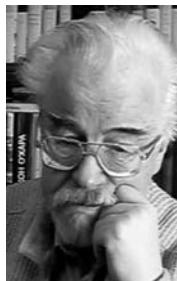
- во-вторых, ускорит процессы самоорганизации гражданского общества на местах растущий приток средств отечественного происхождения, а именно выдвижение социально ответственных корпораций, вырабатывающих свою глобальную стратегию «корпоративного гражданства», включающих оценку воздействия на местное общество в более широкий контекст социального аудита их основной производственной деятельности, принимающих участие в создании благотворительных капиталов;

- в-третьих, процесс ускоряется и жилищной реформой, несущей угрозу потери собственного жилья теми, кто так и не стал средним классом и не вынесет тяжести этой собственности, если не самоорганизуется в жилищные объединения разного типа; и этот процесс по-настоящему становится массовым, так как речь уже идет о жилье, основной и единственной собственности для миллионов.

Все эти процессы самоорганизации в стране, образовавшейся на части СССР, заслуживают более глубокого изучения, сравнительного анализа и обобщения в рамках политологической науки и социологической теории среднего уровня.

Слово было. Будет ли дело?

Александр Волков,
доктор исторических наук

В последнее время звучат заявления высших должностных лиц страны о том, что нынешняя модель развития российской экономики, базирующаяся главным образом на сырьевых отраслях, исчерпала себя. Необходима модель, при которой прирост ВВП достигался бы за счет научно-технической сферы, интеллектуализации основных факторов производства, развития отраслей с высокой добавленной стоимостью конечного продукта. Выступая в курчатовском институте, президент заявил, в частности, что правительство не будет жалеть денег на развитие и использование нанотехнологий во всех сферах производства и бытия. Хочется сказать: «Слава Богу!». Наконец-то! Быть может, действительно слова отражают реальный сдвиг в сознании наших руководителей — завершение той эпохи, когда «сначала было Слово», а потом не было больше ничего.

Помнится, в самом начале 90-х наша небольшая делегация вернулась из Германии, с симпозиума, посвященного экономике ее восточных земель, переводу ее на рыночные рельсы. Для немцев «переход к рынку» не был туманной абстракцией, как у нас. Он очень конкретно выражался в том, что восточные предприятия должны были по конкурентоспособности сравняться с западными. Но реальность оказалась такова: из 8 тыс. предприятий бывшей ГДР конкурентоспособными на мировом рынке могли быть лишь 10 процентов. Еще 9 можно было после санации продать западным фирмам, чтобы они подтянули их до современного уровня. Но 81 процент предприятий невозможно было ни сохранить, ни продать, ни санировать. Предлагалось даже, и всерьез, снести их бульдозером, а землю засеять. Но куда тогда девать рабочих, прежде занятых на этих предприятиях?

Меня поразили тогда эти цифры. Сколько же « заводов и фабрик» окажутся неконкурентоспособными при переходе к рынку у нас? Что будем с ними делать? Кто вложит в них деньги? (Немцы оперировали трансфертами с запада на восток в триллионы марок.) Что в первую очередь следует модернизировать, чтобы осуществить структурную перестройку всей экономики?

Задал эти вопросы А.Б. Чубайсу, бывшему тогда главой Госкомимущества и занятому созданием ваучерной системы приватизации. Вот соберет некто кучу этих ценных бумаг, приобретет на них завод, а его продукция оказывается никому не нужна... Анатолию Борисовичу явно не хотелось отвечать на эти вопросы. Моя настойчивость

побудила его сказать лишь то, что эти проблемы будут решаться позднее, в рамках закона о банкротстве. Не надо быть экономистом, чтобы понять: они не решались больше полутора десятка лет и не решены до сих пор. Исследования конкурентоспособности российской промышленности до последнего времени показывали, что только 3–5 процентов продукции России способно завоевать рынки экономически развитых стран. Мировому уровню соответствует лишь четвертая часть отечественных технологий. Буду рад узнать, что эти данные уже несколько устарели, если это и в самом деле так. Но «утечка мозгов» из России — результат и свидетельство того, что самые ценные знания и технологии не находили в России адекватного спроса.

Академик Андрей Кокошин, выступая в Орле, отметил, что наш крупный бизнес и теперь не торопится идти в наукоемкую экономику. Известно, что и теперь чуть не все наши миллиардеры «сидят» исключительно на «трубе» и на алюминии, да еще кое-каком сырье. И зачем бы им вкладывать деньги в новые технологии, скажем, в машиностроении, если рентабельность в сырьевых отраслях не сравнима ни с чем? Говорят: это естественно, надо дать нефтяникам и газовикам возможность для ускоренного развития, ведь именно от них получает высокий доход и государство. Нельзя, мол, забивать самую дойную корову.

Верно, не стоит забивать, но нельзя же не учитывать, что одним таким «молоком» не проживешь, что цены на него могут упасть, и тогда однобокое развитие, однобокий экспорт обернутся для нас ударом страшной силы.

Современная глобализированная экономика, как уже отмечали многие специалисты, предъявляет России совершенно иные, чем прежде, требования. Промышленные изделия все более становятся воплощением знаний. Невещественные ресурсы — исследования и конструкторские разработки, производственные навыки и уровень подготовки работника, способности предпринимателя и менеджера — стали в мировой экономике основными источниками богатства, они давно составляют в товаре 95 и более процентов его стоимости. Соединенные Штаты Америки быстрее других откликнулись на эти требования. Опираясь на современные научные достижения, используя возможности биотехнологии, генной инженерии, Интернета и мобильных средств коммуникации, они преуспели в хозяйственном росте и созидании. Известны такие цифры: 70 процентов новых рабочих мест в США создается в сфере действия венчурного, то есть рискового капитала. Что это означает? То как раз, что рост экономики происходит прежде всего за счет применения новейших технологий.

Передо мной только что защищенная докторская диссертация Елены Ленчук на тему «Иновационный процесс в переходной экономике (на примере стран Центрально-Восточной Европы и СНГ)». На обширной статистике в ней показано, насколько Россия и другие страны бывшего Советского Союза отстали в развитии инновационного процесса. Не удержусь привести любопытную табличку.

Основные показатели наукоемкости и наукоотдачи развитых стран мира

	Доля расходов на ИР* в ВВП, %	Численность исследователей (на 10 000 занятых в экономике)	Текущий индекс конкурентоспособности (место в мире)	Доля высокотехнологичной продукции в товарном экспорте, %	Доля в мировом экспорте информационных технологий, %
США	2,60	93	2	32	13,0
Китай	1,00	12	49	20	7,1
Япония	3,15	104	12	26	9,7
Индия	1,23		50	6	0,07
Германия	2,55	69	15	18	4,8
Франция	2,19	75	30	23	3,4
Великобритания	1,89	55	13	31	5,3
Италия	1,16	30	47	10	1,1
Россия	1,29	74	75	8	0,04
Канада	1,94	72	14	15	1,2

* ИР — исследования и разработки

Источник: OECD, Main Science and Technology Indicators, May 2005; The Global Competitiveness Report 2004–2005; The World Development Indicators 2005, The World Bank.

Развитые страны, отмечает Е. Ленчук, по существу уже «оккупировали» самый быстрорастущий и поэтому наиболее перспективный (с точки зрения экспортных доходов) инновационно-технологический сегмент рынка. За последние десять-пятнадцать лет они завершили четвертую технологическую революцию, связанную с интеллектуализацией производства, и приступили к созданию информационного общества нового типа. Вкладывая огромные средства в НИОКР, они имеют уровень экспорта высокотехнологичной продукции, позволяющий быстро наращивать ВВП. И... диктовать свои условия на рынках. Успешный пример экономического роста за счет высоких технологий в последнее десятилетие демонстрирует и ряд стран Юго-Восточной Азии, что особенно интересно — Китай (продукция отраслей новейших технологий выросла в 27 раз, а их доля в валовом промышленном продукте увеличилась с 8,1 до 35,4 процента).

На основе сравнения России с этими достижениями и родился известный анекдот:

— Как вы думаете, на сколько лет мы отстали от развитых стран? — спрашивает высокопоставленный русский турист японского продавца электронной техники.

— Не обидитесь, если скажу правду? — вежливо осведомляется японец. — Нет? Навсегда!

Данные о нарастающем технологическом кризисе, приведенные в той же научной работе, дают основание для того, чтобы поверить этому

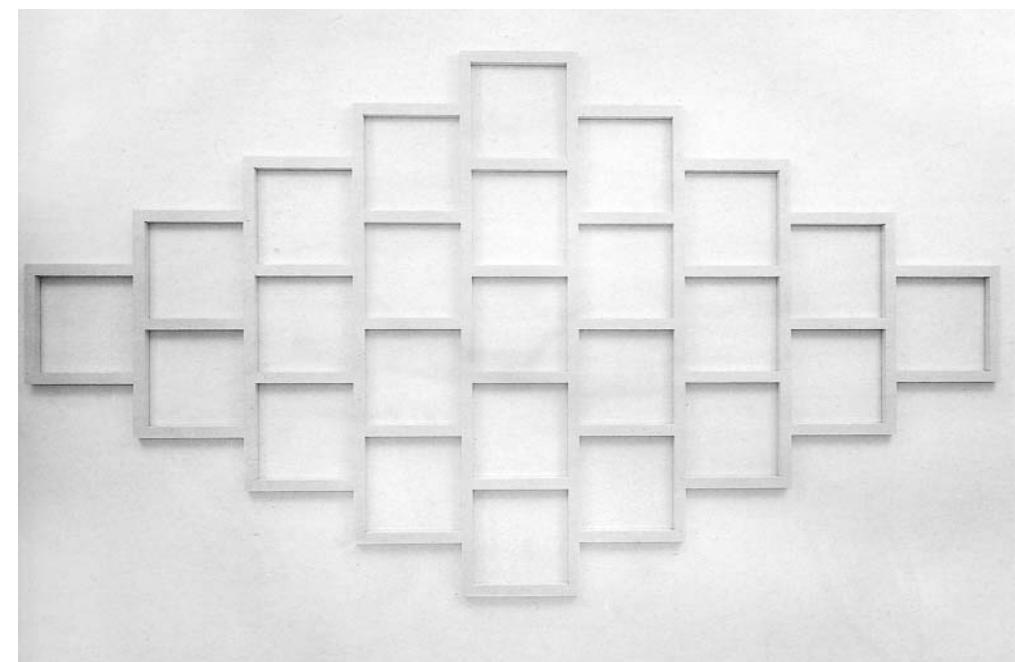
анекдоту. Отставание проявляется не только в передовых отраслях. Изношенность основных фондов в нашей стране в 2004 году достигла 43,8 процента, в том числе по промышленности — 51,4, а процесс обновления производства затормозился чуть не до остановки. То есть сегодняшний уровень, с которого приходится начинать обновление, просто возмутительно низок.

И все же вице-премьер российского правительства Сергей Нарышкин на открытии крупной международной выставки высоких технологий, телекоммуникаций и оргтехники CeBIT-2007, проходившей недавно в немецком Ганновере, заявил, что для экономики России переход на инновационный путь развития — это не просто лозунг, не просто поставленная цель, а процесс, уже идущий и приносящий результаты. Очень оптимистичное заявление, и можно только радоваться, если оптимизм обоснован. Герман Греф, говоря о создании Федерального агентства по экспорту высоких технологий, утверждал, что через десять лет доля России в мировом экспорте этой продукции увеличится примерно в 76 раз. Это было бы здорово, но пока она составляет сотые доли процента. Трудно даже представить, какая гигантская работа необходима, чтобы преодолеть пропасть между реальностью и достижением поставленных целей: работа в сфере научных исследований, создания современных производств, подготовки кадров (эксперты отмечают нехватку менеджеров и специалистов именно в области инновационной деятельности).

Хорошо, поверим ответственным людям, которые, видимо, разрабатывают стратегию соответствующего научно-технического и промышленного развития, способы достижения поставленных целей. Есть, в самом деле, основания говорить об определенных достижениях в области развития телекоммуникаций, Интернета... Мне, однако, представляется очень значимой и пока недооцененной та составляющая этой работы, которая касается *психологической готовности общества*, его граждан к повороту на путь инновационного развития и деятельности в новой экономике. Представляется, что предстоит прорыв не только из реального мира отсталости, но даже прежде того — из *психологической атмосферы отсталости*, из области настроений, где живут одним днем и стремлением ухватить в этот день максимальный кусок пирога, прорыв в иной мир — систематической, целенаправленной, упорной работы миллионов людей ради постоянного восхождения к экономике современного уровня. В тот мир, где человек постоянно совершенствует себя, свой уровень знаний, потенциал творчества, а значит — и все вокруг себя. С тем настроением, что мы отстали навсегда, нам не добиться ничего.

Яснее хотелось бы представлять, во имя чего прорыв. Рассуждая о науко-технологиях, президент сказал, что они найдут применение в создании новых, более совершенных видов вооружений. Сказал *прежде всего* — или, может быть, коллеги-журналисты поставили это на первое место? И сразу представилось, что так же, как в недавние советские времена, усилия ученых, конструкторов, инженеров, рабочих воплощатся главным образом в подводных атомных крейсерах и новых поколениях космического или иного оружия.

Надо оснащать армию современным вооружением? Конечно. Но не повторится ли то, что к этому вновь сведутся наши усилия, вот эти са-

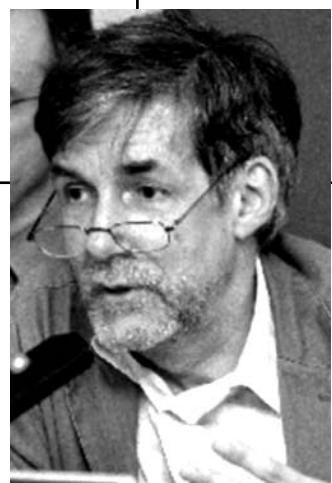

Сол Левитт. Без названия. 1971

мые инновационные? Не окунемся ли в еще более глубокую нищету из-за непомерных трат в этой сфере? Вдохновит ли нас на подвиги наука и производство такая перспектива?

Еще на одну проблему указал Павел Теплухин, президент управляющей компании «Тройка-Диалог», выступая на одном из семинаров Московской школы политических исследований. У нас не хватает инвестиционных, «длинных» денег. Когда сгорела Останкинская телебашня, говорил он, это был первый сигнал, что 20 лет не инвестировать в инфраструктуру нельзя. А если, не дай Бог, начнут разваливаться «стройки коммунизма» — типа Саяно-Шушенской ГЭС? А тысячи других крупных объектов? Где брать пресловутые «длинные» деньги? Была надежда, что в результате пенсионной реформы сформируются фонды, которые как раз заполнят эту нишу, как это, собственно, и происходит во всем мире. Однако реформа была провалена, потому что граждане не решились доверить свои накопления частным управляющим компаниям. Но мы-то знаем почему: сколько раз их обманули разные МММ, банки, другие любители собирать с населения и не отдавать деньги! А государство не провело никакой разъяснительной работы, не показало, что за гарантии были созданы для сохранности сбережений. Причина провала замысла правительства — решить через пенсионную реформу ряд важных проблем — опять же чисто психологическая. Оно никак не усвоит, как важно для успеха любого дела понимание всем обществом и каждым его членом самой сути задачи, значимости этой задачи, своей роли в ее решении.

Слово об инновационной экономике было, но важно, чтобы люди в него поверили.

Игорь Мин'юсов,
председатель
совета директоров
Центра политического
консультирования
«НИККОЛО М»

Интеллектуальная политическая карта России

В начале два вопроса, на которые спровоцировала меня замечательная книга под редакцией Виталия Куренного, «Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений»*, где собрано более двух десятков статей и интервью, в которых анализируется интеллектуальное пространство России. Первый: чем отличаются интеллектуальные направления политической философии от политических направлений? Ответ очевидный: интеллектуальное направление — это теория, а политическое направление — основанная на ней практика. Отсюда их разная научная проработка и области применения. На второй вопрос «Можно ли создать единую политическую карту России» я постараюсь ответить в конце статьи.

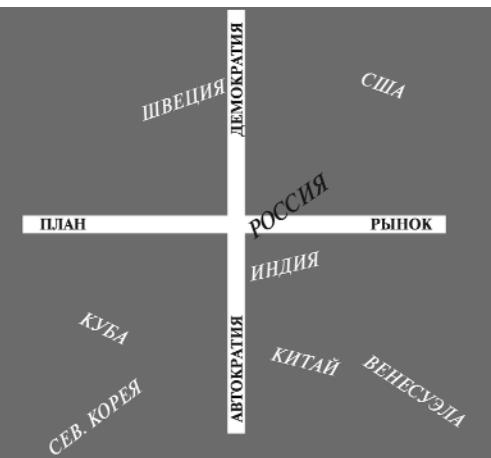
Что представляют собой современные направления политической философии? А именно — либерализм, консерватизм и «левые теории» (под левыми теориями имеются в виду обычно социалистические, коммунистические, троцкистские и ряд других теорий), а с другой стороны, такие эмоционально насыщенные направления, но интеллектуально менее проработанные, как национально-патриотические.

Прежде чем говорить о содержании этих направлений и их месте в политическом ландшафте России, приведу схему, которую в начале перестройки предложил ныне покойный отечественный социолог Леонид Гордон (так называемый *крест Гордона*). Его схема интересна и продуктивна именно с точки зрения создания возможной политической карты России.

На приведенной дальше схеме вертикальная ось — это уровень демократизма: наверху демократия, внизу автократия. На горизонтальной оси — тип экономики: слева — плановая, справа — рыночная. И страны расположены на схеме в зависимости от комбинации различных признаков. Россия, как видим, находится ближе к центру креста, то есть вне какого-либо определенного поля.

* См.: Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений. — М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006.

Крест Гордона. Окончательно ли положение России?

Итак, о главных чертах и действующих лицах основных политico-философских направлений в России.

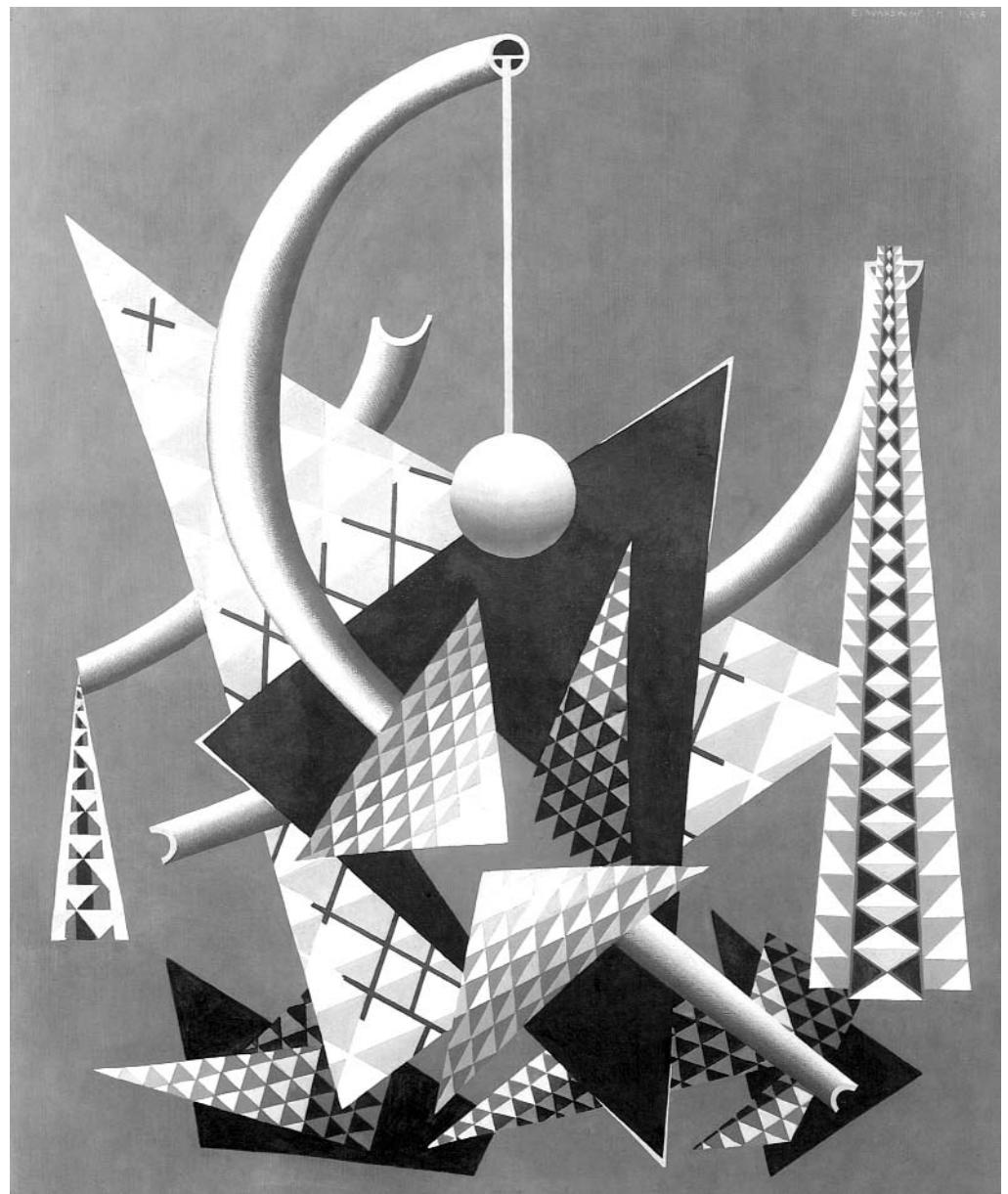
Либерализм. Существует огромная литература на эту тему. В более узком смысле либерализм — одна из трех идеологий, сложившихся на протяжении последних примерно 150 лет, наряду с консерватизмом и социализмом. В широком смысле — это метаидеология, из которой вышел консерватизм (см. ниже). К либерализму примыкают сегодня и двигаются в его направлении некоторые социал-демократические интеллектуальные течения. То есть в широком смысле слова либерализм — это большое интеллектуальное пространство, в котором находятся практически все западные страны. Когда распался Советский Союз, в его интеллектуальном поле не было либерализма как направления (как не было и консерватизма). Либералы в России появились в 1990-х, и их главным оппонентом были коммунисты и «неокоммунисты», я сознательно использую эти термины для обозначения «левого фланга», потому что он очень широкий: от Виктора Анпилова в самом начале до, если иметь в виду сегодняшние реалии, Сергея Миронова. В последние годы, во время

президентства Владимира Путина, все более заметными идеологическими оппонентами либералов становятся консерваторы.

Большая часть наших консерваторов (о которых речь впереди) вышла из либералов. Приведу лишь один пример: Вячеслав Никонов, который вместе с Сергеем Шахраем в середине 90-х годов представлял в Госдуме Партию единства и согласия (ПРЕС) и был либералом, написал консервативный манифест, перешел на позиции консерваторов. Некоторые либеральные экономисты также сделали определенный дрейф в сторону консерватизма. Острая конкуренция со стороны левых партий, начиная от коммунистов и кончая социалистами, заставляет либералов время от времени объединяться. Есть еще одна противостоящая им сила — националистическая идеология.

Для либералов политическое устройство общества базируется на известных и понятных принципах: это демократия, верховенство права, гарантia прав и свобод человека и рыночная экономика. Все многочисленные течения российского либерализма так или иначе реагируют на то, какими темпами и методами реализуются эти принципы. Методы достижения либеральных целей: демократические и честные выборы.

С какими проблемами столкнулись российские либералы в середине 90-х, в результате чего начался их медленный уход и выпадение из экономической и политической элиты? Главная из них — конфликт между принципами и целесообразностью. В отличие от принципа целесообразность — это действия власти, с которыми приходится считаться. Таких критических точек в истории 90-х годов было несколько. Первая — «расстрел парламента» в 1993 году, когда перед либералами был выбор — поддержать президента Б. Ельцина, как это сделал

Эдвард Ходзурт. Треугольники. 1948

Гайдар, или перейти в оппозицию к власти. Это была первая точка, как говорят психологи, когнитивного диссонанса между принципом и целесообразностью. Вторая точка — начало первой войны в Чечне в 1994 году, когда либеральное «Яблоко» выступило против войны, а СПС поддержало действия властей. Третья точка ког-

нитивного диссонанса — выборы президента России в 1996 году, когда несмотря на определенное нарушение избирательных прав одного из кандидатов, я имею в виду коммунистов, у которых было объективно меньше ресурсов, либералы дружно поддержали Б. Ельцина и закрыли глаза на не очень справедливые для разных кан-

дидатов условия выборной кампании. Подчеркиваю, «не очень справедливые», а не «нечестные». Мои знания позволяют сказать, что, конечно, Борис Николаевич Ельцин в 1996 году выиграл выборы честно, а манипуляция бюллетенями, о которой обычно говорится, не превысила одного-двух процентов; это голоса на закрытых участках, голоса из-за границы, где весьма сложно осуществить контроль за подсчетом голосов. И последняя драматическая ситуация для либералов возникла во время президентства В. Путина, когда, с одной стороны, продолжались и продолжаются рыночные реформы, а с другой — происходило сокращение политических свобод в России, в частности, под жесткий контроль были поставлены федеральные средства массовой информации, отменена часть федеральных выборов и так далее. И здесь либералы тоже разделились. Некоторые решили не поступаться принципами, в частности, ушел в оппозицию Владимир Рыжков, достаточно жесткую позицию занимают и некоторые другие либералы. В то же время, например, Анатолий Чубайс, Сергей Кириенко и некоторые другие остались лояльными власти.

Либералы в России имеют свои институты. Это Высшая школа экономики, Центр Карнеги, Центр политических технологий, Московская школа политических исследований, академический Институт мировой экономики и международных отношений. Они выпускают соответствующую литературу, проводят семинары, издают журналы («ПОЛИС», «Pro et contra» и др.). Все это институциональная база нынешнего либерализма в России.

Для упрощения в либеральном сообществе можно выделить либералов-политиков и либералов-экспертов. Первые на слуху, сейчас, правда, меньше: Немцов, Хакамада, Рыжков и другие. В

среде либералов-экспертов можно назвать Георгия Сатарова, Сергея Маркова, а также ряд людей, которые работали в академических институтах: Сергея Караганова, Сергея Рогова, Алексея Арбатова, Игоря Бунина, социолога Бориса Грушина, экономистов Егора Гайдара, Евгения Ясина, а также покойных Леонида Гордона, Германа Ди-лигенского, Алексея Салмина, Юрия Леваду.

Консерватизм. Интеллектуальная активность российских консерваторов реализуется в печатных органах, наиболее важным из которых является журнал «Эксперт», и в клубах. В 2003 году был создан Серафимовский клуб, идеологами которого являются как минимум три известных журналиста: Александр Привалов, Михаил Леонтьев и Максим Соколов. В том же году появился Консервативный пресс-клуб. Его «кадровый костяк» составляют публицисты и ученые Вадим Цымбурский, Виктор Милитарев, Юрий Соловьев, Егор Холмогоров и другие. В отличие от Серафимовского клуба, в котором обсуждаются в основном экономические и политические проблемы, Консервативный пресс-клуб ориентирован на культуроцентризм, то есть на обсуждение широкого спектра мировоззренческих проблем.

Отдельно стоит направление православного консерватизма, о котором реже упоминают в СМИ. Здесь два центра притяжения: Отдел внешних церковных сношений Московского патриархата (митрополит Кирилл) и Сретенский монастырь в Москве (архимандрит Тихон Шевкунов, у него причащается ряд известных политиков, которые входят в окружение президента). Это направление в последние годы заметно интеллектуализировалось благодаря участию Натальи Нарочницкой, Виталия Аверьянова, Олега Белякова и других публицистов.

Среди заметных консервативных общественных институтов следует также назвать литературно-философскую группу «Бастион», существующую уже шесть лет. В нее входят писатели-фантасты и такие идеологи имперско-православного направления, как Дмитрий Володихин, Эдуард Геворкян, Глеб Елисеев и другие. Несколько в стороне находится Российский фонд культуры Никиты Михалкова. Сюда же можно отнести и не декларирующие напрямую идеологический консерватизм, но имеющие к нему непосредственное отношение многолетний Экспериментальный творческий центр Сергея Кургinya, издающий журнал «Россия XXI», и Институт русской истории при РГГУ, возглавляемый Андреем Фурсовым, где выходит «Русский исторический журнал», и ряд других менее известных центров и людей.

Особняком на поле консервативной идеологии стоят «имена-институты»: Александр Солженицын; покойный философ-политолог, автор бестселлера «Почему Россия не Америка?» Александр Панарин; уже упоминавшийся философ-геополитик Вадим Цымбурский; левоконсервативный мыслитель Сергей Кара-Мурза; геополитик Александр Дугин... Все эти люди самодостаточны и хорошо известны.

Чего не хватает российскому консерватизму, чтобы стать наряду с либерализмом и левыми теориями? Если в либерализме и в идеологии «левых» (у наших коммунистов и социалистов) есть некие свойственные этим течениям идейные константы и понимание на этой основе принципов организации общества, то представления консерваторов об идеальном общественном устройстве весьма расплывчаты. И это понятно, поскольку консерватизм — это всегда реакция на утрату, на быстрые изменения неких существенных реалий и ценностей.

Фактически все российские консерваторы появились в результате распада Советского Союза. Исключение, пожалуй, только Александр Солженицын, вся жизнь и общественная деятельность которого явилась реакцией на исчезновение после 1917 года прежней России. Сейчас это течение становится в России практически доминирующим. Когда я говорю «сейчас», то имею в виду последние несколько лет, когда оно перехватило инициативу у либералов, хотя пока не может конкурировать с либеральными экономистами в правительстве.

Обсуждая проблемы консерватизма, обычно эксперты говорят о ситуационном консерватизме и интегральном. Ситуационный консерватизм — это реакция на определенную ситуацию. Когда в стране происходят резкие изменения, то совершенно естественно, что общество на них реагирует, так как хочет стабильной жизни, верит в определенные ценности, которые у него были. Если в результате действий власти эти ценности разрушаются, то люди неизбежно становятся консерваторами. Как кто-то однажды пошутил, все наши либералы лет через 20 станут консерваторами. В этой шутке есть зерно правды: когда ты молод, ты хочешь изменить мир, а когда становишься старше, начинаешь ценить достигнутое и стремишься его сохранить.

Что же касается интегрального консерватизма, то есть исторически сложившегося в Европе оппонента либерализма и социализма, то о его появлении в современной России говорить пока рано, хотя связанные с ним проблемы активно обсуждаются.

Основу консервативных ценностей на Западе составляют, как известно, традиции, семья и собственность. В России же, как ни парадоксально, за сохранение традиций последовательно выступает лишь КПРФ, но ни семья, ни тем более собственность не входят в

систему защищаемых ею ценностей. Строго говоря, у нас пока нет консервативной партии, то есть влиятельной политической силы, какой, например, в Соединенных Штатах является Республиканская партия, которая защищала бы называемые ценности.

Левые. Опять же очень коротко. В настоящее время в левой части интеллектуального спектра находятся весьма разнородные и отчасти маргинализированные группы. Назову лишь некоторые из них, существующие в виде отдельных институтов, движений, СМИ, интернет-ресурсов, кружков по интересам и т.д. Прежде всего это «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО) — общественное объединение, отстаивающее ортодоксальный марксизм-ленинизм. Его социальная база — советская вузовская и академическая профессура, а также идеологические работники из числа партийной номенклатуры. Возглавляет его профессор И.П. Осадчий (с 2005 г. почетный председатель РУСО) и академик Российской академии сельскохозяйственных наук В.С. Шевелуха. Затем — ассоциация «Ученые за демократию и социализм» во главе с профессором МГУ А. Бузгалиным. При ассоциации действует клуб «Диалог», на ее основе в 2000 году было образовано общественно-политическое движение «Альтернативы», издающее журнал с одноименным названием на английском и русском языках. Еще одним заметным игроком на левом фланге является Институт проблем глобализации, основанный Михаилом Делягиным и Борисом Кагарлицким, а также институт «Коллективное действие», который объединяет активистов различных общественных организаций антиглобалистской направленности — левых, профсоюзных, экологических, молодежных. Дальше идут троцкисты, которые также достаточно

широко представлены в российском левом интеллектуальном сегменте; «Романтические левые», идеологическим ориентиром для которых является деятельность «новых левых» образца 1968

В последнее время появился тренд на актуализацию прошлого, сохранение советских ценностей

года во Франции. Политическая и интеллектуальная деятельность здесь рассматривается, как правило, через призму различных форм художественной практики, сложившихся в современном искусстве. Институционально представители данного течения группируются вокруг Института современного искусства Иосифа Бакштейна, Центра современного искусства Анатолия Зверева и т.д. Сюда же относятся «вольные стрелки», организационно не объединенные отдельные публицисты. И наконец, сторонниками левых и социалистических идей являются так называемые поклонники европейской социал-демократии и идей «третьего пути». Я назвал их последними, но это одно из наиболее влиятельных направлений, в основном позднесоветского происхождения. Выступая в роли носителей специализированного экспертного знания, представители этой среды основное внимание уделяют разработкам в области социальной политики, трудовых отношений и т.д., то есть пытаются сегодня конвертировать свой прежний опыт времен правления М.С. Горбачева непосредственно в социал-демократические формы западноевропейского типа.

Всех левых в зависимости от того, как они относятся к политике В.В. Путина, можно разделить на две части. Одни его поддерживают в последнее время, когда появился тренд на актуализацию прошлого, определенный сигнал для сохранения советских ценностей. Другие счи-

тают, что Путин проводит антимонархическую политику, несмотря на его жесткую борьбу с олигархами. Как социолог знаю, что активисты в левых движениях составляют не больше 3–4 процентов, но, как говорится, из искры возгорается пламя, и если на левом фланге появится какая-то яркая идея, у нее наверняка найдется много сторонников.

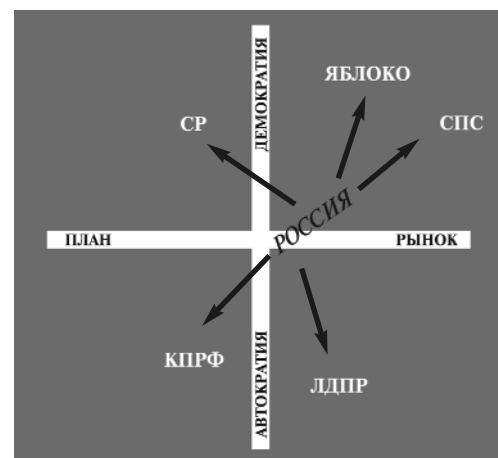
Национализм. В националистическом спектре в России просматриваются две основные тенденции. Первая — коммунико-патриотическая с ее органической враждебностью Западу, мечтой о «сильной руке» и любимым тезисом о преемственности «царизм — большевизм», что сближает ее с консерватизмом в классическом понимании. Вторая тенденция — традиционалистско-почвенническая, сторонники и последователи которой не имеют отношения к идеям коммунизма, занимаются историческими, филологическими, философскими изысканиями в области идентичности души русского народа, глубин российского имперского сознания, и так или иначе фиксируют свои рефлексии в текстах.

Наконец, отдельный разговор о чиновниках в России. Есть ли у них какая-то идеология и система ценностей за пределами системы координат, которую мы рассмотрели? Мой ответ — есть. Частично я уже об этом говорил в связи с ситуативным консерватизмом, поэтому назову их систему ценностей ситуативной этикой. Это уникальное рыночное предложение в форме особого почтения к сильному руководителю, к своему начальнику, который движется по карьерной лестнице. Чиновники считают, что лояльность к человеку, занимающему крупный государственный пост, и есть служение России. Это и есть в определенном смысле идеология. Как-то один мой товарищ, потомок известного российского рода, он родился и вырос на Западе, а сейчас живет в России, после

общения с высокопоставленными чиновниками поделился со мной таким интересным наблюдением. Игорь, сказал он, как интересно, что раньше до революции дворянство, которое находилось на службе у царя, служило России, а сейчас чаще всего чиновники служат конкретному лицу, то есть их служение превращается в лояльность Ивану Иванычу, и эти люди искренне считают, что тем самым они служат России...

Итак, вернувшись к началу своих заметок. Можно ли после сказанного создать единую политическую карту России? Приведу еще одну схему, используя «крест Гордона», на которой расположены политические партии: стрелки на ней указывают основные направления их программных целевых установок, «кто» предлагает России «куда» двигаться. В верхнем правом сегменте с координатами «демократия — рынок» находятся правые партии. В левом сегменте «демократия — план» — «Справедливая Россия». В нижней части слева — КПРФ, справа — ЛДПР.

Крест Гордона.
Куда ведет «Единая Россия»?

Предлагаю читателю самому определить место «Единой России» на этой схеме и ответить на вопросы, куда она ведет и на какие реальные потребности и интересы людей ориентируется?

Политика и культура: национализм в русском хип-хопе

эффекты глобализации, среди которых исследователи особо выделяют эскалацию националистических настроений и движений по всему миру, находят отражение в продукции массмедиа и в массовой культуре. При этом молодежные жанры, такие как хип-хоп (от англ. *hip* — бедро, *hop* — прыжок; скакать), оказываются на острие событий, являясь наиболее чувствительными к динамике социокультурных и политических процессов.

Проблематика нации и национализма достаточно широко представлена в современной социальной теории. Наиболее популярна сегодня концепция британского исследователя Б. Андерсона, опирающаяся на конструкционистскую традицию, где нация полагается результатом символического производства разделяемых сообществом самоопределений на основе некоего обобщенного ментального образа*. Фокус исследовательского внимания в этом случае смещается от вопроса «что есть нация?» к выяснению условий, активизирующих запрос на данную категорию, а также ресурсов и механизмов, определяющих ее социальное оформление. Национализм, согласно логике конструкционистского подхода, выступает непременным элементом формирования любой нации: современная «нация», замечает А. Смирнов, состоит из националистов и начинает существовать, когда националисты заявляют о своей принадлежности к ней, в частности посредством разнообразных эстетических практик**. Дальше я рассмотрю русский хип-хоп как один из таких ресурсов национального самоопределения и самопрезентации.

Существующие сегодня исследования русского национализма выделяют ряд специфических характеристик данного феномена, среди которых мессианство, универсализм и метаисторичность***, а также ре-

Лика Рыгина,
научный сотрудник Центра
социальной политики
и гендерных исследований
(Саратов)

* См.: B. Anderson. . Revised ed. — London and New York: Verso, 1991.

** См.: А. Смирнов. Национализм, нация, коллективное действие, пустое означающее. — Логос. — М., 2006, № 2 (53).

*** См., например, эссе «О русском национализме» на <http://obschina.nm.ru/stat/RN.htm>

лигиозность, геополитичность («вкус» к пространству), надэтничность, общинность, интегрирующая интенция*. Работы, выполненные на материалах дореволюционного периода, определяют русский национализм как общественный, а не государственный: именно общественные деятели, а не правительство, по мнению исследователей, в прежние времена вносили основной вклад в выработку повестки дня национальной политики. Государство в этом случае выступало скорее предохранительной оболочкой нации, формируемой «гражданским обществом» в ходе публичных диспутов и выдвижения требований к самодержавию**. Социологический анализ советского периода российской истории обнаруживает определенную преемственность содержания коммунистического (интер)национализма прежним идеям нации и национальной политики***. Постсоветская же действительность характеризуется крушением устоявшихся оснований национальной самоидентификации и последующими поисками новых путей национальной интеграции, национального самоосуществления как на уровне государственной политики, так и в повседневных практиках рядовых граждан****.

Формируемые в политическом пространстве националистические идеи находят отражение не только в программных документах партий и движений, в политической риторике, но и в массовой культуре. Феномен хип-хопа в этой связи кажется особенно интересным, поскольку погружен в символическую экономику глобального и локального: являясь продуктом глобальной модернизации, хип-хоп-практики укоренены в контексте локальных социокультурных отношений и располагают неким пространством сопротивления эффектам культурной унификации. Удачную иллюстрацию в этой связи дает исследование У. Адлта популярной музыки в современной Германии, показавшее как образ «немецкости» рефлексивно конструируется исполнителями посредством Остальгии и иронического прочтения юбер-национализма*****. Еще один подход к презентации национальной самобытности представляет японский рэп, где «японскость» связывается с уникальностью традиционной культуры и самоценностью исторического наследия. Так, по данным Я. Кондри, во второй половине 1990-х сложилось отдельное движение «samurai rappers», приверженцы которого ак-

тивно включают в лирику и визуальный ряд образы воинов в национальных костюмах и коннотации известных исторических сюжетов*.

Русское музыкальное видео и рэп-лирика, как я покажу далее, также демонстрируют примеры выхода за рамки глобальных культурных стандартов молодежного музыкального жанра посредством практик «культурной интерпретации» и критики процессов вестернизации, а также вносят вклад в конструирование национальной идентичности, (вос)производя те или иные националистические паттерны и дискурсы.

Так, надэтничность русского национализма формирует, по моему мнению, приверженность темам классовой и поколенческой самоидентификации, а также транснациональной солидарности в рэп-композициях. Например, в тексте одной из песен группы SixtyNine проводится связь между жителями «черных» кварталов Нью-Йорка и обитателями городских окраин современной Москвы. Расовое различие преодолевается использованием метафоры черного хлеба, выступающего в русском контексте еще и символом низкого социального статуса, финансовой маргинальности (бедности).

И хоть ты белый, как снег снаружи,
внутри ты черный, как хлеб, мэн.
Ты можешь назвать себя как угодно,
быть панком, фриком, битником,наци, модом,
стилягой, хиппи, рэйвером, топом, все равно —
твоя окраина — это дно. Мы, жители гетто, всегда похожи.
Пойми, здесь дело вовсе не в цвете кожи.
Я тоже ниггер, ты ниггер тоже,
и добренъкий Боже нам не поможет.

S9 «В белом гетто» (*Выживу — стану крепче*, 2004)

«Белыми» («белой мастью», «белой костью») в этом случае маркируются представители политической и финансовой элиты, «те, кто нахватался денег и власти, чей мир за Садовым Кольцом кончается» (S9 «В белом гетто» *Выживу — стану крепче*, Ч. 2). Пример конструирования поколенческой солидарности — производной транснациональной молодежной субъективности — предлагает композиция «Москва—Нью-Йорк» мейнстримного рэпера ДеЦла, основанная на идее схожести жизненных ситуаций, вкусов и ценностей молодых людей России и Америки:

Молодежь похожа в Нью-Йорке и Москве,
Такие, как я, чуваки есть везде.
Легко тому, кто понимает, хип-хоп поднимает,
Москва и Нью-Йорк эту культуру принимают.

ДеЦл «Москва — Нью-Йорк» (*Кто? Ты*, 2006)

Социально-политический кризис, нарастающая «закрытость» и коррупция политических элит создают ситуацию, когда государство из относительно нейтральной оболочки, оформляющей «естественный»

* Так, А. Дугин доказывает, что русский национализм является глубоко имперским, интегрирующим и всеохватывающим, утверждающим открытость русского этноса, «вбирающего в себя всех, кто хочет в него вступить». (А. Дугин. *Апология национализма. Политическая аритмия, евразийство и национализм. Консервативная революция*. — М.: АРКТОГЕЯ. <http://www.arctogaia.com/public/konsrev/natio.htm>

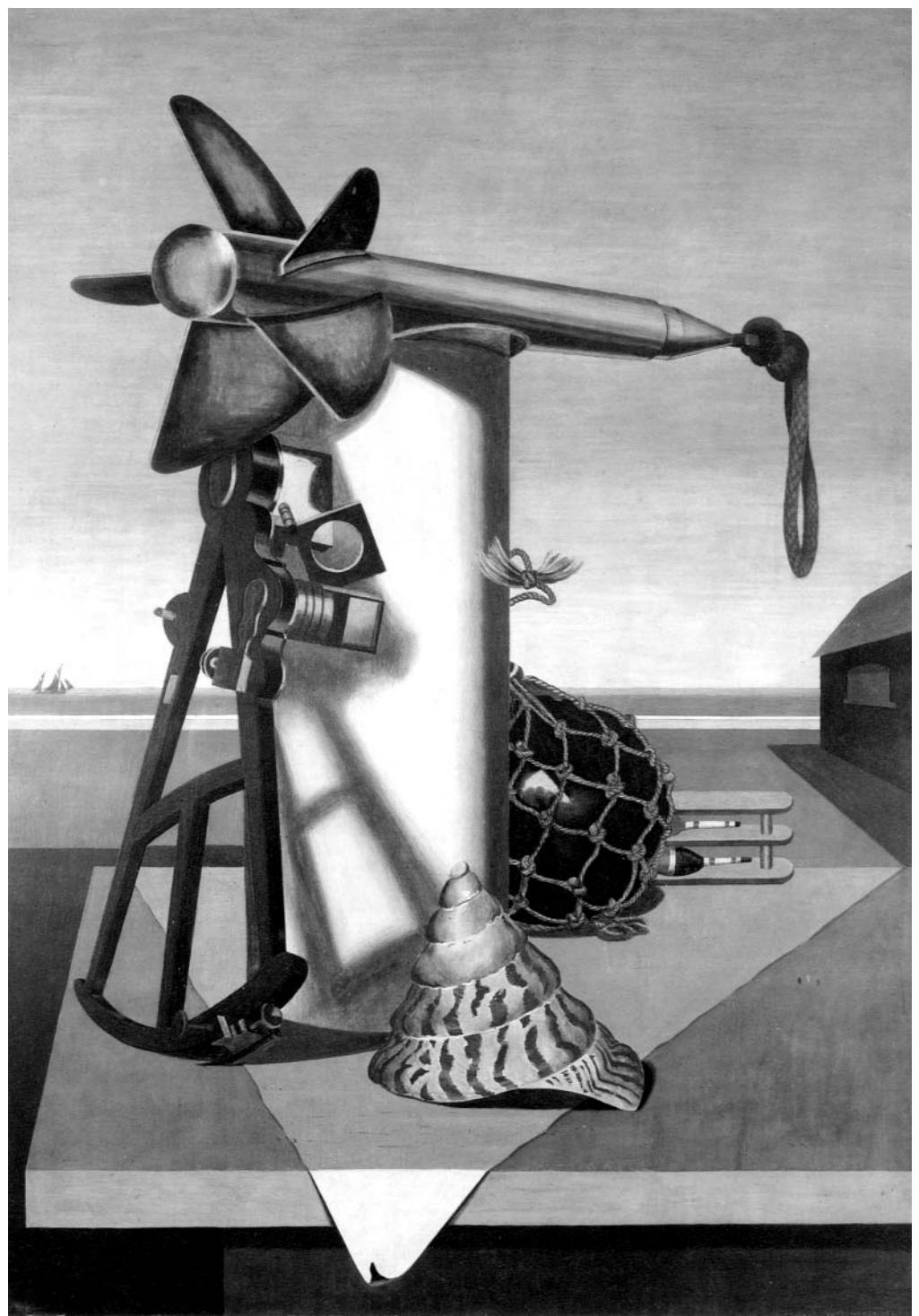
** См.: A. Renner. *Проблемы и методы исследований национализма и особенно русского национализма XIX века*. <http://saratov.iriss.ru/empires/articles/index.html>

*** М.Е. Попов. *Антрапология советской культуры: философский анализ*: дис. канд. филос. наук. — Ставрополь, 2004.

**** См.: С. Медведев. *Осуществляемое самосознание. Доклад на семинаре в ГУ ВШЭ «Возможность столкновения цивилизаций: глобализация и идентичность» 26 апреля 2006 года*.

***** См.: U. Adelt. «Ich bin der Rock'n'Roll-Ubermensch»: globalization and localization in German music television. // (2005) http://www.findarticles.com/p/articles/mi_m2822/is_3_28/ai_n14793364/pg_12

* I. Condry. *Hip-hop Japan: Rap and the Paths of Cultural Globalization*. — Duke University Press, 2006.

Эдвард Ходжарт. Северное море. 1928

уклад национальных явлений, превращается во враждебную по отношению к широкой общественности систему, стремящуюся навязать собственный порядок, использовать ресурсы гражданского общества для достижения собственных целей. Музыкальное видео А. Воробьева «Русские забили!» представляет российскую ситуацию именно таким образом. Клип построен на коллаже кадров одного из новых российских блокбастеров, повествующего о деятельности некой полулегальной группы специального назначения, занятой поисками бомбы, заложенной террористами где-то на территории Москвы. Но основными оппонентами главных героев в серии бесконечных погонь и драк выступают отнюдь не террористы, а сотрудники российских правоохранительных органов, что на фоне речитатива о чувстве униженности, желании освобождения от стигматизации, реабилитации народа (и прежде всего молодежи) в качестве творца истории собственной страны не оставляет у зрителя сомнений, что речь идет об оппозиции властным структурам. В заключительной части клипа происходит встреча с другим, более традиционным «экзистенциальным оппонентом» России — с Западом. В визуальный ряд неожиданно вплетается трансляция футбольного матча с «чемпионами Европы», в лирике появляются отсылки к теме падения политического рейтинга России на международной арене. В целом русский национализм в данной композиции предстает как общественный, а не государственный, конструируемый через оппозицию властным силам, одновременно локального и глобального изменений. «Русские» здесь не государство-нация, но прежде всего гражданское общество, в котором молодежь выступает его естественной частью, его авангардом («Мы одной со страной кровеносной системы»).

Геополитичность русского национализма как особая чувствительность к большим пространствам, имперский радикал (интегрирующий, всеохватывающий, универсальный) и представления о национальной уникальности—»избранности» проявились в популярном клипе группы *Дискотека Авария* «Опа!». По сути это не столько сам хип-хоп, сколько песня о хип-хопе, выполненная в стиле диско с элементами частушек. Видеоряд, отснятый во время поездки артистов в Японию, и лирический контент композиции представляют собой мечту на тему выхода российской медиапродукции на глобальный рынок. Зрителю-слушателю предлагается буквально прочувствовать факт, что Япония — страна, столь отличная от России в плане культурных традиций и социальных канонов, — с ликованием принимает звезд российской эстрады, охотно включается в воспроизведение привезенной ими незатейливой мелодии. Или, точнее, *завезенной по пути*, поскольку сюжет песни — рассказ о кругосветном путешествии, цель которого состоит в «культурном просвещении», приобщении людей по всему свету к русским музыкальным традициям. Реалистичность, казалось бы, шуточной заявки на культурную экспансию подтверждают завершающие кадры музыкального видео, где частная токийская вече-ринка решена в стиле традиционных русских посиделок: «Опа-опа, Америка, Европа!» старательно выводят на ломаном русском языке подвыпивший японский диджей при поддержке компании столь же

разгоряченных спиртными напитками японских девушек. Здесь мы встречаем феномен «глобализации наоборот», когда культурные паттерны стран «третьего мира» начинают успешное и экспансивное продвижение к центру. Еще одним примером такого рода явлений можно считать миротворческие вояжи индийских гуру по Америке и Европе в конце 1990-х*.

Более традиционные формы сопротивления внешнему культурному влиянию реализуются посредством критики вестернизации—макдональдизации («Мистер Малой», композиция «Шлак-Дональдс», 2004; «БандЭрос», клип «Коламбия Пикчерз не представляет», 2006) и «культурной интерпретации» — «культурного перевода», наиболее примечательным примером которого являются, по моему мнению, «спортивные частушки» — своеобразная русифицированная версия рэпа, а также практики приватизации или присвоения—рекрутирования символики хип-хоп жанра для достижения коммерческого успеха на российском медиарынке. Так, музыкальное видео исполнителя Сергея «Возле дома твоего» (*Дискомалярия*, 2005), позиционируемое как гангста-рэп, стилистически выполнено скорее в формате шансона — незамысловатого лирического повествования о неразделенной любви. Единственное, что придает в некоторой степени «гангстерскую» специфику — образ лирического героя, отсылающий к субкультуре российских полукриминальных городских группировок. И более ничего, кроме утверждений самого исполнителя, не указывает на близость данного произведения к оригинальному субжанру — жесткому, агрессивному, часто с элементами социально-политической критики и коннотациями, поддерживающими насилие, употребление наркотиков, промискуитет и сексизм. Однако само упоминание связи с популярным американским прототипом возбуждает интерес неискушенного российского зрителя—слушателя.

Феномен хип-хоп—культуры нередко обозначается исследователями как самостоятельное социальное движение, своим существованием подтверждающее тезисы о несводимости ответов на глобальную модернизацию лишь к реакции наций-государств или политических элит**, а также о возможности произвольного «конструирования» локальностей на низовом уровне***. Творческая и личностная коммуникация, сопровождающая развитие хип-хопа в мире, в то же время, как справедливо замечает Я. Кондри, открывает перспективы межкультурной толерантности и новые пути демократизации социальных институтов для совладания с вызовами и негативными эффектами глобальных процессов.

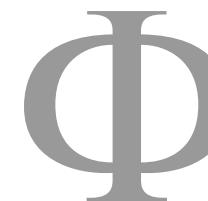
.

* Об этом, например, говорилось в выступлениях на конференции *Crossing Borders Convocation «Globalization and Cosmopolitanism»* (University of Iowе, USA, March 24–26 2006).

** См.: В.Фурс. Белорусская «реальность» в системе координат глобализации (постстановка вопроса). — *Tonos*, 2005, №1(10) <http://www.nmnby.org/pub/130605/glob.html>

*** См.: R. Robertson. *Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity*. // In Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds.) *Global Modernities*. — London, 1995.

Финское информационное общество*

инляндия известна не только как развитое информационное общество, но и как одна из самых конкурентоспособных экономик мира. Отчасти конкурентоспособность и высокоразвитое информационное общество — это одно и то же: речь идет о дееспособности общества в целом. Трудно представить конкурентоспособное общество, которое одновременно не являлось бы и высокоразвитым информационным обществом.

Финляндия занимает первое место в мире по качеству образования и по самому низкому уровню коррупции. Именно образование и транспарентный публичный сектор играют важную роль в создании конкурентного и информатизированного общества. Под информационным обществом подразумевается, таким образом, такое общество, которое способно создавать, распределять и использовать информацию. В информационном обществе технология служит лишь инструментом. Поэтому даже самые высокие технологии не приведут к дееспособному информационному обществу, если прочие общественные структуры не поддержат его.

Недавно в Финляндии была принята новая стратегия развития страны как информационного общества. В стратегии обозначены преимущества Финляндии: высокий уровень образования, региональное и социальное равноправие, высокая культура управления, национальный банк информации, публичность информации и доверие граждан к электронным услугам. По сути, ни одно из этих преимуществ впрямую не связано с технологией. Речь идет о том, что все граждане имеют свободный доступ к информации, так как управление обществом и вся информация являются открытыми; существует доверие между органами власти, гражданами и бизнесом.

Харри Хелиэниус,
Посол Финляндии в РФ

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в г. Зеленогорске (Ленинградская область) 16 февраля 2007 года.

Информационное общество не может функционировать, если граждане не подготовлены к созданию и использованию информации. В Финляндии много внимания уделяют тому, чтобы все граждане имели достаточное образование, что позволяет использовать способность каждого и обеспечить для всех возможность действовать в информационном обществе. Наша страна заняла первое место в международном исследовании PISA*, которое оценивает уровень образования. В исследовании оценивалось, насколько хорошо ученики в разных странах владеют знаниями и умениями, важными с точки зрения современного общества. В Финляндии равноправие в образовании обеспечивается, например, тем, что школы не выбирают своих учеников, а каждому ребенку гарантирован доступ к учебе в школе своего района. Учеников не определяют в разные школы и не разделяют на разные группы по уровню знаний. Учителя должны иметь высшее образование. Профессия учителя в Финляндии пользуется популярностью, поэтому в вузы по подготовке учителей отбираются заинтересованные и талантливые молодые люди. Система школьного образования предоставляет равные возможности всем, независимо от места жительства, пола, экономического положения или языковой и культурной принадлежности школьника. Конечно же, предоставление равных возможностей для учащихся требует немалых финансовых усилий, а в школьной системе часто необходимо принимать специальные организационные меры. Например, в школах Хельсинки происходит обучение родному языку примерно на сорока языках.

Региональное равноправие означает, в частности, то, что максимальное количество людей имеет доступ в широкополосный Интернет. Финляндия — страна редконаселенная, с большими расстояниями. В этом отношении она напоминает многие регионы России. В стране насчитывается миллион триста тысяч абонентов имеющих доступ в широкополосный Интернет. Еще важнее с точки зрения равных возможностей тот факт, что почти все население, а точнее 96 процентов, имеет техническую возможность подключения к широкополосной сети.

Кроме возможностей граждан, информационное общество предъявляет много требований к деятельности органов власти. Хотя электронное общение может казаться «холодным», оно предоставляет превосходное средство обеспечения прозрачного и объективного взаимодействия с органами власти. Следует заметить, что Финляндия является в этом смысле ведущей страной в мире: семьдесят три процента финнов уже вели переписку с органами власти в электронной форме.

Информационные технологии охватывают все сферы общества. Его развитие основывается на общности государства, бизнеса и гражданских институтов. У всех свои требования и ожидания в отношении информационного общества. С другой стороны, все они являются незаменимыми участниками его строительства и функционирования.

С точки зрения государства информационное общество означает, например, возможность более эффективно оказывать публичные услуги. Техника также предоставляет превосходную возможность открытого для граждан доступа к процессу принятия решений как в общегосударственной, так и в муниципальной администрации. Например, в коммуне Раутъярви, расположенной недалеко от финляндско-

российской границы, проживают четыре тысячи трехсот человек. Любой человек может ознакомиться с протоколами заседаний муниципальных властей или отправить сообщение по электронной почте лицам, принимающим решения. На интернет-страницах можно записать ребенка в детский сад или подать заявление на получение съемной муниципальной квартиры.

Информационное общество представляет гражданам почти неограниченные возможности получения информации и ведения дел. Наверно, нетрудно в любой стране привлечь молодежь к активному использованию информационной техники и таким образом извлечь пользу из возможностей, предоставляемых информационным обществом. Но с точки зрения равноправия особенно важно, чтобы такое общество принимало во внимание потребности тех, кто не способен следить за развитием технологий и подвергается опасности оказаться вне его сферы. Я уже упомянул, что обучение родному языку в школах Хельсинки проводится на сорока языках. Финляндия стремится интегрировать иммигрантов в информационное общество как равноправных его членов. Нашей целью также является обеспечение доступа к возможностям информационного общества пожилым людям. Тридцать один процент финских женщин и сорок два процента мужчин в возрасте от шестидесяти до семидесяти четырех лет используют Интернет.

С точки зрения предприятий смысл информационного общества состоит в возможностях, которые оно способно предоставить бизнесу. Технические инновации, необходимые для функционирования информационного общества, рождаются на предприятиях, а они,

в свою очередь, являются основными создателями и пользователями его инфраструктуры. Финские компании, работающие в сфере информационных и телекоммуникационных технологий,

73 процента финнов общались с органами власти посредством Интернета

ежегодно тратят два с половиной миллиарда евро на разработку своей продукции. Для бизнеса доступность информации означает ужесточение конкуренции, так как сравнение цен на продукцию стало простым делом. Неправительственным организациям информационное общество дает возможность взаимодействия с органами власти, а также распространения информации и создания сетей. Позже я вернулся к роли общественных организаций.

Роль различных деятелей и функционирование финского информационного общества проще всего показать на конкретных примерах взаимодействия граждан, бизнеса и органов власти, облегчающего повседневную жизнь.

Финны все чаще ведут свои банковские дела через Интернет. Этой услугой пользуются сегодня уже 63 процента финнов. До этого государство должно было с помощью законодательства обеспечить, например, возможность удостоверять личность пользователя с помощью компьютера. Компании сами заботятся о работе технологий предоставления электронных услуг и привлекают клиентов к их использованию. Гражданам остается только пользоваться ими, а ходить в банк они могут, когда это им удобно.

Отправляя посылку по почте, финн может через Интернет отследить ее движение. Почта Финляндии является государственным акционерным обще-

* Programme for International Student Assessment — Международная программа по оценке уровня образования.

Жан Базен. Луна и ночная птица. 1947

ством, которому все чаще приходится конкурировать с компаниями, предлагающими аналогичные услуги. Когда финский ученый хочет получить финансирование от Академии наук Финляндии, он может отправить электронное заявление из любого конца мира.

Хорошо функционирующая библиотечная система — это важная часть финского информационного общества. Кроме книг, газет и журналов, библиотеки предоставляют возможность пользования Интернетом, персонал библиотек инструктирует желающих по использованию электронных услуг. Ежегодно услугами библиотек пользуется 80 процентов финнов. В прошлом году затраты на деятельность библиотек на одного жителя составили сорок пять евро. Это касается только публичных библиотек, а есть еще библиотеки вузов и других учебных заведений. Организован доступ к материалам всех публичных библиотек страны через один интернет-адрес. Это пример открытости и доступности информации, что является основой информационного общества. Работа библиотек также наглядно показывает, что информационное общество основывается на структурах и традициях, которые существовали еще до того, как был изобретен компьютер. Сбор и доступность информации, ее бесплатное или недорогое предоставление гражданам были всегда традиционны для наших библиотек.

В Финляндии широко используются электронные медицинские карты. В информационном обществе органы власти, как и предприятия бизнеса, имеют большой объем информации о гражданах в своих электронных базах данных. Однако граждане должны быть абсолютно уверены в том, что эти данные используются строго по назначе-

нию и ни в какой форме не доступны посторонним.

Кстати, в Финляндии защита информации о гражданах контролируется специальным органом — Уполномо-

Техника предоставляет превосходную возможность открыто для граждан доступа к процессу принятия решений

ченным по защите информации. И все же роль неправительственных организаций и гражданского общества в целом очень важна, так как они наблюдают за тем, чтобы действия органов власти в информационном обществе не нарушили основные права человека. Оптимальное информационное общество предоставляет новые возможности для ведения дел именно там, где большая часть граждан пользуется услугами публичного сектора либо частных предприятий. В Финляндии информационное общество получило широкое распространение, прежде всего в общении с органами власти. Как я уже упомянул, 73 процента финнов уже общались с органами власти посредством Интернета и только 50 процентов использовали его для покупок. Это говорит о доверии к органам власти.

Помимо образования и законодательства, у государства есть и другие важные задачи в информационном обществе. Поскольку все более ценной собственностью в экономике становится информация, предназначенная для хозяйственных или развлекательных целей, важно, чтобы была обеспечена защита интеллектуальной собственности и авторских прав. Хотя информация не амортизируется в процессе распространения, задачей органов власти является забота о том, чтобы производители информации получали компенсацию за использование плодов их труда.

Итак, информационное общество означает открытость информации и облегчение ее распространения. Поэтому любое информационное общество должно рассматриваться как часть международной экономики. Значение информации и знаний возрастает в международной конкуренции между разными странами. Финляндия стремится планировать будущее так, чтобы и в дальнейшем иметь возможность ответить на конкурентные вызовы. Вероятно, мы видим только начало тех преобразований мировой экономики, в ходе которых электронная передача информации будет изменять народные хозяйства. Конкуренция между странами, безусловно, будет ужесточаться, но Финляндия с доверием относится к будущему информационного общества.

Недавно на совещании РСПП президент Путин говорил о необходимости диверсификации производства в России с тем, чтобы уменьшить зависимость страны от производства энергоснителей и сырья, перейти к современному информационному обществу с экономикой, основанной на высоких технологиях.

По размеру, истории великой державы, природным богатствам и человеческим ресурсам Россия среди промышленных государств мира принадлежит к совершенно другой «касте», чем Финляндия. Несмотря на это, наши страны уже в течение многих десятков лет сотрудничают в технологической, исследовательской и образовательной сферах, а также в промышленности.

В начале восьмидесятых годов я был генеральным секретарем финляндско-советской Комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Восьмидесятые годы вовсе не были периодом открытых дверей и границ между нашими странами или в отношениях Европы и Советского Союза. Несмотря

на это, рабочие группы Комиссии служили каналами для установления контактов в упомянутых сферах. Речь шла об использовании человеческих ресурсов обеих стран. Информация передавалась в обоих направлениях, накапливалась, правда медленно, опыт ее совместного производства. Общение между СССР брежневского периода и капиталистической Финляндией имело довольно бюрократическую форму и порой возникали трудности. Тем не менее были достигнуты результаты, которые принесли пользу обеим странам. Сегодня мы переживаем более открытые времена и осуществлять обмен информацией и дальнейшую ее обработку во много раз проще посредством высоких технологий.

Так называемые Дорожные карты общих пространств ЕС и России — прежде всего первая и четвертая (экономика и наука и культура) — охватывают сферы сотрудничества, необходимые для достижения и тех целей, о которых говорит президент Путин. Строительство информационного общества и прогрессивных технологий как в Финляндии, так и в России основывается на сотрудничестве с другими странами, требующем открытого международного взаимодействия без предрассудков. Нужно сделать ставку на человеческие ресурсы. Речь идет не только об улучшении образования и исследовательской деятельности в соответствии с экономическими показателями. Важное значение в этом процессе имеют благосостояние и дееспособность общества, так как это является гарантией того, что люди смогут трудиться с полной отдачей. Для этого необходимо открытое и демократическое общество, в котором у граждан есть как ответственность и обязанности, так и права и возможности развивать себя и свою страну.

Мораль в конкурентном бизнесе

Мораль в бизнесе — неблагодарная тема. Особенно в России. Но не будем опускать руки. Я, во всяком случае, использую каждую возможность для понижения уровня цинизма в нашем обществе. Почему? Потому что требования морали — это не какой-то привесок к бизнесу, навязываемый ему некоторыми общественными силами, то есть извне, а внутренняя потребность его успешного развития. И, если хотите, это диктуется даже выгодой. Постараюсь доказать это на жизненных примерах.

Карл Маркс определял капитализм следующим образом: «При 10% прибыли капитал согласен на любое применение, при 20% он оживляется, при 50% явно готов сломать себе шею, при 100% оскверняет все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое не рискнул бы капиталист даже под страхом виселицы».

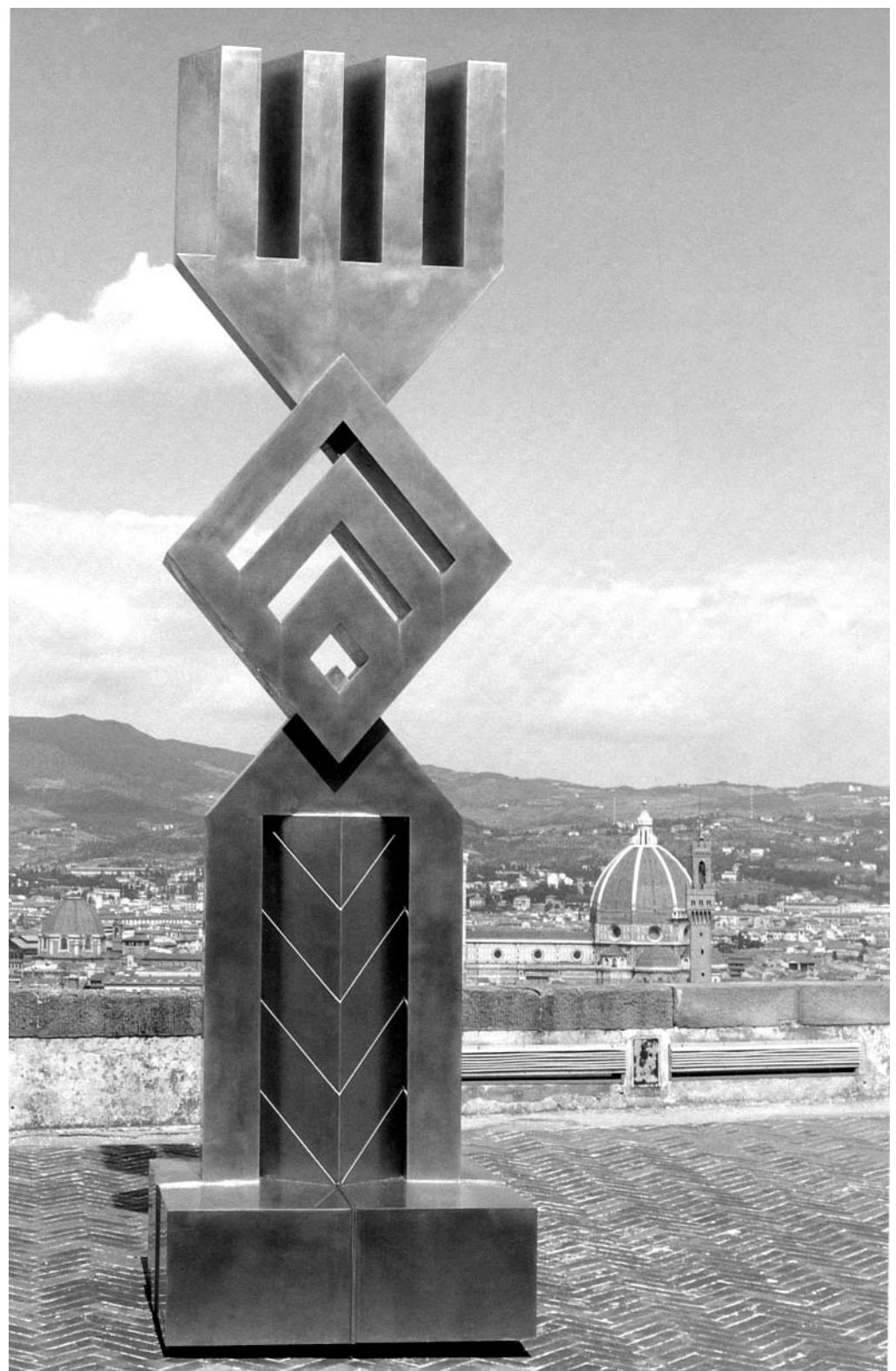
Если ради дела можно кого-то убить, и об этом никто не будет знать, то в бизнесе, во всяком случае в нашем, в 1990-х годах, я думаю, это должно было неизменно случиться и случалось. Но так ли все однозначно сейчас?

Существует правило, которое характеризуется соотношением 80:20. Первые изменения, которые нужно совершить в компании (я говорю об этом на основании в том числе и личного опыта) даются обычно легко: 80% изменений требуют примерно 20% усилий. И когда мы начинали отечественный бизнес, страна находилась, в общем-то, понятно в каком состоянии. А дальше, после этих 80%, пришлось тратить столько усилий на всякого рода технологии, на тысячи конкретных деталей, вроде бы мелочей, что голова пошла кругом — я имею в виду конкурентный бизнес.

Если вы ставите задачу просто заработать в бизнесе денег, вам, собственно, ничего не надо. Вы можете их заработать, но вы никогда не построите компанию. Компанию-мечту, или компанию, по образцу которой строили себя многие иностранные фирмы, пережившие своих основателей.

Сергей Петров,
почетный президент
группы компаний «Рольф»

Отто Херберт Хайек. Знаки города. 1966/68

Сопоставьте два примера для понимания капитализма: наше «марксистское» презрительное отношение к капиталу и его характеристику устами руководителя компании Merk: «Фармакология — для пациентов, а не для получения прибыли. Прибыль последует».

Западные компании после достижения определенного размера, когда приближались к 20% верхнего потолка, выявили интересное для нас явление: некоторые из них разваливаются, а иные успешно развиваются. Pan American, например, развалилась, а Trans World Airlines летают. И мы стали размышлять, почему это происходит. Оказалось, из компаний, выходящих на миллиардные обороты, выживают только те, у которых есть основные ценности, или, иначе говоря, мораль. Когда они приглашают людей, их зовут не просто зарабатывать деньги, а выполнять определенную миссию. Например, Nike приглашает «крутых», кто мечтает победить Adidas и любит конкурентную борьбу. А Hewlett Packard — изобретателей-инженеров. И у нас был директор по персоналу, англичанин, которому мы как-то сказали, поднимая тост за Родину: «Ты, Шон, пока подожди, это не твое дело». А он ответил: «Вы знаете, у нас в Англии давно как-то не очень насчет Родины... ценности компании, в которой мы работаем, для нас важнее».

Удивившись такого рода идейности, россияне стали, однако, это копировать, начали придумывать миссию для своих компаний, изобретать какие-то ценности. Это, конечно, было смешно. Эта наша привычка всегда все сразу «срисовать» и пытаться сделать вид, что все заработает. Зачем еще морочить себя и других какой-то моралью, когда и так все хорошо?

Так почему все же она нам понадобилась, эта мораль?

С какого-то момента мы вдруг увидели, что очень дорогой штукой начинает быть **доверие**. А оно базируется на таких принципах, которые возникают не только между партнерами. Можно доверие понять примитивно: я вам сказал, и мое слово закон, или как говорят в некоторых известных кругах: «за базар ответишь...».

Конечно, доверие — это нечто иное, оно возникает на гораздо более глубокой основе, ином уровне. Часто наших бизнесменов сопровождает охрана, которая стоит обычно с такими сердитыми лицами, что сразу видно: подходить нельзя. В Европе такого не встретишь. Пасется там стадо коров, а рядом и пастуха нет. Значит, деньги на этого пастуха не заложены в цене молока, и можно полагаться на другие меры безопасности. А мы часто вынуждены нанимать охранников, вводить массу каких-то контролеров, когда все друг друга проверяют, но при этом обязательно что-то исчезает, кого-то все равно постоянно надувают. А там все это сплошь и рядом заменяет доверие. Приведу несколько примеров из моей жизни.

Одна из компаний нашей группы «Карнет 2000» была основана в 2000 году и возникла довольно интересно. Это был совместный бизнес

Если вы ставите задачу просто заработать в бизнесе денег, вы никогда не построите компанию

«Рольфа» с «Мицубиси Корпорэйшн» по дистрибуции автомобиля Hyundai. И у меня был партнер, который вдруг надумал разводиться. Ну, бывает... Приходит ко мне и говорит: «Слушай, убери мою фамилию из числа акционеров. Поставь там какую-нибудь офшорку, а то жена половину акций получит». Я говорю: «Послушай, у тебя двое детей остаются с бывшей женой. Я не могу». Он возражает: «Так что же я теперь должен отдать ей половину акций?» Отвечаю: «Если в суде скажут, что положено, то придется».

Жена его жила в Америке, и поскольку она не доверяла ему, обратилась ко мне: «Что делать с этими акциями?» Предлагаю: продай кому-нибудь, может быть, «Мицубиси Корпорэйшн» захочет купить. И началась эта эпопея, которая длилась месяцев шесть. «Мицубиси» не купила тогда эти акции по техническим причинам. Прошло 2 года. Женщина получила значительную сумму денег, и мои партнеры, естественно, заявили: «Ну зачем столько какой-то девчонке? Дал бы немножко денег, и все». Но что, интересно, происходит дальше.

Приходят ко мне менеджеры «Мицубиси Корпорэйшн» и говорят: «Мы хотим с вами вести совместный бизнес». Отвечаю: «Занят своим, не до нового». «Нет, нет, вам не надо ничего делать, не надо вносить даже денег. Все финансирование мы возьмем на себя. И уставной капитал внесем за вас, а потом с прибыли вы вернете. И ваши будут 60%. Ваш только супервайзинг».

Кто отказался бы от такого предложения? Я подписал контракт и примерно через год этот бизнес принес очень большие деньги. Как-то спрашиваю одного из руководителей «Мицубиси Корпорэйшн»: «Почему вы делаете такие предложения?» Он ответил: «А помните, как вы поступили с вашим миноритарным акционером? Вы не выбросили ее и не забрали все деньги, поэтому именно с вами мы хотим иметь дело». Второй пример — компания «Ауди». Приехали два дилера, объясняют, что в нашу страну принято завозить машины по заниженной стоимости, поскольку за полную стоимость надо платить таможенную пошлину, НДС, и в результате машина становится очень дорогой. И заинтересованные лица стали оказывать на нас сильное давление: «Вы что, не хотите заработать?» То есть фактически вынуждать платить «серые» зарплаты, оформлять ввоз товара по каким-то полузаконным схемам и т.д.

Когда я обсуждал с «Мицубиси Корпорэйшн» ситуацию на рынке и что некоторые компании занижают счета, господин Харунари, вице-президент компании, сказал: «Господин Петров, вы гражданин своей страны и должны платить все налоги. Мы не будем в этом участвовать». Меня, честно говоря, тогда это поразило, так как в стране даже известные иностранные формы позволяли своим дилерам организовывать «серые» каналы оплаты, но в результате я узнал, что существуют компании, которые изначально ставят вопрос жестко: надо работать честно, и влияют на это.

Такие компании сегодня трудно создать, скажем, в Китае. Они возникают лишь там, где уже существует определенный моральный климат, и есть люди, которые относятся к бизнесу как к высоко этическому занятию, требующему почти религиозного почитания. И если мы становимся европейскими партнерами и, более того, внутри своей страны тоже

стремимся к социальному партнерству, то просто обязаны доказать, что умеем организовать и вести свое дело честно и нам можно доверять. Еще пример из большого бизнеса. Всем памятна история «Арселора» и «Северстали». Я беседовал с менеджерами той и другой компаний. Довольно интересное явление. Наша версия звучит так: одни из самых порядочных наших олигархов, никого не убили, такие более-менее честные, пришли на завод. Товарищ такой-то, работая на заводе, при приватизации получил контроль над заводом и стал его владельцем. При попытке владельцев «Северстали» объединиться с «Арселором» возникли большие трудности.

Нас не принимают! Начинаем думать, почему. Естественное у всех ощущение, что на Россию давят, потому что она возрождается, усиливается и многим на Западе это не нравится. Весьма популярное мнение. Должен разочаровать: ничего подобного там нет, хотя, конечно, есть ощущение, что пришли к ним несколько диковатые ребята. Потому что гипотеза другой стороны выглядит так: «Северсталь», два руководителя предприятия при приватизации решили обокрасть своих рабочих, за их деньги скупили предприятие. Потом один «кинул» второго. Теперь он пришел и хочет получить место в совете директоров, где нам необходимо иметь для здоровой конкуренции очень порядочного независимого члена совета.

Поясню, что такое в бизнесе совет директоров: это орган, который «отжимает» акционеров от менеджеров. К сожалению, нужно их развести, у них разные функции. Допустим, у вас есть деньги и вы решили заработать, внесли их в мою компанию, а я знаю, как их использовать и приносить вам на каждый ваш доллар такой-то доход. Но между нами встает орган, который не дает вам непрерывно меня дергать. Это профессионалы, не зависимые ни от меня, ни от вас. Эти люди своим именем на рынке, своей репутацией обеспечивают устойчивость компании.

Мы же гордимся, когда у нас в Роснефти или в Газпроме голосуют по указке правительства. Хотя чтобы так голосовать, не нужно высокой квалификации, можно послать секретаршу за инструкциями. Для дела нужно быть профессионалом и очень независимым начальником, а таких людей пока мало, в том числе и среди бизнесменов, достаточно свободных от подобного рода пут. Поэтому, конечно, западный бизнес воспринимает нас с трудом. Мы там выглядим как инородное тело, но пытаемся объяснить их сопротивление примитивной мотивацией: мол, нас там не любят.

Надо понять, что всегда лучше, просто полезнее, брать на себя ответственность за любую неудачу, а не повторять по любому поводу, что «они виноваты». Ведь это так удобно и привычно. Ничего не надо делать, сиди в углу, злись, точи ножи, строй вокруг себя барьеры. Но это ведет только к разъединению. А нам необходимо создавать такую моральную атмосферу, такие этические нормы, чтобы бизнес мог чувст-

Прибыль, естественно, нужна, но она не является целью конкурентного и морального бизнеса

вовать себя уверенно в будущем. Все это нужно в первую очередь нам! Повторю еще раз, у западных компаний высокого уровня есть своя миссия и свои ценности, и они от них не откажутся. Они скорее уйдут из страны или с рынка, но никогда не поменяют свои основные ценности. Они могут уйти с нашего рынка, если их заставят здесь давать взятки. ИКЕА, например, до сих пор в России пытается противостоять всей нашей среде и не давать местным царькам никаких взяток. Это компания, которая нигде в мире не дает взяток. А наши так называемые патриоты продолжают проклинать якобы растленный Запад. Приведу еще один пример: 50-е годы, конкурентная драка между «Дженерал Моторс» и «Фордом». Менеджеры «Дженерал Моторс» собрались на совещание у президента Альфреда Слоуна. «Ну что, как там «Форд» поживает?» — спрашивает он. «Все, мы их сделали, шеф. Они уже почти того...». Он говорит: «Теперь вы — ты, Билл, и ты, Сэм, самые лучшие, — собираетесь и уходите работать в «Форд». — «Да ты что?! Мы дрались тут с ними несколько лет. Мы их сделали. А теперь мы должны там разгребать это все?!» — «Да, самое важное, что нам нужно, — это конкуренция», — сказал Альфред Слоун. И таки послал своих лучших менеджеров спасать «Форд».

Когда вы беседуете с нашим бизнесменом, первое, что он говорит: «Вот этого нельзя сюда пускать. Иностранные банки не пускайте, этих не пускайте». В принципе понятная позиция, но она настолько деликатная, что надо ясно видеть и понимать, каковы будут последствия.

Напомню в этой связи о ценах на бензин в Соединенных Штатах, где для его производства почти не используют свою нефть, а цена либо такая же, как у нас, либо меньше и колеблется только из-за того, что существует конкуренция. И везде сидят такие ребята, как Альфред Слоун, которые говорят: «Конкуренция — это нам нужно. Завтра придут японцы, придет еще какой-нибудь мировой автопром, скажем, китайский, пусть пока со своей дырявой резиной, но придет. И нам нужно быть конкурентными. Именно это нам нужно в первую очередь. Так мы себя дисциплинируем».

Сказанное не совсем относится к морали, но за этим стоят определенные ценности. И провозгласив их, что мы делаем дальше (я имею в виду нашу компанию)? Мы подбираем людей, скажем, берем пять человек и за полгода видим, что двое оказались не наши. Не один пример могу привести, когда происходят такие объяснения: «Парень, ты ничего не понял. Ты клялся, что будешь следовать нашим ценностям, но ты их не придерживаясь, и теперь придется проверять всю твою команду». То есть обязательно происходит процесс их мягкого выдавливания. И это очень важная часть работы.

Если вы работаете в маленьком кафе и постоянно видите всех своих сотрудников, то можете обойтись и без такой жесткой селекции, но как только вошли в большой бизнес, без этого невозможно. Вы можете при этом лишь сказать своим менеджерам по персоналу: вот наши люди, таких и подбирайте мне. А тем, кто оформляет зарплату: не платите механику по счету за ремонт авто, тогда он будет стремиться обобрать клиента, или заменит дорогую деталь там, где можно обойтись несложным ремонтом, потому что ему так выгодно. Создайте систему,

когда оплата будет зависеть от удовлетворенности клиента, она сложнейшая, но она базируется на ценностях.

Прибыль, естественно, нужна, но как я сказал уже, она не является целью конкурентного и морального бизнеса. Она нужна для функционирования бизнеса, так же как кровь и кислород для организма. Ибо только он в перспективе может быть глобальным, только он может быть сильным и создать такой эффект, когда все знают, чья это машина и где ее производят.

Глобализация, конечно, скоро изменит эти вещи. И где-то будут производить фару, здесь — двигатель, там еще что-то. Лет через 10–15 мы потеряем наш автопром и, видимо, получим некий глобализированный, но очень эффективный продукт. Он будет дешевый, но высокого качества. И, естественно, говорить о том, чей он на самом деле, станет довольно сложно. Так что оставим это патриотам... Сейчас мы работаем с китайцами. Мораль у них примерно на том же уровне, что и наша. Они украли все, что можно и где можно, ничего не покупая и не оформляя никаких юридических документов. И когда к ним как-то приехали менеджеры-европейцы, состоялся такой разговор: «С чего начнем? С соглашения о неразглашении конфиденциальной информации?» — спрашивают китайцы. Европейцы удивленно: «А зачем вам закон о сохранении тайны?» — «Затем, что все хотят украдь наши секреты», — отвечают китайцы. — «Это какие секреты? Которые вы украдли у нас 20 лет назад?»

Бизнес, повторюсь, высокоэтичное занятие, и если мы хотим быть участниками глобализации, должны учиться быть честными. Мы должны хотя бы начать это понимать, хотя бы снизить чуть-чуть уровень цинизма.

Моральные принципы едины для всех, поэтому не будем изобретать свои. Суверенные или еще какие-нибудь. Мы должны просто уважать их, закрепляя на уровне инстинкта, превращая в активы самого бизнеса, и встраиваться в мировую экономику, чтобы соответствовать нашим потенциальным партнерам.

Отто Херберт Хайек. Артикуляция пространства. 1966

Сергей Бурков,
директор департамента
по внутреннему аудиту
компании TNK-BP

Государственные корпорации: экономическая и geopolитическая эффективность

Говоря о российской экономике, можно отметить, что одна из ее существенных тенденций состоит в том, что идет процесс централизации, концентрации государственного капитала, а также государственного участия в экономике не через регулятивные рыночные механизмы, а через институционально-собственнические процедуры. То есть российские государственные корпорации расширяются путем поглощения частных компаний или же увеличения доли государства в этих компаниях (что характерно не только для сырьевых отраслей). С одной стороны, это происходит в силу глобализации экономики, с другой стороны, на рынке выигрывает тот, кто получает определенные конкурентные преимущества, которые в свою очередь зависят от масштабов компании.

Государство, пытаясь играть все более и более активную роль на глобальном рынке, стремится сосредоточить в своих руках не только сильные экономические инструменты, но прежде всего энергетические ресурсы. Происходит и будет, скорее всего, происходить экспансия российского крупного капитала на внешних рынках, там, где есть еще возможность получить некий ресурс, обеспечить свое присутствие на экономической карте мира. Так действуют все транснациональные корпорации, и это тоже элемент геополитического воздействия, элемент достижения определенных экономических интересов. Глобализация экономики, выражаясь в концентрации и централизации национального и присоединенного капитала, генерирует рост спроса внутри страны — на новые технологии, более квалифицированную рабочую силу, что увеличивает добавленную стоимость продукта.

Итак, сегодня государство получило большой кусок собственности. При этом экономическая конъюнктура, особенно высокие цены на энергоносители, позволяют чувствовать себя достаточно свободно и не быть связанными какими-то существенными ограничениями в расходовании бюджета. Но что будет

завтра, если изменится конъюнктура, экономические условия, то есть перестанет работать ресурсная составляющая экономического роста? Готовы ли крупные государственные корпорации к тому, чтобы ответить на этот вызов, адекватно отреагировать на этот, по сути, geopolитический риск?

Конкурентоспособность любого государства, любой государственной компании определяется не только объемом существующих ресурсов, но прежде всего способностью эффективно ими управлять. Одним из существенных элементов эффективного управления является надлежащий, то есть достаточный и эффективный внутренний контроль, выстраиваемый менеджментом всех уровней, в том числе в целях предоставления гарантий собственникам, акционерам.

Прежде всего давайте ответим на вопрос, который звучал в России еще в середине 90-х. Тогда он выглядел достаточно просто и, возможно, утрированно: может ли быть государственная собственность эффективной? Сегодня его можно поставить по-другому: достаточно ли адекватно ведет себя государство как акционер, получая в свое пользование и распоряжение ключевые объекты в ведущих отраслях экономики?

Хотел бы обратить в этой связи внимание на один ключевой момент. В 1932 году А.А. Берль и Г.М. Минз выпустили важную книгу под названием «Современная корпорация и частная собственность», в которой, с одной стороны, они анализировали сам процесс возникновения корпораций, а с другой стороны, естественное и понятное разделение на тех, кто владеет ими, и тех, кто управляет.

По сути, корпорация в то время была революционным шагом в институцио-

нальной экономике, потому что инвесторы, во-первых, получили возможность вкладывать финансовые ресурсы в разные хозяйствующие субъекты, а во-вторых, не тратить время на теку-

Что будет завтра, если перестанет работать ресурсная составляющая экономического роста?

щее управление бизнесом. В то же время инвесторы должны быть уверены, что их финансовые ресурсы будут использованы максимально эффективно с целью извлечения доходов и роста капитализации. Разделение на собственников и управляемых явилось, таким образом, стержневым принципом корпоративного управления.

Многие слышали в последние годы о громких международных скандалах, потрясших и в ряде случаев разрушивших крупнейшие корпорации, такие как американские Enron, WorldCom, в Европе это была итальянская компания Parmalat. Казалось бы, почему проблема одной компании, пусть даже и крупной, имела такой сильный резонанс во всем бизнес-сообществе? Что, у нас не банкротятся крупные компании? Дело, однако, в том, что эти скандалы, связанные с манипулированием финансовой отчетностью, подрывали устои корпоративного управления, того, на чем держится корпоративный мир, являющийся, по сути, бриллиантом в короне международной экономики. Бизнес-сообщество встревожилось не на шутку. Последовали несколько законодательных актов, которые явились реакцией на потрясение устоев корпоративной культуры и этики. Самый известный из них — американский закон Сарбейнса-Оксли (SOX), который ввел очень серьезные нормы в сфере финансовой отчетности, новые для западных экономик. Прежде всего

Луиза Буржуа. Страх. 1992

законодательно была усиlena ответственность исполнительных руководителей компаний, то есть не собственников, не владельцев, а генеральных и финансовых директоров компаний, за отчетность, за то, как они доносят до акционеров результаты своей хозяйственной деятельности. Была введена не только существенная материальная, но и серьезная уголовная ответственность. Судебные решения, которые были приняты в отношении руководителей Enron, подтверждают, что это уже не просто намерения, но реальная практика. Этот законодательный акт усилил механизмы, создающие гарантии того, что инвесторы могут иметь достаточное понимание того, каким образом менеджмент обеспечивает эффективное функционирование корпораций. Эти механизмы не допускают в принципе ситуации, когда менеджмент начинает ставить свои интересы выше интересов собственника. Вот почему в законодательстве Сарбейнса-Оксли есть целый ряд норм, которые выражены в требованиях как к внешним аудиторам, так и к менеджменту в части построения систем управления рисками и внутреннего контроля компаний.

Прежде всего, была установлена сертификация генеральным и финансовым директорами компаний квартальных и годовых отчетов для американской Федеральной комиссии по рынкам ценных бумаг (SEC). Далее, заявлено о представлении ежегодной оценки эффективности системы внутреннего контроля за подготовкой финансовой отчетности: предусматриваются независимый ежегодный аудит такой системы и соответствующие процедуры, проводимые менеджментом для ее поддержания. То есть директора должны проверять эффективность внутреннего контроля и отчитываться перед акционерами.

Российские регулирующие органы также ввели с 2006 года требования о том, что совет директоров эмитента должен

утвердить документ, определяющий процедуры внутреннего контроля за его финансово-хозяйственной деятельностью. При этом контроль за соблюдением процедуры осуществляется отдельное структурное подразделение эмитента, сообщающее о выявленных нарушениях комитету по аудиту.

Здесь я хотел бы сделать еще одну, может быть, теоретическую remarque. С одной стороны, корпорации являются очень серьезным инструментом привлечения капиталов инвесторов и развития экономики, но, с другой стороны, во взаимоотношениях между владельцами компаний и менеджментом есть целый ряд системных противоречий, без разрешения которых корпорация не сможет эффективно работать. Назову некоторые такие противоречия.

Любой менеджер, и мы хорошо видим это по государственным корпорациям, заинтересован в том, чтобы усилить свое влияние в компании, то есть обладать большим ресурсом и большей степенью свободы в принятии решений по использованию ресурсов. Но хорошо ли это с точки зрения собственника, заинтересованного в росте стоимости активов, в повышении капитализации компании, в росте присваиваемых им доходов? Допустим, менеджер задумал построить супервысотное здание в историческом центре какого-нибудь города. Разумеется, собственнику компании важно знать, не отвлекаются ли чрезмерные ресурсы на проект с низкой инвестиционной отдачей или не несет ли проект репутационные риски, которые в принципе являются составной частью рисков любой компании. В то же время менеджмент в определенном смысле является более консервативным, так как прекрасно понимает, что компания может разориться хотя бы из-за перебора кредитов на рынке и неправильно просчитанных механизмов их возврата. В частности, и поэтому ме-

неджмент заинтересован в том, чтобы инвестировать в производство, в развитие за счет внутренних источников корпорации, а не за счет кредитных ресурсов. Собственник же заинтересован в увеличении части дохода, присваиваемой им в виде, скажем, дивидендов.

Ежегодно на разных уровнях обсуждается проблема начисления дивидендов государственными корпорациями на государственный пакет акций. Я не являюсь сторонником того, что государство как собственник должно максимизировать дивиденды на свой капитал. Увеличение доли прибыли государственных корпораций, направляемой на выплату дивидендов, отнюдь не является признаком их эффективности и тем более надлежащего корпоративного управления.

Конечно, государство как собственник какой-либо корпорации может через дивиденды изымать часть прибыли и перераспределять ее в другие отрасли через бюджетные целевые программы: в инфраструктурные, социальные проекты. Однако есть ли экономический смысл, тем более в условиях профицитного бюджета, сокращать внутренние источники инвестирования государственных корпораций, притом что «дивидендная» часть доходов бюджета составляет незначительную долю.

Для миноритарного акционера дивиденды, конечно, важны, но не менее важен рост капитализации компании, что для него означает рост стоимости его доли (пакета акций).

Итак, если корпорация на 100 процентов принадлежит государству, то, может быть, гораздо эффективнее не направлять дивиденды в госбюджет, а оставить их на развитие корпорации? Но тогда следует задаться вопросом: достаточно ли у государства ресурсов (как собственника или мажоритарного акционера), чтобы принятые инвестиционные программы: а) были обоснованы и б) обеспечивали отдачу в установленные сро-

ки? Иными словами, существуют ли у государства механизмы управления крупными проектами и эффективного внутреннего контроля и надлежащего управления рисками инвестирования? Вернемся к противоречиям между собственником и менеджментом. Как могут разрешаться эти противоречия?

Акционеры должны четко обозначить, какие полномочия они делегируют менеджменту, а какие нет. Независимо от того, какая это корпорация, государственная или частная, есть несколько ключевых элементов целостной системы управления, которая должна обеспечить собственнику или акционеру понимание того, что происходит в компании, потому что от этого зависит судьба их инвестированных средств. Через какие инструменты это осуществляется? Сейчас идет большая дискуссия о роли совета директоров корпорации, о его ответственности перед инвесторами, и, как я упомянул выше, закон Сарбейнс-Оксли усиливает эту ответственность. У совета директоров есть целый ряд инструментов. Организационно это так называемый комитет по аудиту, состоящий из членов совета директоров. Он является такой «сладко-горькой» парочкой с комитетом по компенсациям и мотивациям. Принцип работы совета директоров можно назвать политикой кнута и пряника. С одной стороны, акционеры должны ясно обозначить систему мотиваций (поощрения) менеджмента при достижении им операционных и финансовых показателей, которые устраивают акционеров. С другой стороны, акционеры должны, в том числе через мотивацию, принудить менеджеров гарантировать надлежащее корпоративное управление.

Каковы функции комитета по аудиту? Прежде всего его интересует, насколько внутренняя организация компании обеспечивает достижение целей, которые поставлены акционерами. Обра-

тимся к госкорпорациям. В бюрократическом государстве создается иллюзия, что чем глубже и шире оно контролирует сферы хозяйственной, социальной активности государственного бизнеса, тем больше гарантий, что ничего плохого с его активами не произойдет. У нас есть и Счетная палата России, и контрольные органы в исполнительных структурах власти. Но это так называемая концепция внешнего контроля. Весьма слабая эффективность такого контроля является одной из причин того, что государственные корпорации не становятся сегодня достаточно эффективными с точки зрения бизнес-критериев. Почему? Да потому что в отличие от частных, госкорпорации ориентированы именно на внешний, а не на внутренний контроль. В частной корпорации собственник рискует своими средствами и поэтому выстраивает такую систему внутреннего контроля, которая позволяет ему понимать, чем он рискует и как нанятый им менеджмент реагирует на риски. Собственник может соглашаться или не соглашаться с менеджментом в части отдельных так называемых риск-аппетитов, то есть в том, какие риски менеджмент берет на себя, какие минимизирует. Но общий порядок принятия решений акционером о реагировании на риски, идентифицированные менеджментом, должен быть четким и ясным как для самого собственника, так и для менеджеров компаний. Поэтому «хорошая» корпорация строится на ясном представлении о бизнес-процессах. Зачем это нужно? С одной стороны, для того чтобы была уверенность, что эти процессы понятны всем вовлеченым в корпорацию субъектам, с другой стороны — чтобы бизнес-процессы осуществлялись в соответствии со стратегическим трендом (если не брать во внимание оперативное реаги-

рование на риски). Далее, в бизнес-процессах должны быть определены ясные координаты внутреннего контроля, ориентир на которые является функцией менеджмента. То есть не ак-

Государственные корпорации не становятся достаточно эффективными с точки зрения бизнес-критериев

ционеры контролируют ежечасно, ежеминутно каждый шаг менеджмента, тем самым сдерживая его инициативу, а сам он, понимая проблемы, риски и последствия неадекватного управления, должен выстроить систему внутреннего контроля. При этом менеджмент должен убедить акционера, что понимает процессы, в которых он выстроил эту систему и предоставить гарантии как минимум сохранения капитала.

Вся система внутреннего операционного и финансового контроля нацеливается, таким образом, на профилактику финансовых преступлений, на предотвращение действий сотрудников компаний (как с умыслом, так и без оного), направленных на извлечение необоснованной выгоды или преимуществ для себя, либо других лиц, повлекших причинение ущерба компании.

То есть менеджмент отвечает за создание и тестирование надежности системы внутреннего операционного и финансового контроля, за укрепление внутренней «безопасности» корпорации.

Акционеры всегда стоят перед выбором — «голосовать» или «уйти». В контексте проблематики контроля за деятельность корпорации это означает, что инвесторы, не удовлетворенные ее деятельностью, всегда имеют возможность либо усилить свое участие во внутреннем контроле («голосовать»), либо продать свои акции («уйти»). Оба варианта дают акционерам некоторую

Джозеф Кошут. Субъективный. 1965

возможность контролировать действия менеджмента компании: в первом случае прямо, во втором — косвенно, через угрозу массового «исхода» тех, кто предоставляет капитал, необходимый для деятельности компании.

Теперь что касается создания проблемы управления рисками компании. Задача менеджментанятно объяснить акционерам: при тех целях, которые ставятся, возникают такие-то риски — операционные, финансовые, репутационные и др. Соответственно, менеджмент совместно с акционерами должен определить порог рисков: на что корпорация готова идти и дальше чего она не пойдет. Хорошо, говорит акционер, я принимаю эти риски и доверяю вам свои активы, но извольте обозначить свои действия по минимизации этих рисков. Таким образом, от рисков, присущих в принципе бизнес-процессу, переходим к рискам, которые могут быть минимизированы действиями менеджмента, в том числе по-

средством внутреннего контроля. Акционер через тот же комитет по аудиту регулярно получает информацию о том, насколько менеджмент справляется с минимизацией рисков и может пересматривать их уровень.

Итак, увеличение эффективности внутреннего контроля и управления рисками обеспечивает повышение уровня корпоративного управления. Последнее, в свою очередь, создает основу для роста капитализации и инвестиционной привлекательности корпорации. Во многих компаниях бонусная система (мотивация менеджмента) как раз «заявзана» на показателях капитализации.

По сути дела, изложенное выше и есть механизм разрешения противоречий между собственником и менеджментом. Если этот механизм не станет функционировать в полную силу, инвесторы не будут вкладывать свои средства, потому что им нужны гарантии сохранения и эффективной работы вложенных в дело денег.

Возможности гражданского общества в контексте административной реформы

Пеформирование всей системы государственной власти и местного самоуправления в России стало объективной необходимостью и продиктовано очевидным несоответствием их эффективности задачам модернизации страны.

По эффективности государственного управления и качеству публичных услуг Российская Федерация находится на одном уровне со странами, намного уступающими ей в экономическом развитии. А по ряду интегральных показателей, используемых в международной практике, значительно уступает не только развитым странам, но и большинству стран Восточной Европы. В частности, в рейтинге международной конкурентоспособности Всемирного экономического форума за последний год по показателю «качество государственных институтов» Россия опустилась с 81-го на 89-е место. Согласно индексу GRICS (Governance Research Indicator Country Snapshot), который определяется раз в 2 года Всемирным банком и оценивает эффективность государственного управления в 209 странах, РФ по таким показателям, как эффективность работы правительства, качество законодательства, верховенство права и контроль за коррупцией, находится в нижней части рейтинга*.

Административная реформа в России началась в 2000 году с общефедерального уровня власти. Тогда были ликвидированы некоторые министерства, созданы федеральные службы и агентства, сокращено количество властных полномочий федерального уровня государственной власти. Взамен старого принципа разделения федеральных органов исполнительной власти на большие министерства и относительно меньшие комитеты была создана новая система, в которой

Михаил Саев,
доктор политических наук,
профессор
Кубанского государственного
университета, член комиссии
по административной
реформе
в Краснодарском крае

* См.: Концепция административной реформы в Российской Федерации на 2006–2008 гг.

министерства определяют политику развития отрасли и отвечают за формирование нормативной базы, службы осуществляют контрольные функции, а агентства оказывают услуги. Кроме этого, органы федеральной власти за эти годы пытались перейти на новый принцип управления — управление по результатам. Новая структура власти была рассчитана на то, чтобы перейти от управления посредством механизма затрат к управлению на основе результатов. В этом суть реформы, которая позволяет называть ее революцией в бюрократии. Точнее, декларацией революции. Но даже такого в нашей стране еще не было. Первый этап административной реформы не затрагивал напрямую население страны и даже звенья государственной власти на уровне краев, областей, республик. Пока выполнено, по заявлению разработчиков административной реформы (сотрудников Центра стратегических разработок, председателем попечительского совета которого является нынешний полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе Д. Козак, а также Министерства экономического развития и торговли), не более 10 процентов от ее плана.

С 2005 г. начался второй этап административной реформы, в ходе которого она начала реализовываться на региональном уровне. В огромной России, которая является федерацией, то есть союзом равноправных субъектов с собственными полномочиями, этот этап объективно будет значительно более сложным, чем реформа общегосударственной власти, учитывая, что в большинстве субъектов РФ власти оказались не готовы или не захотели проводить административную реформу в инициативном порядке.

В одобренной Правительством РФ 25 октября 2005 г. Концепции административной реформы на 2006–2008 гг. сформулированы следующие цели:

- повышение качества и доступности государственных услуг;
- ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования;
- повышение эффективности органов исполнительной власти.

Государство, начав административную реформу, признало свою неэффективность. На всех уровнях оно должно перейти от патерналистской модели, когда бралось за все и, соответственно, за все отвечало, к субсидиарной. Такое государство не должно заниматься тем, что люди могут сделать самостоятельно. Власть выполняет только те функции, которые кроме нее никто не должен выполнять (оборона и т.д.), либо те, которые никто не берется выполнять, а потребность в этом есть. Естественно, что отказаться от старой, укоренившейся в сознании чиновников модели нелегко.

Что уже сделано и будет делаться для реформирования власти? Федеральной исполнительной властью названы шесть конкретных направлений деятельности.

Первое направление — управление по результатам, когда качество работы органа власти и чиновника оценивается не по интенсивности

процесса (например, сколько проведено совещаний), а по эффективности воздействия на общество. Другими словами, в своей деятельности вся вертикаль российской власти должна перейти на принципы программно-целевого планирования. Средства из бюджета также должны выделяться не как в настоящее время — на обслуживание процесса, а на достижение социально значимого результата. (В концепции реформирования бюджетного процесса на 2004–2006 гг., утвержденной правительством

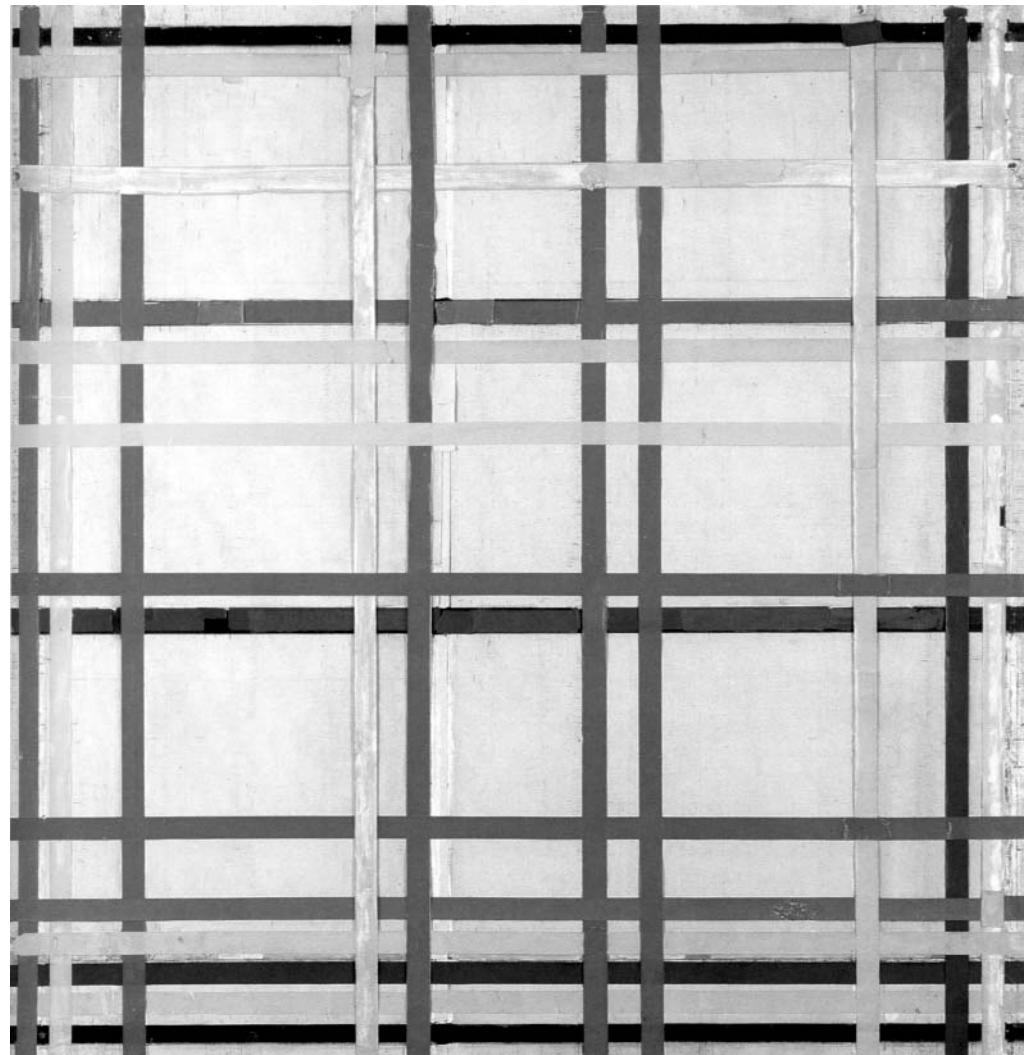
22 мая 2004 г., было сказано: все уровни бюджетов должны отказаться от сметного планирования, когда за основу бюджета бралась цифра прошлого года. Более того, часть бюджета должна распределяться на конкурсной основе.)

Второе направление: стандартизация и регламентация деятельности государственных структур. В его рамках должны быть разработаны и внедрены стандарты государственных услуг, административных регламентов, а также усовершенствованы имеющиеся и созданы новые эффективные механизмы досудебного обжалования действий и решений органов исполнительной власти и их должностных лиц. Стандарты оказания услуг определят обязательства и ответственность чиновника за качество своей работы. Например, должно быть определено предельное время ожидания оказания услуги, тогда как сегодня оно всецело определяется самим чиновником. Административный регламент предполагает конкретное описание обязательных действий чиновника или органа власти, например, в случае обращения к ним. На федеральном уровне Постановлениями Правительства РФ от 19 января 2005 г. № 30 «О типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти» и от 28 июля 2005 г. № 452 «О типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» закреплены принципы административной реформы, применяемые для взаимодействия и организации деятельности федеральных органов исполнительной власти. Между тем во многих субъектах РФ такая работа еще не начата.

Третье направление: оптимизация функций органов исполнительной власти и борьба с коррупцией. В проекты решений и в уже действующие документы заложена идея сокращения вмешательства власти в экономику и общественные процессы. Государство и местное самоуправление не должно контролировать и командовать в нынешних масштабах. Поскольку очевидно, что сама власть никогда не сможет без внешнего заинтересованного участника в лице гражданского общества решить проблему коррупции.

Четвертое направление: повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и общества. В рамках этого направления должны быть разработаны и внедрены механизмы:

Государство не должно заниматься тем, что люди могут сделать самостоятельно

Пит Мондриан. *Нью-Йорк Сити II*. 1942

- раскрытия информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- проведения публичных обсуждений подготавливаемых решений;
- проведения общественной экспертизы социально значимых решений органов исполнительной власти;
- включения представителей гражданского общества в коллегии надзорных органов, рабочие группы, другие структуры по подготовке нормативных правовых актов и иных затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций решений органов исполнительной власти;
- создания при органах исполнительной власти общественных советов с участием представителей гражданского общества;
- определения рейтингов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по критерию открытости.

Установка на партнерство со структурами гражданского общества является новой для сотрудников органов власти всех уровней. Реализация этого направления административной реформы может быть осуществлена только при условии активного участия гражданских структур.

Сама по себе административная реформа не направлена на развитие демократичности или, наоборот, авторитарности власти в России. Реформа призвана сделать власть эффективной. А общественные организации имеют возможность высказывать свои предложения по улучшению положения тех групп, интересы которых они отстаивают. С учетом опыта многих общественных организаций в проектной деятельности власти будет трудно отказаться от такой помощи.

Пятое направление: модернизация системы информационного обеспечения органов исполнительной власти. Оно предполагает, в частности, создание условий для обеспечения открытости власти. Проект федерального закона «Об обеспечении доступа к информации...» предусматривает 37 видов информации, обязательной для размещения в информационных системах общего пользования, начиная от принятых нормативных актов и заканчивая регистрами входящих и исходящих документов органа власти.

Шестое направление: обеспечение реформы. Важнейший компонент этого блока — обучение. Власти нужны менеджеры, имеющие опыт проектной деятельности. Во власти таких специалистов очень мало. Они есть в бизнесе из числа специалистов, обучавшихся за рубежом. Но в основном этот потенциал сосредоточен в общественных организациях, которых западные фонды уже полтора десятка лет обучают работать именно на основе принципов проектной деятельности. Государственные и местные целевые программы, к сожалению, не стали для наших чиновников школой управления по результатам. Постановление Правительства России от 22 мая 2004 г. № 249 указывает: «низкая результивность бюджетных расходов определена в том числе формальным характером применяемых методов программно-целевого планирования». Кроме того, будет выявляться и поощряться лучшая практика реформы власти.

По результатам первых лет реформы можно уверенно сказать, чего не хватает для ее эффективного выполнения: времени, знаний и специалистов. Так, с недавнего времени в Бюджетном кодексе России существует понятие реестра расходных обязательств по вопросам местного значения, то есть совокупности нормативных правовых актов по всем вопросам местного значения, предлагающим расходование бюджетных средств. В случае отсутствия соответствующего нормативного правового акта, необходимого для обоснования какой-либо расходной статьи бюджета, такие расходы невозможно будет запланировать в бюджете. Другими словами, если нет специального документа, например принятого местными депутатами положения об организации снабжения электричеством, средства бю-

джета на электроснабжение тратить нельзя. Этих документов в настоящее время, как правило, нет даже в больших городах. В Хабаровске из 52 городских полномочий еще недавно были обеспечены нормативными актами только 2. Одна из проблем разработки положений о расходных обязательствах состоит в том, что их реестр типовым сделать нельзя: слишком существенно различаются возможности разных муниципалитетов. Как показывает практика городов, где уже занялись внедрением

Речь идет о новой философии управления с ориентацией на социальный результат

новшеств администривной реформы, на качественную подготовку нужно примерно полтора года. Известно, что существуют три основные стратегии отношения к новшеству: игнорирование, внедрение, имитация деятельности. Игнорирования не допустит федеральный центр, на внедрение не хватит времени. Таким образом, возникает угроза имитации реформы. Знаний не хватает потому, что ничего похожего в нашей истории не было. Это нужно было учитывать авторам и исполнителям реформы из президентской команды. Информационная кампания на тему административной реформы явно слаба. Если иногда высокопоставленные чиновники администраций субъектов Федерации не знают, что их ждет в ходе реформы, то что говорить об еще не избранных главах и депутатах сельского звена. Но это — полбеды. Вторая ее половина в том, что речь идет не просто о новых знаниях. Речь идет о новой философии управления с ориентацией на социальный результат управления, о необходимости изменений в сознании большой группы государственных и муниципальных менеджеров.

Специалистов в области управления по результатам остро не хватает. При советской власти мы жили пятилетними планами с абстрактными целями. Потом несколько лет явной цели, кроме выживания, вообще не было. Российский бизнес в своей подавляющей массе учился только на практике, что имеет явные отрицательные стороны. В результате мало кто умеет сегодня четко сформулировать социальную цель деятельности, отличить ее от задач проекта, разработать количественные ожидаемые результаты и соответствующие им критерии оценки. Чрезвычайно мало профессиональных оценщиков таких проектов. Учтем, что понадобятся специалисты как для реализации положений реформы, так и для обучения тех, кто будет вовлечен в процесс. Нужно начинать искать этих людей среди тех, кто имеет опыт управления по результатам, и создавать структуры для переподготовки чиновников. Общественные организации, имеющие в своем составе подготовленных специалистов в области социального проектирования, должны заявить о своем потенциале, предложить свои услуги властям разного уровня. Пока же ситуация напоминает сказку Гайдара-старшего: «И снаряды есть, да бойцы побиты...».

слишком существенно различаются возможности разных муниципалитетов. Как показывает практика городов, где уже занялись внедрением

Только с 2005 г. административная реформа стала заметна на уровне субъектов РФ. В 2006 г. по заказу Министерства экономического развития и торговли Высшая школа экономики провела исследование качества государственного управления в субъектах Российской Федерации. Результаты исследования очень показательны. Только две территории в России вытянули на пять баллов по школьной системе оценок — Республика Чувашия и Ростовская область. Подавляющее большинство регионов страны получили два балла, то есть характеристику «низкое качество государственного управления». Результаты исследования доступны на портале, посвященном административной реформе сайта Минэкономразвития.

Каковы первые результаты реформы на региональном уровне? Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательной (представительной) и исполнительной власти в субъектах РФ» предписал еще с 1 января 2005 г. обязательное проведение публичных слушаний перед принятием бюджета субъекта РФ на следующий год и перед принятием годового отчета о его исполнении. На территории Южного федерального округа такие слушания либо не проводились, либо проведены без принятия специального нормативного акта, определяющего процедуру слушаний. В ряде субъектов в ходе публичных слушаний не поступило ни одного предложения к проекту бюджета 2006 года. Исключением стал Краснодарский край. Глава администрации Краснодарского края подписал Постановление от 19 августа 2005 г. № 750 «Об утверждении Положения о публичных слушаниях по вопросам, относящимся к полномочиям исполнительных органов государственной власти Краснодарского края». Этот документ, предложенный экспертами «третьего сектора», регламентирует процедуру публичных слушаний, которые в соответствии с федеральным законодательством являются обязательными, например, по проекту бюджета края и по отчету

Арман. Статуя свободы. 1998

об исполнении бюджета. Кроме того, Положение предусматривает возможность проведения слушаний по другим вопросам ведения края и по стратегическому планированию развития края.

Комиссии по проведению административной реформы в настоящее время созданы не во всех субъектах РФ в ЮФО. Однако практика создания первых подобных комиссий демонстрирует их имитационный характер. Так, Указом Президента Кабардино-Балкарской Республики от 3.02.2006 г. № 6-УП сформирована республиканская комиссия в составе 15 человек. Из них 14 являются должностными лицами республиканских органов государственной власти и 1 — местного самоуправления (глава города Нальчик). В составе комиссии нет ни представителей бизнеса, ни руководителей некоммерческих организаций. Очевидно, что реформа власти исключительно самими представителями власти неэффективна. Тем же Указом Президента КБР создана межведомственная рабочая группа, которая должна была в месячный срок разработать проект программы (плана мероприятий) по проведению административной реформы в республике в 2006–2008 годах. В составе группы только представители органов государственной власти различного уровня и муниципальные чиновники. Интересен также факт потенциальной подмены в КБР программы планом мероприятий.

С учетом первых шагов административной реформы в субъектах РФ целесообразно:

- включать в состав комиссий по административной реформе представителей гражданского общества (бизнес-структур, некоммерческих организаций, научных учреждений);
- включать представителей гражданского общества в состав групп разработчиков региональных программ административной реформы;
- содействовать принятию законов субъектов Федерации об общественных палатах и формированию подобных палат как организационных форм взаимодействия власти и гражданского общества (законодательные органы власти во многих регионах фактически утратили функцию представительства интересов населения, «сосредоточившись на законотворчестве в тесном взаимодействии с исполнительной властью», и общественные палаты дадут хотя бы какую-то возможность представить эти интересы в ходе принятия властью решений);
- использовать потенциал «вертикали власти» для повышения эффективности работы администраций субъектов Федерации по продвижению административной реформы;
- принять федеральный закон и соответствующие законы субъектов Федерации, направленные на обеспечение конституционного права граждан принимать непосредственное участие в управлении делами государства.

Для чего все это нужно гражданскому обществу, по-моему, понятно. Чтобы когда-нибудь начать наконец нормально жить...

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя краткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ариадна Тыркова-Вильямс. На путях к свободе

«*В Государственную думу люди шли не ради наживы...*», — пишет Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962) в своих мемуарах, которые впервые издаются в России. Единственная женщина в ЦК кадетской партии — главной реформистской силы в Российской империи в начале XX века, автор воссоздает историю российского парламентаризма от учреждения 1-й Госдумы в апреле 1906 года до распуска 4-й после Февральской революции 1917-го. С позиции прожитых лет она ставит трудные вопросы и пытается сама на них ответить. Почему потерпел поражение первый в истории России опыт парламентаризма? Какова мера ответственности кадетских лидеров за провал либерально-демократических реформ? Были ли неизбежны и оправданы Февральская и Октябрьская революции? Отчасти отвечают политические портреты представителей блестящей плеяды русских либеральных реформаторов той поры: В. Маклакова, С. Муромцева, П. Струве, Д. Шаховского, А. Шингарева и многих других, с кем А. Тыркову-Вильямс связывала общая борьба за освобождение России.

А. Тыркова-Вильямс — автор замечательной двухтомной биографии А.С. Пушкина.

Глава десятая ТАВРИЧЕСКИЙ ДВОРЕЦ

Объявив созыв Государственной думы, власть плохо отдавала себе отчет, какое детище она родила, какие у правительства обязанности по отношению к этому новому государственному учреждению, подняв-

шемуся из революционного хаоса, как его использовать в интересах народа, империи, исторической власти. Ограничились тем, что для русского парламента приспособили великолепный Таврический дворец. Это было отлично сделано. Но для тех, кто должен был заседать в этом дворце, правительство не позаботилось составить ни общий план предстоящей законодательной работы, ни хотя бы несколько законо-проектов. Пусть это странное соборище съехавшихся в столицу незнакомцев, претендующих на участие в государственной работе, сначала само себя покажет.

И депутаты не отдавали себе отчета в своем положении, в своих обязанностях по отношению к государственной власти, на которой столетиями стояла Россия. Они считали, что пришли не как помощники, а как смена. Они не понимали, какое драгоценное орудие для переустройства русской жизни вложила история в их неопытные руки. Оппозиция, как и правительство, не знала, как обращаться с Государственной думой, какую пользу можно и должно из нее извлечь. Народные представители, увлеченные борьбой, оглушенные забастовками, восстаниями, террористическими актами, казнями, опьяненные политическими возгласами, обличеньями, требованиями, не сумели сразу приняться за то, ради чего Дума была созвана, чего они сами добивались с такой бурной энергией — за законодательство. Слишком кипели в них страсти, слишком обуревала их неудержимая потребность на всю страну выкрикнуть то, о чем раньше говорилось только шепотом. Хотя с появлением народного представительства часть этих криков и лозунгов теряла свое значение.

Перед открытием Государственной думы между правительством и народными представителями не произошло никакого общения, никаких не только слов, но даже переговоров. Думцы и министры впервые встретились в Таврическом дворце, куда обе стороны притащили с собой тяжкий груз и пути враждебности, недоверия, нежелания подойти друг к другу ближе, найти почву для сотрудничества.

И власть с неостывшей обидой побежденного, и народные представители с злорадным торжеством победителей помнили, что Дума пришла не сверху, а была навязана снизу. В этом резкое отличие Манифеста 17 октября 1905 г. от Манифеста 19 февраля 1861 г. Александр II, еще наследником, понял, что реформы необходимы, неотвратимы. Он им сочувствовал. У его внука Николая II, не было такого сочувствия к конституционной реформе, которую он был вынужден скрепить своей подписью. Государственная дума явилась в результате широкого самочинного освободительного движения, которое многие просто называли революцией. До 1905 г. царь и его правительство не допускали даже мысли о народном представительстве. Самое слово «конституция» считалось преступным, как я на собственном опыте испытала.

Правда, в день открытия Государственной думы государь принял в Зимнем дворце депутатов, признал в них своих сотрудников, приветствовал их, как «лучших людей земли русской», сказал им: «Господь Бог да благословит труды, предстоящие мне в единении с Государственным советом и Государственной думой и да знаменуется день сей

отныне днем обновления облика земли русской, днем возрождения ее лучших сил».

Для депутатов это было слишком туманно. Они предпочли бы определенную, законченную политическую формулировку. В их сердцах тронная речь никакого отклика не нашла. Призывать на их труды благословение Божие им, в лучшем случае, казалось излишним. Они больше верили в магическую силу юридических заклинаний, чем в молитвы. Короткий, лишенный всякого личного общения, царский прием был для них живописной, но мертвой формальностью, они были связаны не с самодержавием, а с народными силами, открывшими перед ними двери Зимнего дворца, и, что было для них бесконечно важнее, двери их собственного, Таврического, дворца. Вступая в него, народные представители знали, что для власти они сотрудники непрощенные, царю навязанные. Это наложило печать на их настроение, на их речи, на их действия.

Депутатов вынесла на своем гребне бурная народная волна. Им казалось, что она все еще растет, подымается. На самом деле Государственная дума была ее высшей точкой, и скоро должен был начаться отлив. А им на пороге Думы казалось, что они обязаны продолжать наступление. Тогда термин «историческая власть» еще мало был в употреблении, просто говорили «самодержавие». Или еще проще — «они». Они — это правительство. Мы — это не только оппозиция, но вообще весь народ. Это были две воюющие армии.

Депутатов этот непроходимый водораздел не тревожил. Чего им бояться? Они уверены и в слабости правительства, и в его идейной неправоте, убеждены в силе народа, в правоте своих идей. Освободители, они входили в Таврический дворец в приподнятом, торжественном настроении.

Рамка была для них приготовлена праздничная. Екатерина II была одарена воображением, но вряд ли ей могло сниться, что великолепный дворец, который она построила для своего ветреного любовника и верного помощника в делах державства и войны, станет для России в весенние годы ее парламентской жизни символом народоправства, что самое название — Таврический дворец — прозвучит как радостный клич, как обещанье обновленной свободной жизни. И как призыв к борьбе. До замиренья, даже до перемирия, было еще далеко.

В Петербурге 27 апреля, день открытия Первой Государственной думы, был общенародным праздником. Школы и присутствия были закрыты. Магазины тоже. Большинство заводов не работало. Улицы были залиты народом. Всюду флаги, радостные лица. Утром вереницы экипажей и извозчиков направлялись в Зимний дворец, оттуда, после короткого царского приема, они отправились в другой, свой дворец. Ясный весенний день, ясные надежды в сердцах. Твердое, искреннее желанье первых избранников не обмануть народных надежд. Общее чувство могучей волны, по которой легко, дерзко скользит наш корабль. И эта детская, неповторимая вера в себя, в будущее, в Россию. Красавец Таврический дворец, проснувшийся от векового сна, выглядел щеголем. Весь белый снаружи и внутри, он царственно раскинул гармонический простор своих зал, переходов, обширных покоев, всем

своим приветливым великолепием напоминая о державной пышности Екатерины. Казалось, сама Россия, гостеприимная хозяйка, ласково принимает гостей, собравшихся со всех концов русской земли. Сквозь высокие, от пола до потолка окна виднелся старый, еще при Потемкине насаженный сад. Точно Дума собралась не в столице, а в старинной усадьбе. Большинство депутатов выросло в таких дворянских гнездах. Первая Дума если не количественно, то качественно была дворянской Думой, и это подчеркивало ее нарядность.

На председательском месте сидел С.А. Муромцев*. Не сидел, восседал, всем своим обликом, каждым движеньем, каждым словом воплощая величавую значительность высокого учреждения. Голос у него был ровный, глубокий, внушительный. Он не говорил, а изрекал. Каждое его слово, простое его заявление — «слово принадлежит члену Государственной думы от Калужской губернии» или «заседание Государственной думы возобновляется» — звучало, точно перед нами были шейх, читающий строфы из Корана.

Талантливые архитекторы, чьи имена никто не трудился узнать, устроили полуциркульный зал заседаний с необычайным вкусом, с любовью. Его парадность очень подходила к Муромцеву. В обыденной жизни это был приятный, обходительный собеседник. На председательском месте его окружала неприступность. Ни один из председателей последующих трех Дум, ни Ф.А. Головин, ни Н.А. Хомяков, ни М.В. Родзянко, не поднялись на его декоративную высоту. Муромцев давно готовил себя к этому служению. Он изучил порядки западных парламентов, наметил, как должен председатель относиться к различным положениям и случаям, которыми богата парламентская жизнь, как надо направлять и вести заседание. Все мелочи продумал. Русских прецедентов, если не считать обычай земских собраний, в его распоряжении не было. Надо было все создать, проявить творческий почин. Деятельность Муромцева осложнялась тем, что не было и наказа. За него принялись во Второй Думе, утвердили его в Третьей. В первых двух Думах порядок, очень относительный, поддерживался только авторитетом председателя и доброй волей депутатов.

Муромцев авторитетом, и не малым, обладал. Красивый, с правильными чертами лица, с седой острой бородкой и густыми бровями, изпод которых темнели выразительные глаза, Муромцев одним своим появлением на трибуне призывал к благообразию. Когда страсти разгорались, особенно в те дни, когда в министерской ложе появлялись министры, внушительный вид председателя, его такт, выдержанка не давали законодательному собранию превратиться в необузданый митинг. Впрочем, даже ему это не всегда удавалось.

Удивительно, что при таком чувстве меры, при таком уважении к форме Муромцев не сумел или не постарался повлиять на самую сущность кадетской политики в Государственной думе. Правда, став председателем, он от партийной жизни отстранился, вышел из Центрального комитета, никогда не бывал на собраниях парламентской фракции.

По его мнению, идеальный председатель обязан быть выше партии. Но все-таки какая это расточительность, что весь свой трезвый аналитический ум он направил на созиданье обличья Государственной думы, ничего не вкладывая в ее подлинную, кипучую, жизнь. Муромцев не пытался стать посредником между властью и Думой, найти пути к соглашению, хотя все это входит в обязанности председателя, особенно в такой переломный момент истории. Ему мешало общее настроение оппозиции, к которой он по-прежнему принадлежал, хотя в партийных сбирацах и не участвовал. Мешала также должностная самоуверенность и гордыня. Он говорил:

— Председатель Государственной думы — второе, после государя, лицо в империи.

Ревниво и замкнуто стоял он на созданной им высоте.

Свою очень искусственную обособленность он не мог оправдывать организационной работой. Находил же Шаховской, который был выбран секретарем Думы и был главным помощником председателя, возможным продолжать общение с людьми и принимать участие в деятельности кадетской думской фракции.

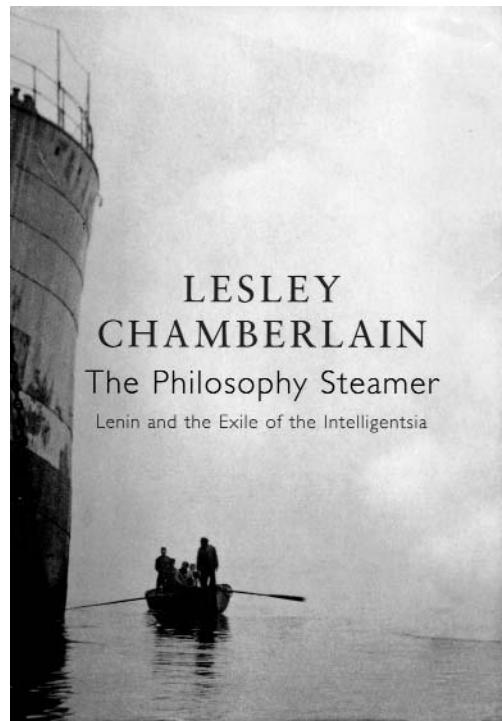
Кн. Д.И. Шаховского многие считали чудесным, даже замечательным человеком. Иные видели в нем фантазера, мечтателя. Были и такие, что считали его безумцем, одержимым демоном демократии. Меньше всего думали о нем как о практическом работнике. Между тем за семьдесят дней своего секретарства в первом русском парламенте он доказал свой талант организатора, наладил большое, ответственное дело. Он поставил думскую канцелярию, определил сложные подробности спешного печатанья стенограмм, сношения с печатью, раздачу билетов для прессы и для публики. Насколько помню, в веденьи секретаря были и думские пристава. Всю эту сложную новую машину пустил в ход Шаховской. Он создал для следующих Дум деловую рамку. Очень хорошо работал крайне важный в парламентской жизни стенографический отдел. Состав стенографисток и, что не менее важно, корректоров тоже был отлично подобран. Депутатам и журналистам стенографические отчеты раздавались иногда в тот же день, под конец заседания. Это спасало нас от грубых ошибок и промахов, неизбежных в такой спешной работе. Постановка секретариата была в Первой Думе единственным делом, которое было доведено до конца и по наследству перешло к Думам следующих созывов...

Муромцев и Шаховской придавали Государственной думе достойный парламентский облик, напоминали, что думская ладья должна плыть по определенному руслу. Наверху, на председательском высоком кресле, Муромцев, невозмутимый, торжественный; внизу, ниже трибуны ораторов, Шаховской, привычным движением руки поглаживающей длинную, острую золотистую бороду. Два утонченных образца старой русской культуры. Глядя на них, как-то верилось, что еще немного и в русском парламенте водворится деловитое благоустройство...

* Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910), юрист, земский деятель, профессор Московского университета в 1877–1844 гг. Один из лидеров кадетов.

«Философский пароход»

Lesley Chamberlain. *The Philosophy Steamer: Lenin and the Exile of Intelligentsia*. — London: Atlantic books, 2006. — 414 p.

В начале 1920-х годов Лев Троцкий в одной из своих газетных статей впервые употребил термин «внутренняя эмиграция». Так он назвал круг мыслящих людей, которые, некогда надеясь на революцию, предвкушая и приближая ее, в конечном счете утвердившийся революционный строй не поняли и не приняли. После победоносного завершения Гражданской войны перед новыми властителями встало проблема: что делать с этой публикой, «не

подходящей» для новой жизни? Абсолютно гениальное решение было предложено Лениным: вместо того, чтобы примитивно уничтожить наиболее видных из них по заранее заготовленным спискам, что, в принципе, было бы для первого в мире государства рабочих и крестьян вполне по силам, он предложил сбрасывать наиболее известных русских интеллигентов и принудительно выслать их за пределы Советской России.

У нас, конечно, об этой депортации кое-что уже писали, тем более что в годы «перестройки» нельзя было пройти мимо подобной темы, но на Западе книга английского историка Лесли Чемберлена «Философский пароход» стала едва ли не первым исследованием, посвященным одному из наиболее бесславных эпизодов коммунистического правления. Этим первозданным авторским изумлением работы и примечательна: близкое знакомство с отечественной историей, как и личное пребывание в ней, снижает остроту естественного для нравственного человека восприятия нормы и аномалии, поэтому на вещи, достойные удвоенной рефлексии, порой просто устаешь обращать внимание. Автор же на протяжении всего повествования не перестает удивляться — как можно с собственной культурой обходиться *таким* образом?

Да, советской власти пришлось нелегко. После того как в первой половине 1922 года Ильич лично набросал список примерно из двухсот имен журналистов, философов, писателей, исто-

риков, экономистов и даже агрономов и астрономов, возникли неожиданные препятствия. Ссылка, как известно, была методом наказания, ушедшими вместе с царизмом. Между тем депортация сделалась ленинской идеей фикс, и потому ее требовалось оформить легально (р. 80). Совет народных комиссаров в спешном порядке предоставил ГПУ право административной высылки, а ВЦИК оформил позитивное начинание в виде поправки к соответствующей статье нового Уголовного кодекса. Речь, правда, шла не о банальной ссылке темной эпохи Романовых, но об изгнании за границу; это обстоятельство также было учтено, поскольку советские газеты в один голос объявляли инициативу советского правительства актом милосердия, позволившим «пособникам белогвардейцев» избежать справедливого расстрела.

Можно представить, в каком шоке оказались будущие изгнанники; и это вполне объяснимо, отмечает автор, ибо «у них еще не было опыта тоталитаризма» (р. 5). В ходе превентивных арестов, произведенных ГПУ в Москве, Петрограде и других городах, принудительно отезжающим было разъяснено, чего от них хочет советская власть. Более того, некоторых даже вынудили оплатить переезд из собственного кармана. Почти никто из тех, кого высыпали, добровольно прощаются с Россией не желал, но имевшим намерение вернуться заранее пообещали расстрел. Больше всего, кстати, не повезло тем, кого сначала собирались отправить за рубеж, но потом сослали в отдаленные районы страны. Высококвалифицированные врачи, по мнению ГПУ, могли приносить пользу социальному отечеству — в отличие от Николая Бердяева, Николая Лосского, Михаила Осоргина, Семена Франка, Владислава Ходасевича и многих других, которые были сочтены

абсолютно бесполезными. Разумеется, в ходе чисток 1930-х годов из тех, кто остался, не выжил никто.

Сложности, которые пришлось преодолевать советскому режиму, не ограничивались чисто юридическими коллизиями. Надо было еще найти страну, которая согласилась бы принять изгнанников. На эту роль наметили Германию, которой правительство РСФСР буквально выкрутило руки, ибо немцам, остро переживавшим послевоенную изоляцию, нужен был европейский партнер. Коммунистическая Россия, другой европейский изгой, соглашалась дружить, но взамен просила приютить «контрреволюционеров». У властей Веймарской республики просто не оставалось другого выхода: накануне подписания жизненно важного для них договора в Рапалло они выдали въездные визы указанным ГПУ людям и предоставили для их эвакуации два парохода. Интересно, что после этой операции, которая была сочтена большим успехом, повторить схему большевикам не удалось. Германия, захлебывавшаяся русскими беженцами, которых в одном Берлине было 360 тысяч, в конце 1922 года уже сточила иммиграционное законодательство, а кроме нее почти никто в Европе не пожелал выступать в сомнительной роли «пособника чекистов» (р. 85). Единственным исключением оказалась Чехословакия, которая под началом президента Томаша Масарика, большого почитателя русской культуры, обходилась с русскими на редкость великодушно: так, с 1921 по 1928 год эта маленькая страна, как ни удивительно, потратила на обустройство наших эмигрантов больше, чем все европейские страны вместе взятые (р. 187). Но рабоче-крестьянская власть не желала комфорта своим врагам: предложение Праги о приеме очередной партии изгнанников было отклонено.

С принудительной высылкой наиболее выдающихся интеллигентов, пишет автор, в России закончилась Гражданская война (р. 36). Но «философский пароход» обозначил не только закат одной эпохи, но и начало другой. Европа входила в эру тоталитаризма, пионером которого выступала большевистская Россия. «Отправка в 1922 году «философского парохода» для миллионов русских стала знаком того, что их страна закрывается от внешнего мира» (р. 265). Послевоенная паранойя, сопровождавшая очистку социалистической родины от бывших белогвардейцев и их пособников, сопровождалась преследованием независимой прессы и гонениями на общественные организации. За три месяца до депортации, в июне 1922 года, был учрежден Главлит, на десятилетия сделавшийся инструментом удушения свободного слова. В мае того же года все общественные и профессиональные объединения заставили пройти перерегистрацию с обязательным указанием имен и адресов их членов (р. 86). А организации с иностранным участием начали громить еще во время Гражданской войны, когда в 1919 году ВЧК провела массовые аресты советских граждан, сотрудничавших с Международным красным крестом (р. 62). (Все-таки поразительно, какой «цивилизационной устойчивостью» обладает Россия: власть, на протяжении столетий воспроизводящая одни и те же психические стереотипы и рефлекторные реакции, — для Европы это, конечно, своего рода уникум.)

Но дело не ограничивалось только этим. Как полагает автор, ««философский пароход» имеет универсальное символическое значение — его статус в истории можно считать мифологическим» (р. 271). В этой экзистенциальной метафоре просматривается один из главных парадоксов европей-

ского рационализма. Профессиональных интеллектуалов изгнали из России люди, твердо убежденные в возможности разумного, математически безупречного и логически строгого переустройства социальной жизни. Ленин, к примеру, всю жизнь стремился к триумфу разума над суеверием, выступая, тем самым, бесспорным приверженцем проекта Просвещения. Проблема, однако, в том, что в русской революции разум с невиданной ранее силой вышел из-под контроля: «он вылился в извращенную, политизированную форму, которая в XX веке послужила основанием для тоталитарной системы» (р. 8). Об опасностях слепой реализации просвещенческой программы русские мыслители предупреждали задолго до 1917 года; фактически все творчество Николая Бердяева или Льва Шестова — сугубо об этом. Их предостережения не были услышаны; разумеется, они должны были уехать. Кстати, в межвоенной Европе жизнь русских мудрецов не стала райской именно потому, что им и там приходилось идти против течения. Дегуманизация политической, экономической, культурной жизни выдавила на обочину интеллектуальной жизни русскую философию с ее пафосом защиты индивида от посягательств бездушного разума. Архаичные ценности духовности, добра, красоты, которые изгнанники привезли с собой, уже не интересовали культуру, начинавшую пьянеть от постмодернизма. Итог «русской прививки», соответственно, оказался грустным, но вполне закономерным: «Русские религиозные философи рассчитывали, что на Западе для них найдется место. ... Но Запад оказался слишком либеральным, чтобы принять эту мораль идеалистов» (р. 296).

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Будущее прав человека в России: Альманах / Вып. 1. — Пермь: Пермская гражданская палата, 2006. — 304 с.

У всех народов во все времена существовали общественные конвенции в защиту человеческого достоинства. В Западной Европе такие конвенции стали называть «правами человека».

Первый выпуск пермского Альманаха — прорыв за рамки правозащитной рутины. Альманах — это разговор о смыслах, гранях и градациях прав человека в России. Бесполезно пытаться кратко изложить его содержание, поскольку поднимаемые темы экспансивны, а реминисценции бесконечны. Возьму на себя смелость утверждать, что «Альманах» может стать импульсом к зарождению нового общественного дискурса по пересмотру существующих конвенций о правах человека. В правозащитном сообществе он уже получил самый широкий резонанс.

Словосочетание «права человека» твердо вошло в нашу жизнь, от повседневной коммуникации до официальной риторики. Однако их содержание продолжает оставаться в лоне социальных мистификаций и софистики. Под проблематикой прав человека подразумевают все, что угодно: «права, записанные в законах», «социальные гарантии государства», «идеологию либералов», «защиту от любого произвола» и т.д. и т.п.

Нет единства по поводу определения прав человека и в кругу самих правозащитников. Размытость предмета порождает проблемы с идентификацией самих правозащитников. Свою лепту вносит и официозный дискурс, фактически приравнивающий правозащитников к «антигосударственникам», «не патриотам».

Титаническая попытка авторов Альманаха разобраться в этом смысловом хаосе, отделить зерна от плевел, избавиться от клише, абстрагироваться от личной заинтересованности, обрести новое понимание, лучше всего показана в статье Игоря Аверкиева «Как выглядят права человека в России и в мире».

«Когда после многих лет, проведенных в кругу правозащитников и в правозащитных занятиях, — пишет И. Аверкиев, — пытаешься понять, что происходит с правами человека в России, объем личных впечатлений подавляет любые попытки логического самоопределения в теме. Накопленной информации всегда оказывается слишком много для поисков смысла. В этом необъятном месиве из фактов и оценок на каждый тезис всегда найдется антитезис, ни один факт ничего не доказывает, поскольку всегда обнаружится факт, доказывающий обратное. В итоге всех этих мучений обретаешь болезненное стремление к

простоте. Хочется очистить сознание непредвзятостью, хочется обрести ясность и мудрость наивного взгляда».

Отдельно стоит сказать, что Альманах является частью более глобального исследовательского и социоинженерного проекта, реализуемого Пермской гражданской палатой. Перед экспертами стояла задача увидеть возможные пути выхода из системного кризиса, охватившего правозащитное сообщество, попытаться заново осмыслить «ооновскую парадигму» прав человека, оценить сегодняшние возможности и угрозы, разработать стратегии-технологии-стандарты для повышения эффективности правозащитной деятельности в России.

В основу некоторых статей Альманаха были положены исследования, проводившиеся в течение последних двух лет. Углубленные интервью с лидерами правозащитных организаций, социологические опросы, фокус-группы, экспертные дискуссии и т.д.

Среди авторов читатель найдет имена Овсянниковой А.В. («Офисная целина»), Шведова Г.С. («Продвижение прав человека: рыночные стратегии или религиозные войны»), Маковецкой С.Г. («О соблазнении саморегулированием»), Скряковой Е.В. («Размышления о сути правозащитной работы: постановка проблемы»).

Не могу удержаться от соблазна сказать пару слов о тексте Артема Марченкова «Правозащитный карасс в ювенильном море». Это не столько статья, сколько проект новой Реформации в «третьем поколении третьего сектора». Это «луч надежды» для всех, кто так или иначе пытался вскрыть ящик Пандоры с названием «молодежь». Это новый социокультурный, гуманитарный подход к молодежным практикам и их смыслам в быстро меняющейся повседневности. Фотографический срез молодежного поля метафоричным языком, что помимо ценностной нагрузки добавляет оттенок художественного произведения.

Словом, Альманах — это больше трехсот страниц, насыщенных новыми смыслами, касающимися правозащитной проблематики, побуждающими читателя к труду по их осмыслению и выработке собственной позиции.

Сергей Пономарев
(Пермь)

Если вас заинтересовал Альманах, вы можете направить заявку по адресу:

614000, г. Пермь, ул. Большевистская, 120а–102,
по e-mail: palata@prpc.ru
позвонить или направить факс по номеру (342) 233-40-63.

Альманах — бесплатное издание, но, чтобы его получить, нужно оплатить услугу почтовой доставки.

«Душа полна воспоминаний»: Георгий Валентинович Плеханов и Липецкий край / сост. С.В. Иноземцева. — Липецк: ООО «Информ», 2006. — 144 с.; илл.

В России во все времена не очень-то чтили своих выдающихся мыслителей, а в годы бурных социально-политических событий не просто сознательно их отвергали, но и, бывало, сбрасывали с книжных

полок труды многих. В последнее десятилетие XX века особенно, пожалуй, не везло марксистам. Даже порою тем, кто опирался на труды К. Маркса по сложившейся обязательной традиции, а не по глубоким убеждениям. Тем более удивительно, что так повезло первому русскому марксисту Георгию Плеханову, который, можно сказать, и «привез» это учение в Россию. Более того, разочаровавшись в народничестве и отойдя от него, он создал здесь первую марксистскую группу «Освобождение труда». В годы перестройки и реформ в России были изданы многие его научные труды, в том числе прежде не публиковавшиеся, а в прошлом году более чем достойно было отмечено 150-летие со дня рождения.

Это объясняется, видимо, крайне незаурядной личностью Плеханова, оригинальностью его мышления, да и самой его трудной биографией. Не просто нелегкой судьбой революционера, но и способностью, исследуя жизненные реальности, пересматривать свои взгляды, быть честным перед собой и отказываться от собственных заблуждений. Порой, конечно, впадая в новые, что свойственно любому творческому человеку, без чего, однако, и общественная мысль не развивалась бы. По крайней мере, такая картина вырисовывается из материалов хорошо составленной книги, вышедшей в Липецке.

Много места в ней посвящено семье Плехановых, местному окружению, той среде, в которой формировалось мировоззрение мыслителя. Это отнюдь не революционная среда, а обычные, хотя и активные в своей жизни люди. Может быть, кстати, благодаря этому и сам он, к счастью, не был опален губительным фанатизмом, может, поэтому сравнительно трезво оценивал реальности жизни, проявил, в частности, мудрость в отношении к большевизму и к самой Октябрьской революции. Во всяком случае, авторы книги подводят к такому заключению.

Можно соглашаться или не соглашаться с деталями их подробного анализа произведений Г.В. Плеханова, особенно внимательного к тем, которые находятся в их распоряжении, в их руках — ведь книгу собрали, опираясь прежде всего на местные архивы, она и вышла под грифом Архивного отдела Администрации Липецкой области и Липецкой универсальной научной библиотеки. Но это серьезный анализ. И в нем как раз подробно приводятся и разбираются оценки Плехановым Октября и политики большевиков. Приведены, в частности, важные высказывания на этот счет.

В газете «Единство» (28 октября 1917 г.) было напечатано плехановское «Открытое письмо к петроградским рабочим», написанное сразу после Октябрьских событий. Он утверждал тогда: «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершил социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года». Так ведь и произошло. Недавно, отмечая юбилей Февральской революции, некоторые современные авторы, в частности историк Андрей Сахаров, подчеркивали, что мы и теперь не достигли многого из того, во имя чего произошла эта революция.

Говоря о событиях в Петрограде, Плеханов предупреждал, что последствия этих событий «будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, еще того хуже, одной партией. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, т. е. на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка». В статье «Буки Азь-Ба» («Диалог» (1990, № 11) автор вновь обращается к этой теме: «За Смольным большинства нет, и это должно бы заставить задуматься его деятелей. Их диктатура представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно поэтому им приходится все более и более учащать употребление террористических средств. Употребление этих средств есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы».

Акцент авторов на борьбе героя книги с властью одной партии, с диктаторскими устремлениями вождей, с подавлением инициативы трудящегося населения делает предложенный читателю труд не только информационно привлекательным, интересным в познавательном смысле, но и актуальным политически.

Александр Волков

Д.Г. Горин. Трансформация российского общества: циклическо-волновые модели. — Брянск: Брянский филиал ОРАИС, 2006. — 165 с.

Исследование автором повторяемости признаков в развитии нашего общества позволяет осмысленно взглянуть на происходящие в нем процессы с точки зрения циклическо-волновых моделей. Изучив материалы множества авторов, Дмитрий Горин делает интересные обобщения и выводы, прослеживает зависимость трансформационных процессов от совокупности множества факторов, некоторые из которых связаны с особенностями российской культуры и российского пространства. При этом автор успешно уходит от излишней политизированности в вопросах трансформации современного российского общества.

Любопытно прослеживается в описании больших циклов социокультурной динамики России (от древней истории до современности) сокращение периода циклов и уменьшение их амплитуды. Похожую картину демонстрирует модель сходящейся спирали развития Р.Ф. Абдесева, которую он использует для описания социальных процессов. Можно ли предположить по аналогии, что наступит стадия покоя? И как это будет выглядеть? Пока что можно отметить достаточно точно нарастающую частоту изменений, за которыми порой невозможно уследить, а уж тем более внятно объяснить их суть.

Особое место в книге уделяется рассмотрению трансформационных процессов переходного периода от индустриального цикла к постиндустриальному (что соответствует сегодняшнему состоянию России) в свете культурных, социально-экономических, культурно-политичес-

ких и др. аспектов. При этом внимание читателя заостряется на «особенности российской культуры как культуры бинарной», иными словами, склонной в периоды социально-политических катализмов к отторжению предшествующего культурного контекста, что делает во все непредсказуемым выход страны из транзитных состояний. Указывается необходимость преодоления этого национального феномена отрицательного влияния бинарной системы как на одну из важнейших задач для современной России.

Автор хорошо осознает, что описать процессы, происходящие в российском обществе при помощи циклическо-волновой модели можно, а вот спрогнозировать с высокой степенью вероятности пути выхода из переходных состояний — вряд ли. Он несколько раз указывает на роль случая в трансформационных процессах общества на острие переходных моментов.

Тем не менее через всю книгу прослеживается попытка соотнести взаимно накладывающиеся волны различных цивилизационных процессов, вывести некий алгоритм общественного развития. Какое влияние многообразные факторы оказывают на трансформацию российского общества? Как общество реагирует на вызовы современного глобализирующегося, быстро меняющегося мира? Книга написана понятным языком и будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу мыслящих людей.

Меня лично она еще раз заставила задуматься о роли государства в современном мире.

Забота государства о своем народе лишь часть заботы народа о самом себе. Особенно это ярко выражено на местном уровне в малых сообществах. Зачем нужно государство? Оно забирает большую часть налоговых отчислений. На оставшиеся деньги от налогов, частные и благотворительные ресурсы местное сообщество без особой поддержки государства пытается решать свои проблемы. Услуги, предоставляемые государством, находят спрос только у малообеспеченной части граждан. Они и составляют тот самый избирательный округ, на работу с которым нацелены сегодняшние российские партии. Если у человека появляются средства, он пользуется услугами негосударственных структур. Будь то медицина, образование и т.п.

Теперь, когда транснациональные компании имеют иногда больше влияния на людей, чем государства, в которых они живут, а финансы не знают государственных границ, государству необходимо вписаться в современный порядок. Я думаю, государство должно сознательно передавать все больше функций гражданским институтам, учитывая, что большинство служащих государственного аппарата не чувствуют обязательств за получаемую ежемесячно зарплату и являются чаще всего абсолютно неэффективными.

Владимир Мужаровский
(г. Апатиты)

Контрапункт

КАК РАЗРУШАЮТСЯ ИМПЕРИИ

Егор Гайдар. *Гибель империи: уроки для современной России*. — М.: РОССПЭН, 2006. — 440 с.

Александр Архангельский

Не бывает вечных политических традиций; не бывает незыблемых систем государственного устройства. Рано или поздно любой тип правления, любая схема организации власти сталкиваются с проблемой самоисчерпания; самое главное — вовремя чувствовать близость неизбежных перемен, а потом не дать великой силе инерции утянуть себя обратно, в иллюзию стабильного прошлого, которое будто бы не прошло, а лишь на время отступило, отползло на обочину и теперь готово опять принять нас в свои объятия.

Егор Гайдар — один из тех, кто создавал экономику новой России и, значит, платил по счетам обанкротившегося должника, распавшегося СССР. Ему ли не знать, на каких минах подорвалась советская империя, казавшаяся незыблемой не только собственному дряхлеющему политбюро, но и всем сопредельным странам. Даже отчеты ЦРУ, цитируемые в книге, не прогнозируют исторически близкого краха после 1982 года; ранняя работа Андрея Амальрика «Просуществует ли СССР до 1984 года» вплоть до начала горбачевской эры воспринималась как политологическая фантастика. И тем яснее Гайдар понимает, в какой зоне риска мы сейчас находимся; «Гибель империи» начинается страшноватым сопоставлением Германии после Веймарской республики и России начала XXI века. Там германская имперская символика была восстановлена через 8 лет после исчезновения самой империи, в 1926-м; у нас гимн советской империи вернулся в государственный оборот через 9 лет, в 2000 г. Одним из главных экономических лозунгов националь-социалистов было обещание восстановить вклады, уничтоженные гиперинфляцией 1922–1923 годов;

кое-что напоминает, верно? Приход Гитлера к власти отделен от крушения имперского порядка пятнадцатью годами, а распад СССР, между тем, был оформлен на рубеже 1991–1992 годов; сколько прошло с тех пор времени, подсчитать нетрудно. Но, слава Богу, цель автора — не пригнать нас магией цифр; он прекрасно сознает, что любая параллель в истории хромает, а стадиальная схожесть проблем не предполагает обязательного повторения чужих ошибок. Цель Гайдара прямо противоположная. Разобраться в том, как и почему сокрушился (сначала экономически, а потом и политически) великий, бессмертный Советский Союз; на этой основе изготовить рецепт идеологического лекарства от имперской ностальгии; просчитав вчерашние опасности, точней определить сегодняшние угрозы — и попытаться избежать наихудшего. Даже если кое-каких ошибок уже не отменишь.

Читая книгу страница за страницей, изучая ее материалы таблица за таблицей, видишь, как десятилетие за десятилетием, год за годом нарастала внутренняя неэффективность коммунистико-имперской экономики; как власть, поначалу успешно, а потом все напряженней затыкала политические дыры двумя невосполнимыми ресурсами, человеческим и природным. Насилие над личностью и насилие над окружающим пространством легитимировалось лозунгами, смонтированными в железную конструкцию советской идеологии; в головы нескольких поколений впрыскивался миф всемирной державы, колесиком и винтиком которой является отдельный человек, а тотальная и бездарная эксплуатация природных богатств подавалась как победа коммунистического разума над косным материалом жизни. До поры до времени это помогало, но диспропорции, как дыры в гнилой ткани, сшивать становилось все труднее. Выходило из-под информационного контроля новое поколение — чем образованней были молодые люди, тем шире они смотрели на вещи и тем меньше были готовы выполнять роль покорного «людского ресурса»; тотальная затратность сельского хозяйства требовала закупок продовольствия за рубежом во все возрастающих масштабах; чтобы осуществлять эти покупки, приходилось продавать сырье; продавая сырье, империя попадала во все большую зависимость от внешней ценовой конъюнктуры; попадая в эту зависимость, она пыталась воздействовать на процессы доступными ей средствами и обостряла ситуацию в нефтеносных районах, поддерживала террористов, все жестче ссорилась с Америкой и ее союзниками; ссорясь с Америкой и поддерживая терроризм, советская империя должна была тратить колossalную часть сырьевых доходов на поддержание союзников в зоне своего влияния и при этом толкала своих противников на поиск таких решений, которые подорвали бы остатки ее политической мощи — без реальных военных действий. То есть обре-

Егор Гайдар

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

УРОКИ
ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ

кала себя на ускоренный путь к распаду и по внутренним, и по внешним причинам.

Характерна цитата, которую приводит Егор Гайдар, из письма Андропова Брежневу: «Комитет госбезопасности с 1960 года поддерживает делово-конспиративный контакт с членом политбюро Национального фронта освобождения Палестины (НФОП)... Вадиа Хаддадом. ... Вадиа Хаддад в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП. ... Главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации являются: продолжение особыми средствами «нефтяной войны» арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль. ... В соответствии с этим, в настоящее время НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира... уничтожение танкеров и супертанкеров... В. Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций... полагали бы целесообразным... в целом положительно отнестись к просьбе...».

Разумеется, враг не дремал; если вы используете террор для усиления нефтяного фактора, не обижайтесь, если нефтяной фактор будет использован для приближения вашей политической кончины. Осенью 1985 года Саудовская Аравия, горячо и умело поддержанная рейгановской администрацией, вышла из картельного соглашения по нефти; за год добыча увеличилась в три раза, почти во столько же упали цены; для Советского Союза это означало, что он (и так еле-еле сводящий концы с концами и проигрывающий гонку вооружений) становится неплатежеспособным должником и, по существу, банкротом. Гайдар еще и еще раз подчеркивает: развала СССР никто не предполагал и не планировал; но страна, скрепленная насилием и сырьем, подобна колоссу на глиняных ногах; достаточно было лишить ее неограниченной подпитки, как она разлетелась на большие и мелкие кусочки. И счастье, что разлетелась без пролития большой крови, как это произошло в Югославии. Никакое ядерное оружие, никакая международная интеграция, никакой подкуп африканских режимов и восточноевропейских сюзеренов, никакие социальные пакеты, предложенные собственному населению в обмен на отсутствие свободы и общенациональной целостности, основанной на единстве идеалов, — не помогут. Режим обречен. Территорию не удержать, даже если метаться по кругу, как метался Горбачев: демократы-консерваторы-Запад-Восток-партоараты-патриоты, снова демократы и так без остановки.

Без всякого публицистического пафоса, академически холодно Гайдар ведет читателя от анализа прошлого к проблемам будущего. По существу, он в той же мере писал книгу о неустойчивости имперского миропорядка, в какой — о принципах, которые могут обеспечить устойчивость постимперской России. Конкуренция, политическая и

экономическая; федерализм; прагматические отношения с соседями; ясные правила государственной жизни. Насколько это совпадает с реальностью, за которой мы все наблюдаем сами, уже не академически, а страстно и вовлечено, каждый может судить сам. И о том, какие уроки распавшейся империи выучены хорошо (несправедливо более разумная финансовая политика и т.д.), а какие плохо. Только одна цитата. «Легче поверить в то, что нас победили не грузины или украинцы, а стоящий за ними «мировой заговор». Если принимать решения в рамках этой парадигмы, можно, обидевшись на всех, продолжать делать одну ошибку за другой». Гайдар написал это больше года назад. Как в воду глядел.

КАК СОЗДАЮТСЯ ГОСУДАРСТВА

Михаил Афанасьев. Невыносимая слабость государства. — М.: РОССПЭН, 2006. — 272 с.

Михаил Афанасьев — один из самых авторитетных российских аналитиков в области государственного строительства и функционирования политических систем; он никогда не был профессиональным оппозиционером, ни по своей идеологии, ни по жизненной практике; он — технолог, имеющий свои представления о ценностях и о путях развития России. Следовательно, его статьи, написанные в разное время и составившие рецензируемую книгу, не могут быть памфлетами — и не могут быть просто разработками, созданными под заказ власти; это жесткий разбор полетов с неизменным предложением выхода из создавшейся проблемы на основе ясной картины мира. По крайней мере, до той поры, пока власть готова выслушивать осмысленные рекомендации.

Если автор рассматривает вопрос о представителях президента в регионах (написано в 1993-м; до федеральных округов еще далековато), то он не критикует существующую практику и не поддерживает ее; он принимает явление как данность и, критикуя положения Указа, тут же формулирует условия, при которых явление это было бы полезным государству. Представитель должен стать посредником в отношениях гражданина и государства, взять на себя функцию правозащитника, стража основ Конституции, ходатая и контролера за распределением «категорических» дотаций.

Если он говорит о функциях чиновничества, то не просто констатирует нарастание бессмысленного бюрократизма, но выстраивает своего рода философию бюрократии как гражданской службы, противопоставляя ее практике чиновного служения в пределах «государева дво-

ра». И так далее. Поэтому почти неизбежно появление в сборнике статьи «Позиция вместо оппозиции» с ее центральным тезисом: «“Новым русским” (в правильном смысле слова) нужна не оппозиционность, а возможность реализовать себя в бизнесе и новых секторах социальной жизни. Поэтому вопрос — возможна ли *оппозиция*? — их волнует совсем не так сильно, как профессиональных политиков. Но вот другой вопрос — возможно ли в России занимать собственную *позицию*? — интересует значительное число граждан... для того чтобы занимать определенную статусную позицию в легальном общественном порядке и легально отстаивать свою личную позицию, необходимы *низкие налоги и честный суд*. Вот альфа и омега идеологии среднего класса. До остального, по большому счету, ему нет дела».

Это, безусловно, верно. Но история всегда требует поправок на обстоятельства. И умный политолог не стесняется уточнять свою позицию — в зависимости от них. Чем ближе к дню сегодняшнему (по времени написания) статьи, составившие корпус книги, тем реже автор занимается «пожелательным» разбором законопроектов, политических практик, указов, инициатив; тем чаще его размышления напоминают *практическую утопию* какого-то другого государства, совсем не того, какое он видит вокруг себя и с которым у его идей все меньше и меньше со-приосновений. При этом парадокс заключается в том, что конкурентное, судебно-независимое, федеративное, общественно активное, партийно-многообразное и потому свободно развивающееся государство афанасьевской мечты не утопично по своей природе; наоборот, оно глубоко реалистично и многократно воплощено в сопредельном мире. И наоборот, предельно утопично то государство, которое возникает у нас на глазах и которое Афанасьеву не нравится: номенклатурное, вертикально-силовое, контрреформистское, мифологизирующее идею суверенитета и не умеющее ответить на простой вопрос: а для чего суверенитет, во имя решения каких национальных задач? Мы присутствуем при временной победе феодальной утопии над интеллектуальным реализмом XXI века. И тут автору приходится как бы поправлять самого себя; убежденный в 90-е годы, что для движения в будущее вполне достаточно двух лозунгов — *независимый суд* и *низкие налоги*, он теперь говорит и природе власти, думает «за» нее и подчас «вместо» нее (за что некогда порицал либералов); он настаивает на необходимости политической оппозиции; он требует резкого осовременивания политических нравов. Хотя бы потому, что без этого низкие налоги возможны, а независимый суд — нет.

В отсутствие же независимого суда никакие низкие налоги не избавят нас от *невыносимой слабости слишком сильного государства*.

Демократия в начале XXI века*

Cтоит ли говорить о демократии в контексте вполне конкретных — экономических и юридических — вопросов? Более того, кое-кто может подумать, что уже сами по себе рассуждения о демократии, об условиях демократического развития способны замедлить или воспрепятствовать развитию экономики. Так, если встает вопрос о выборе между экономическим и демократическим прогрессом, некоторые без колебаний предпочтут экономическое развитие.

Таковы, бесспорно, тенденции во многих странах, включая Россию, в которой уже пятнадцать лет проводится политика решительных экономических реформ, в то время как демократия и связанные с ней ценности, такие как права человека, застыли, кажется, на мертвой точке или даже сокращаются.

Я привела пример России, но должна упомянуть и о других странах, включая США и Западную Европу, которые, казалось бы, уже давно вступили на путь демократии. Сегодня (так, например, обстоят дела во Франции) приходится говорить о **кризисе демократии**, причем некоторые обозреватели и политологи задаются вопросом, можно ли считать демократию наиболее перспективной моделью развития в новом веке, тогда как совсем недавно, после событий 1989 г., исчезновения железного занавеса и падения Берлинской стены положение дел в мире принято было воспринимать как триумф демократии западного образца.

I. Каково наше положение?

Определение демократии

Следует определить, что мы понимаем под западной или «плюралистической» демократией в противоположность так называемым народным демократиям, основанным при диктатуре пролетариата.

Катрин Лялюмьер,
Генеральный секретарь
Совета Европы
(1989–1994)

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в г. Зеленогорске (Ленинградская область), 17 февраля 2007 года.

Во-первых, в концепции демократии содержится некий механический аспект, нечто инженерное. Демократия — это совокупность **политических механизмов**, преследующих цель государственного управления «посредством народа и для народа».

Среди этих механизмов необходимо отметить принцип разделения властей, исключающий возможность сосредоточения власти в одних руках и учреждающий систему взаимного контроля ветвей власти. Но демократии присущи и другие механизмы: свобода политических партий; независимость и плюрализм СМИ (прессы, радио, телевидения, сети Интернет); свободные, честные выборы; существование парламента, созванного на основе всеобщего избирательного права и наделенного подлинной властью, включая право надзора за правительством.

Эти механические аспекты важны, и все-таки они менее существенны, чем то зерно **политической философии**, которое содержится в концепции плюралистической демократии. Под этим я понимаю основополагающие ценности, и в первую очередь свободу и уважение к правам человека.

Эти фундаментальные ценности подразумевают непременную множества различных принципов: правового государства, терпимости, уважения к другому, уважения к меньшинствам, отрицания ксенофобии, расизма, антисемитизма, стремления к социальной справедливости.

Плюралистическая демократия — это не просто разновидность институционального устройства. Это, главным образом, концепция общества и человека в обществе. Таким образом, в соответствии с современными европейскими взглядами на демократию крайне сложно вообразить, чтобы **плюралистическая демократия** не была в то же время **демократией гуманистической**.

Полезность демократии

Приняв данное определение демократии, вправе ли мы утверждать, что она **полезна** в современном мире?

Я уже упоминала, что в мире немногих стран, живущих в соответствии с демократическими принципами. Некоторые страны все еще находятся во власти авторитарных, даже деспотических режимов, основанных на силе, харизматической или теологической власти. Иные декларируют демократический путь развития, но в действительности не считают это приоритетом. Наконец, ряд правительств полагает, что жесткий, крайне жесткий режим необходим для поступательного развития экономики и укрепления государственной власти.

Тут уместно вспомнить слова Амартии Сена, индийского экономиста и лауреата Нобелевской премии, о связи между экономическим развитием, идеей социальной справедливости и демократией.

Конечно, на ранних стадиях развития государства авторитарная власть способна разбить лед консерватизма, поставить перед страной новые цели и привнести новые методы (как это происходит сегодня, например, в Китае). Несомненно и то, что в средне- и долгосрочной перспективе все обстоит не так просто. Авторитарные режимы часто влекут за собой окостенение государственной машины, порождают склеротическую олигархию и в конечном итоге создают непреодолимые препятствия на пути развития общества. Наглядным примером могут служить коммунистические режимы — от СССР до Кубы.

Одно из преимуществ плюралистической демократии — это создание пространства для свободной инициативы и творческих идей. Демократическое общество гораздо более открыто, гораздо более динамично, чем общество, осно-

ванное на власти вождя. Наконец, оно более эффективно с точки зрения обеспечения поступательности и непрерывности реформ.

Эти преимущества демократического устройства не всегда очевидны. Многих по-прежнему привлекает идея сильной руки. Сильная власть может оказаться полезной на начальном этапе решительных преобразований (например, чтобы образумить бессовестных «олигархов»). Но сохранение авторитарного режима приведет к удушению общества и в конце концов к сворачиванию реформ. Впрочем, преимущества демократической системы не исчерпываются экономической выгодой. Те из нас, кому небезразличны духовные и нравственные ценности, желают, чтобы политический режим уважал человека, его убеждения, его культуру, его религию, его личность, одним словом — его достоинство.

Возьмем пример Европейской конвенции о защите прав человека. В ней говорится: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен». Это положение раскрывает концепцию ценности человеческой личности. Такая максима немыслима и недопустима в более примитивном обществе, верящем в закон возмездия и назидательный характер смертной казни. Следовательно, это вопрос более философский, чем политический. Я знаю, что множество людей во всем мире поддерживают эту гуманистическую философию. А некоторые готовы за нее умереть. Они доказали это, сражаясь с тоталитарными режимами XX века, — доказали в борьбе с нацизмом, фашизмом, франкизмом и сталинизмом.

Да, плюралистическая демократия сулит множество преимуществ. Это и позволило Уинстону Черчиллю с юмором заметить: «Демократия — наихудшая форма правления, если не считать всех остальных».

Кризис демократии

Столь радужный вывод не исключает того, что сегодня мы вынуждены говорить о **кризисе демократии**.

Действительно, мы с полным основанием обеспокоены нарушениями в функционировании демократических режимов. Такие нарушения вызваны различными причинами.

Если проследить историю стран Восточной и Центральной Европы со времени установления там в 1989 году демократических режимов, мы обнаружим ряд явлений, которые ослабляют и даже искают демократическую практику.

Основная трудность на пути исправного функционирования демократии состоит в отсутствии демократических традиций. Эволюция мышления требует времени. Плюрализм мнений, свобода прессы, разделение властей, сдерживание коррупции, независимость судов, невмешательство исполнительной власти, автономия местных органов власти — всему этому необходимо долго учиться. Неудивительно, что посткоммунистические страны еще не вышли из переходного периода.

Кроме того, переходный период дестабилизирует общество. С одной стороны, мы наблюдаем быстрое развитие экономики и фантастическое обогащение отдельных лиц. С другой стороны, слом прежней системы социальной защиты приводит к обнищанию множества людей. Нестабильность среды способствует развитию популистских настроений, национализма, частичной ксенофобии, расизма, антисемитизма — одним словом, идей, противных демократическому идеалу.

И все-таки ситуация далека от отчаянной, так как мы можем надеяться, что общественные потрясения уступят место эволюции, соразмерной с нормальным функционированием демократических механизмов.

Наконец, нельзя оставить без внимания кризис национальной идентичности,

Кеннет Армитидж. Люди на ветру. 1950

ставший следствием изменения границ между государствами и их правового статуса. К примеру, русскоязычные меньшинства, проживающие в странах Балтии, в Молдавии или на других территориях, входивших в состав СССР,

тяжело переживают то, что теперь они меньшинства в обретших независимость странах. В то же время национальное большинство в этих новых государствах с трудом уживается с представителями русскоязычных меньшинств, которых

иногда считают «оккупантами». Происходящие из общественных сдвигов трения способствуют росту националистических настроений и ксенофобии, что неизбежно нарушает естественный ход демократического становления.

В Западной Европе дела обстоят не намного лучше. Система дает сбои даже в странах с длительной традицией плюралистической демократии (в Великобритании, во Франции). Так, следует отметить общее снижение доверия к представительной демократии. Разочаровавшись в народных избранниках, граждане, чтобы быть услышанными, часто действуют в обход официальных органов власти. То есть мы говорим о так называемой демократии участия, которая произрастает из «гражданского общества» и стремится заместить «представительную демократию». С одной стороны, можно предположить, что демократия участия дает вторую жизнь представительной демократии. Но в этом кроется и опасность. Сосредоточиваясь на интересах малых общественных групп и даже отдельных лиц, демократия участия может привести к утрате масштабного видения, к росту эгоизма и эгоцентризма.

В

Западной Европе, так же как в центрально- и восточноевропейских странах, сегодня наблюдается рост национализма и ксенофобии — тенденций, ослабляющих демократию и способных остановить как общественный, так и экономический прогресс.

К этим внутренним трудностям следует прибавить внешние угрозы, несущие риск свержения демократических режимов.

Вспомним о военных угрозах, которые изменились, но не исчезли с течением лет (очевидно, что распространение оружия массового поражения в странах с антидемократическими режимами может обернуться катастрофой).

Вспомним о террористической угрозе и, в общем, об угрозе растущего религиозного фанатизма и фундаментализма. Всякая вера, включая религиозную веру, которая вырождается в

Сохранение авторитарного режима приведет к удушению общества и в конце концов к сворачиванию реформ

фанатизм, представляет собой реальную угрозу для демократических режимов и для самой концепции демократии, неразрывно связанной с принципами личных свобод и терпимости.

Очевидно, что демократы не могут оставаться безразличными перед лицом этих угроз.

II. Что делать?

Может возникнуть искушение опустить руки, предоставить события их естественному ходу, жить надеждой, что экономическое процветание удовлетворит желания народа. Такому искушению поддаются многие страны мира. Действительно, мы говорили об этом выше, экономическое развитие возможно и без подлинной демократии (вспомним современный Китай). Верно, на первый взгляд, и то, что народ с радостью примет режим, который способен обеспечить ему материальное довольство.

А) Это, несомненно, так, но лишь в краткосрочной перспективе. Стоит нам расширить горизонт, как все предстанет по-другому.

Во-первых, само экономическое развитие тяготеет к открытости, свободе, юридической защищенности, одним словом — к демократии.

В этой связи уместно провести границу между понятием свободы, соотнося-

щимся, по существу, с личными, политическими или гражданскими свободами, и понятием экономического либерализма. Конечно, основные личные и гражданские свободы обычно подразумевают и свободу предпринимательства, свободу капиталовложений, свободу продажи или покупки товаров или услуг, однако экономический либерализм — это нечто иное. Это система экономического устройства, всячески благоприятствующая свободному рынку и развитию конкуренции и стремящаяся ограничить, насколько это возможно, вмешательство государственной власти в экономику. Так, можно быть ревностным поборником гражданских прав и при этом опасаться крайностей экономического либерализма в чистом его виде.

Во-вторых, сколь бы ни были важны экономические вопросы, человек, в том числе в современном обществе, нуждается и в духовной пище. Он испытывает нужду в идеале и хочет, чтобы жизнь его была осмысленной.

Экономическое и финансовое благополучие, если человек сумел его достичь, способно удовлетворить его на какое-то время. Но однажды ему захочется другого: он пожелает свободы, культурного разнообразия, он попросит, нет, потребует, чтобы его уважали как человека. И в такой день этот человек, даже если удовлетворены его материальные потребности, вновь откроет для себя смысл плюралистической демократии. В случае, если ему будет отказано, — а тоталитарные режимы склонны отказывать людям в свободах, — он восстанет даже под страхом слома экономической системы и утраты материальных благ.

Иными словами, на определенной стадии экономического развития общество перерастет рамки материального благополучия и возжаждет свобод, которые могут быть дарованы плюралистической демократией, несмотря на все несовершенство последней.

Конечно, разновидности плюралистической демократии варьируют от страны к стране в зависимости от исторических, культурных или религиозных традиций.

В некоторых странах, например в Европе, гуманистические ценности побуждают сосредоточиваться на защите личных прав и свобод. В других странах приоритетом может обладать концепция интересов группы, коллектива, сообщества.

Но суть остается неизменной: каждому человеку должно быть гарантировано право на осмысленную жизнь и на свободный выбор.

В) Если плюралистической демократии суждено сохранить позиции в начале XXI столетия, ей предстоит устраниć функциональные проблемы, которые я склонна относить к трем крупным категориям: утрата доверия; отсутствие эффективности; отсутствие перспективы. Что касается первой из этих категорий, берусь утверждать, что демократия в XXI веке не получит развития без укрепления **доверительных связей** между гражданами и их избранниками, без успешной борьбы с коррупцией и некомпетентностью в правящих кругах, без усиления солидарности между гражданами вне зависимости от их расы, этнической принадлежности, религии и культуры.

Демократия предполагает гармоничные отношения между членами общества — как по горизонтали, так и по вертикали. Мы должны предпринимать реальные шаги по усилению или воссозданию утраченных связей.

Впрочем, необходимо отметить способность демократии к самооздоровлению. Если демократическая система работает исправно, именно ее механизмы оптимальны для устранения возникших в общественной среде трений. К примеру, проблемы меньшинств, которые при авторитарных режимах лишь камуфлируются, могут быть успешно разрешены

посредством механизмов плюралистической демократии, таких как свободные выборы, разнообразие политических партий и СМИ.

Второй вопрос — недостаток **эффективности** — также вызывает законную тревогу. Запутанные, чрезмерно усложненные демократические механизмы могут привести к нерешительности, политической слабости и бессилию.

Причем последнее относится ко всем областям политики — внутренней (экономической, социальной и пр.) и внешней. Бессилие, малодушие! То, что во Франции мы называем «духом Мюнхена» — в память о печальных соглашениях, которые вынудили Францию и Великобританию принять захват Чехословакии Гитлером. А Веймарская республика — она тоже погибла от собственной слабости.

Сегодня Европейский союз стоит перед схожей проблемой. Раздающаяся в его адрес критика направлена, чаще всего, не против учреждаемых законов, а против нерешительности и слабоволия европейских властей. Такова, например, ситуация во внешней политике. Множество европейцев выступают за то, чтобы ЕС вел более активную внешнюю политику, не вступая в войну, но стремясь принести мир — в зону палестино-израильского конфликта, в Ливан, в Африку и в другие регионы. Однако осторожность, похоже, берет свое...

Наконец, не следует забывать о третьем вопросе. Для исправного функционирования демократии необходимо, чтобы правящие круги в полной мере сознавали свою ответственность, в частности, за постановку **целей**, которые могут и даже должны быть честолюбивыми.

Да, в демократическом государстве граждане играют выдающуюся роль, но это не означает, что представители власти не должны обладать воображени-

ем, видением, убеждениями, идеалами. Демократической системе нужны цели, способные мобилизовать, даже воодушевить граждан. Демократия подобна океанскому кораблю. Если у его

*Демократия в XXI веке
не получит развития без укрепления
доверительных связей между гражданами
и их избранниками*

руля не стоит капитан, корабль разбьется о риф.

Разумеется, речь не идет о возрождении культа идеологий и догм, преследовавших человечество в XIX и XX веках. Речь не идет и о соблазнах национализма, о чрезмерном возвеличивании государства.

Речь идет о необходимости найти равновесие между двумя полюсами — апатией и отсутствием ясных целей, с одной стороны, и, с другой стороны, непомерной гордыней и жаждой власти. Именно этого ожидают от властей подлинные демократы — проекта, осмысленного, конструктивного проекта, способного удовлетворить как материальные нужды граждан, так и их духовные запросы в атмосфере, это существенно, уважения к человеческой личности и к свободе.

Если эти слабости будут устранены, плюралистической демократии уготовано в XXI веке светлое будущее.

Она по-прежнему остается самой современной и незаменимой формой правления. И если мы сумеем ее обновить и использовать в полную силу, она пребудет «наименее худшей из всех политических систем».

Таково, во всяком случае, мое убеждение.

Перевод с французского
Марка Дадяна

CONTENTS

In defense of modernity	
Where is Russian capitalism going?	
<i>Yuri Senokossov</i>	5
Seminar	
The end of empire and the dissemination of power in the XXI century	
<i>Roderic Lyne</i>	12
Discussion	22
Notes from the seminar	
<i>Yuri Girenko</i>	28
Theme of the issue	
Foundation of future generation and pension reform	
<i>Sergey Vasiliev</i>	30
XXI century: challenges and threats	
How to become a great power	
<i>Fyodor Lukyanov</i>	38
Concept	
Rates of self-organization in civil society	
<i>Igor Kokarev</i>	46
Discussion	
From words to deeds?	
<i>Alexander Volkov</i>	53
A politico-intellectual map of Russia	
<i>Igor Mintusov</i>	58
Politics and culture: nationalism in Russian hip-hop	
<i>Lika Rygina</i>	65
Freedom and culture	
Finnish information society	
<i>Harry Helenius</i>	71
Person in profession	
Morality in competitive business	
<i>Sergey Petrov</i>	77
New practices and institutions	
State corporations: economic and geopolitic efficiency	
<i>Sergey Burkov</i>	84
Horizons of understanding	
The opportunities for civil society in the context of administrative reform	
<i>Mikhail Savva</i>	91
Our announcement	
Towards freedom	
<i>Ariadna Tyrkova-Williams</i>	99
Books	
«The Philosophy Steamer»	
<i>Andrey Zakharov</i>	104
Regional review of books	
<i>Sergey Ponomarev</i>	
<i>Alexander Volkov</i>	
<i>Vladimir Muzharovskiy</i>	107
Counterpoint	
<i>Alexander Arkhangelskiy</i>	112
Nota Bene	
Democracy in the dawn of the XXI century	
<i>Catherine Lalumierre</i>	117

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

Россия в современном мире

СЕМИНАР

(Голицыно, май 2007)

Наши авторы:*Урбан Алин**Александр Архангельский**Александр Аузан**Егор Гайдар**Зоя Ерошок**Андрей Захаров**Дмитрий Зимин**Константин Косачев**Ярослав Лисоволик**Алексей Миллер**Владимир Познер**Арсений Рогинский**Альваро Хиль-Роблес**Петр Щедровицкий*

**Книги, выпущенные
ИНСТИТУТОМ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ
ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ
НАУКАМ (ИРИСЭН)**

Шеллинг Томас. Стратегия конфликта. Пер. с англ. — М.: ИРИСЭН, 2007. — 368 с.

Книга Нобелевского лауреата 2005 года, Томаса Шеллинга, впервые изданная на русском языке, считается классической работой по конфликтологии.

Автор рассматривает конфликты с позиций определения наилучшей стратегии действий сторон, вовлеченных в конфликт, требующей той или иной степени их сотрудничества и взаимного приспособления, общения и взаимодействия с противником-партнером для достижения результатов. Подробно рассматриваются явные и скрытые механизмы конфликта и такие их составляющие, как координация действий, торги открытые и неявные, угрозы, делегирование полномочий, конфронтация и т. д. Много внимания уделено проблемам принятия решений, возможной реакции на них оппонентов, рассмотрены вопросы ситуационного прогнозирования, роли различных субъективных и объективных факторов. Приведены формулы, моделирующие вероятное поведение соперников. Теоретические и практические построения этого междисциплинарного труда могут применяться в таких областях деятельности, как международные отношения, военное дело, политика, бизнес и др.

Арментано Доминик Т. Антитраст против конкуренции. Пер. с англ. — М.: ИРИСЭН, 2005. — 432 с.

Книга посвящена антимонопольной политике США. У автора свой взгляд на антитрастовое законодательство. Он приводит яркие примеры того, как антимонопольное регулирование затрудняет процесс конкуренции, а не способствует ему. Проанализированы классические судебные дела (Standard Oil, American Tobacco, Procter–Clorox, Telex-IBM и др.). Д. Арментано показывает, как компании, приносящие пользу потребителям в виде более низких цен и улучшения качества товаров, становились объектом судебной расправы. Государственное лицензирование, сертификаты, пошлины и другие законодательно вводимые ограничения на деле могут использоваться для поддержки монопольной власти отдельных корпораций, защищая их от конкуренции.

Практический вывод таков: антимонопольные законы часто наносят ущерб национальной экономике и создают почву для злоупотреблений.

Книга будет полезна тем, кто изучает и пытается адаптировать западные институты к российским условиям, особенно экспертам и практикам антимонопольного регулирования.

AHO «Московская школа политических исследований»

(получатель платежа)

ИНН 7703153998 КПП 770101001

Сч. № 40703810900001002316

в ОАО «НК Банк» г. Москва

БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278

(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом)

Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2007 г. (4 выпуска)

(наименование платежа)

Сумма платежа **700** рублей

Дата

Подпись плательщика

квитанция
кассир

AHO «Московская школа политических исследований»

(получатель платежа)

ИНН 7703153998 КПП 770101001

Сч. № 40703810900001002316

в ОАО «НК Банк» г. Москва

БИК 044579278 Сч. № 3010181090000000278

(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом)

Подписка на журнал «Общая тетрадь» на 2007 г. (4 выпуска)

(наименование платежа)

Сумма платежа **700** рублей

Дата

Подпись плательщика

квитанция
кассир

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходить бандероль с журналом.
- Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)202-85-01 или по эл. почте kira@msps.su
В цену подписки не включена комиссия Сбербанка.
- Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте kira@msps.su или по тел. (495)202-85-01.

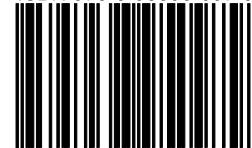

Подписано в печать 15.06.2007.
Формат 70x108/16.
Бумага мелованная.
Гарнитура Newton.
Усл.-печ. л. 8.
Тираж 1000 экз.
Заказ №

Московская школа
политических исследований
123104, Москва,
Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21.
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.
Отпечатано

ISBN 978-5-93895-097-9

9 785938 950979 >